

Р. В. БОБРОВ

ДОМ
У ЗОЛОТОГО
ПРУДА

Р. В. БОБРОВ

*Дом
у Золотого пруда*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА

Дмитрий Никифорович
КАЙГОРОДОВ

Р. В. БОБРОВ

*Дом
у Золотого пруда*

В ДВУХ КНИГАХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
СПбНИИЛХ
2001

Рецензент
доктор сельскохозяйственных наук,
профессор
Е. С. АРЦЫБАШЕВ

Редактор
и ответственный за выпуск
Б. Л. ВОЛКОВ

Бобров Р. В. Дом у Золотого пруда. - СПб.: СПбНИИЛХ, 2001.

- 454 с.

Книга «Дом у Золотого пруда» задумана в двух частях. Первая - о Дмитрие Никифоровиче Кайгородове, его жизни, деятельности и тех 70-ти годах дореволюционного прошлого лесного ведомства России, в которых Д. Н. Кайгородов был известным и достойным деятелем. Вторая - о людях науки, принявших от Кайгородова и его современников эстафету лесных проблем.

Дом Д. Н. Кайгородова, входящий в комплекс зданий крупнейшего в стране Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства, как и все творческое наследие его бывшего хозяина, а также люди, трудившиеся в нем, служили и служат России, отечественному лесному хозяйству.

ISBN 5-900786-46-3

© Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт лесного хозяйства (СПбНИИЛХ), 2001.

Предисловие

Эта книга о прошлом и настоящем небольшого микрорайона Лесное г. Санкт-Петербурга, а больше о людях, которые оставили «на века» заметный след своим творческим трудом во славу нашего города и России в целом.

В ней вы найдете также интересную и профессионально достоверную информацию о «чудаках»-современниках, радеющих о сбережении и восстановлении зеленого покрова нашей страны некогда могучих лесов России. Эти люди тоже «герои-великаны», работающие на три-пять поколений вперед. Но это потом, как принято у нас на Руси, оценят потомки.

Интересующий нас микрорайон Лесное начинается с Новороссийской улицы, с ее северо-западного конца, т.е. от проспекта Энгельса. В прошлом это дальняя окраина Петербурга, где первоначально проложенные просеки-улицы официальных названий не имели. Некоторые из них, как писал С. Л. Безбах (1929 г.), сохраняли названия дорог, проходивших на их месте, другие свои названия меняли. Так, например, Малая Спасская (ныне пр. Мориса Тореза) называлась Муринской дорогой, Новороссийская улица – Малым Муринским проспектом, нынешний Институтский проспект носил название Большого проспекта. После смерти В.Д. Новосильцева, погибшего в 1825 году на дуэли с К.П. Черновым, Малый Муринский проспект был переименован в Новосильцевскую улицу (на месте дуэли в северо-западной части парка Лесотехнической академии до сих пор сохранилось памятное обозначение в виде двух гранитных плит, расстояние между которыми убийственно мало. Отчаянные же были люди, ничего не скажешь!).

Итак, мы с вами на Институтском проспекте, в северной его части, на берегу Серебряного пруда. Напротив - комплекс зданий старейшего в России Научно-исследовательского института лесного хозяйства. Здесь трудятся около двухсот ученых-лесоводов, результаты разработок которых используются от Сахалина и Камчатки до западных пределов страны, от северных границ тайги до лесостепной и степной зон России.

Здесь же, на территории института, слева от главного корпуса (если смотреть со стороны Серебряного пруда) стоит красавец-коттедж. Это - дом профессора Д.Н. Кайгородова, известный в специальной литературе как «Дом у Золотого пруда» (несохранившийся Золотой пруд находился в юго-западной части дендропарка института). Об этих домах у Золотого и Серебряного прудов, о славном хозяине одного из них Дмитрие Никифоровиче Кайгородове, в этой книге вы найдете много интересного, поучительного и весьма ценного в социальном, политическом и историческом плане. Вы сможете проследить преемственность научных воззрений от классика русской натурфилософии Д.Н. Кайгородова до наших дней.

Крупных художественных произведений, посвященных ученым-лесоведам России, сравнительно мало: «Русский лес» Л. Леонова, несколько очерков В. Чивилихина, «Полковник корпуса лесничих» Г. Редько и 2-3 книги других авторов. А ведь стряпня социальной и политической кухни варится не в лесу, а в кабинетах высокопоставленных чиновников, где решается судьба русского леса, а вместе с ней и будущее наших потомков.

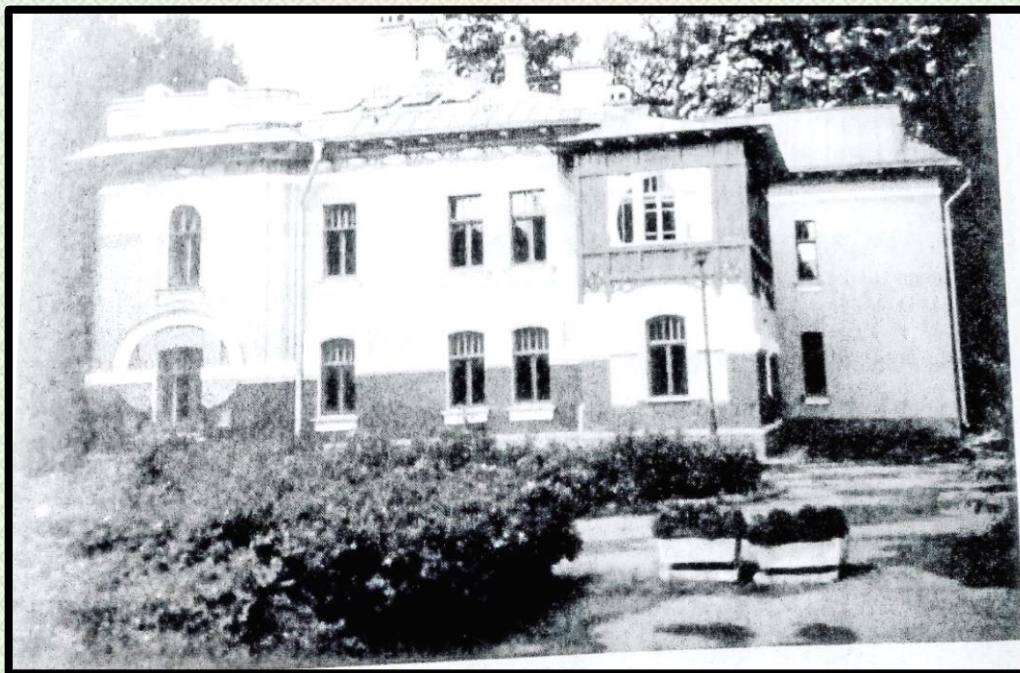
Автор настоящей книги - не новичок в лесных проблемах. Он опытный производственник, ученый, писатель-историк.

В июне 2000 года Рэму Васильевичу Боброву исполнилось 70 лет. Он родился в Ленинграде, работать начал в осажденном городе в 1942 году. В 1954 году окончил Лесотехническую академию, и за 40 лет трудовой деятельности прошел все должностные ступени отрасли: был лесничим, начальником областного управления лесного хозяйства, заместителем министра лесного хозяйства РСФСР. Так уж сложилось, что в 1987 году Р.В. Боброву работу в науке пришлось начинать с «чистого листа»: сначала в должности научного сотрудника, затем заведующего научным сектором, заведующего отделом по науке ВНИИЦлес-ресурс и, наконец, заместителя директора ВНИПИЭИлеспрома. Последняя должность Р.В. Боброва в науке - ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского НИИ лесного хозяйства.

А. Ф. ЧМЫР.
член-корреспондент Российской академии
сельскохозяйственных наук, профессор

КНИГА 1

Дом у Золотого пруда

На шмуцтитуле:

Дом Д.Н. Кайгородова, или Дом у Золотого пруда

Введение

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оное есть постыдное малодушие.

А.С. Пушкин

Жителям Лесного в Петербурге в начале прошлого века часто приходилось встречаться в парке Лесного института с седым высоким сутуловатым мужчиной. С чуть виноватой застенчивой улыбкой обращал он доброжелательный взор свой к тем, кто спешил его поприветствовать. Поселок Лесной в то время был тихим малолюдным пригородом. Обитатели его знали друг друга в лицо. Дмитрий же Никифорович Кайгородов, профессор Лесного института, был человеком известным не только в Санкт-Петербурге, но и за пределами России.

Замечательный ученый, известный писатель-популяризатор, любитель и друг природы, великолепными литературными зарисовками которого зачитывалась просвещенная Россия. Д.Н. Кайгородов был одним из образованнейших людей страны, а для земляков - доброжелательным соседом, старостой местной церкви, человеком, в меру сил своих всегда готовым прийти на помощь нуждающимся.

Утренние прогулки по институтскому парку являлись для Дмитрия Никифоровича не только своеобразным путешествием за очередными темами своих популярных рассказов о природе, публикуемых в газетах и журналах «Новое время», «Родник», «Сельская жизнь» и других, но и частью почти полувековых исследований по фенологии, «отцом» которой не без основания считают Д.Н. Кайгорова.

Ступая по чуть заметным тропинкам парка, Дмитрий Никифорович прислушивался к звукам, долетающим до него из-под древесных ветвей и кустов, узнавая в них знакомые голоса птиц, шорохи укрывшихся в зарослях зверьков. Он в точности знал, где раскроется первый куст мать-и-мачехи, где зацветет голубая перелеска, на каком заборе в Лесном институте появятся первые насекомые и когда зазвонят песни первых перелетных птиц. Дмитрий Никифорович подолгу стоял у парковых дорожек, закинув голову и закрыв глаза, с улыбкой вслушиваясь в природу.

Внимательным взором провожая пролетающих или проползающих насекомых, профессор делал пометки в небольших аккуратных записных книжечках. Сотни таких книжек с записями ежедневных наблюдений легли в основу составленных им фенологических карт - летописи природных явлений России, без которых невозможна современная наука о земледелии. Заслуга Дмитрия Никифоровича Кайгородова и в том, что интерес свой он сумел передать тысячам таких же, как он, энтузиастов - любителей природы, ставших впоследствии его бескорыстными помощниками и корреспондентами. С их помощью Д.Н. Кайгородов превратил российскую фенологию в крупнейшее направление отечественной и мировой науки.

В Санкт-Петербургском Лесном институте Д.Н. Кайгородов преподавал лесную технологию и инженерное искусство, дисциплины скорее технические, касающиеся лесоинженерных направлений, впоследствии развившихся в самостоятельный факультатив по лесоэксплуатации. Он фактически стоял у истоков отечественной лесной промышленности.

В жизни талантливых людей все органически связано и переплетено: и многоплановость их творческих интересов, и удивительный подъем душевных сил, и самоотвержение, подвигающие на, казалось бы, неисполнимые для обыкновенного человека дела. Как справедливо заметил американский поэт Уиппл Эдвин Перси: *«Гений не есть какое-либо одно дарование, это сочетание многих великих дарований»*.

Дмитрий Никифорович Кайгородов был не только видным ученым в нескольких важнейших направлениях науки, но также писателем, музыкантом, педагогом. Выделить в его творчестве что-то главное трудно. Судьба его состоит из поворотов, казалось бы, самых неожиданных. Получив первоначальное образование сначала в кадетском корпусе, затем в офицерском училище, он служил в артиллерии, а позже заведовал химической лабораторией на крупнейшем в России Охтинском пороховом заводе, был офицером-пороходелателем. Оставив военную службу, Д.Н. Кайгородов переквалифицировался в специалиста по лесной технологии, то есть фактически основал в Лесном институте новую специализацию инженеров-технологов, создававших в России лесную и деревообрабатывающую промышленность. Преподавательскую свою деятельность в Лесном институте он начал с 1875 года и практически не прерывал ее до своей смерти, наступившей в 1924 году. С 1871 года Д. Н. Кайгородов начал вести в окрестностях Петербурга записи сезонных явлений в природе, которые постепенно расширял и углублял до последнего своего дня. Результатом этих записей явились богатейшие материалы по динамике сезонных явлений живой природы.

В 1895 году Д.Н. Кайгородов положил начало созданию на территории нашей страны массовой фенологической сети, которая после революции сформировалась в фенологическую сеть Центрального бюро краеведческих и гидрометеорологических организаций.

И 1872 году Д.Н. Кайгородов прочитал первую свою популярную лекцию в Охтинс-ком рабочем поселке, а с 1878 года начал цикл чтений и публикацию очерков по русской природе. Слава талантливого популяризатора дополнилась славой основоположника школьного экскурсионного дела в России. Д.Н. Кайгородов сыграл огромную роль в области школьного естествознания и многое сделал для развития интереса к природе среди самых широких кругов русского общества.

Д.Н. Кайгородов был замечательным представителем русской интеллигенции: талантливый публицист, писатель, основоположник научно-популярной литературы о лесе, искусный организатор науки и, в то же время, прекрасный музыкант и композитор, автор десятков романсов, сонат, скерцо, признанный художник-пейзажист и экспериментатор-изобретатель, создававший приборы для изучения технических качеств древесины, которые до сих пор находят применение в науке и практике. Во время и после революции Дмитрию Николаевичу пришлось сполна испытать горькую чашу простого русского интеллигента с ее моральными унижениями, материальными лишениями, крушением жизненных идеалов, потерей любимых учеников и близких.

Жизнь и деятельность Д.Н. Кайгородова до революции была широко известна. Однако пресловутая сословная нетерпимость после революции коснулась и его: книги ученого уже более полувека не переиздаются, заслуги перед отечественной наукой и практикой замалчиваются, сын его - известный художник А.Д. Кайгородов вынужден был эмигрировать, а дочь Тамара Дмитриевна в 1930 году была осуждена и отправлена в концлагерь. Утрачена богатейшая коллекция и библиотека Кайгородова. Средства, по копейкам собранные по всей России на памятник ученому и переиздание его книг, затерялись. Правда, дом Д.Н. Кайгородова у Золотого пруда, приютивший в свое время, первый в нашей стране Научно-исследовательский институт лесного хозяйства, в настоящее время приобрел свой первозданный облик и стал архитектурным украшением территории, на которой расположен.

Предлагаемая книга ставит своей целью в очередной раз напомнить о нашем замечательном соотечественнике и привлечь внимание к его литературному и научному наследию.

Дом у Золотого пруда

*Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой верный домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой,
И скромную семьи моей обитель!*

А.С. Пушкин

Обосноваться домиком на собственной земле Кайгородовы мечтали давно. Длинными зимними петербургскими вечерами беседовали Дмитрий Никифорович с Валентиной Романовной о том, как славно было бы собраться в собственном доме с сыном, дочерью, братьями - Нестером, Иваном, Михаилом. Сколько можно мотаться по казенным квартирам!

Валентина Романовна разделяла мечту мужа. Только где взять такую уйму денег? Профессорское жалование Дмитрия Никифоровича составляло 2400 рублей в год. Столовых платили по 300 рублей. Наградные за выслугу лет по 1500 рублей в год стали выдавать только с 11 сентября 1891 года. Были, правда, приработки и прежде, но небольшие: с 16 декабря 1887 года по 21 апреля 1891 года Дмитрию Никифоровичу приплачивали по 500 рублей за исполнение обязанностей помощника директора института. В мае 1891 года его избирали членом хозяйственного комитета института, но должность эта уже стала неоплачиваемой.

Семья, хотя и небольшая по нынешним временам, но всех троих - Женю, Анатолия и Тамару - надо было учить. Только покойный Женечка определен был в кадетский корпус, а Толя и Тамара закончили гимназию, Толя затем - университет и училище барона Штиглица. Ко всем надо было приглашать учителя музыки и рисования. Если бы не гонорары Дмитрия Никифоровича в «Новом времени», его книги и гатчинские приработки на занятиях с великими князьями по естественной истории, где ему приплачивали по половине профессорского содержания - 1400 рублей, тогда бы о доме и речи быть не могло¹. Рублями, копейками - сначала в шкатулке, а затем уже на банковском счете в банке - копили на черный день, на болезнь, на старость те несколько тысяч, которые удалось собрать за 30 лет непрерывного труда. Да хватит ли этих денег на дом?

Валентина Романовна задумалась. Вспомнила, что подходит начало месяца и надобно послать очередные 200 рублей Анатолию в Мюнхен, где он стажирется в живописи у Холоши.

- Нет, на дом денег не хватит, - снова неуверенно подумала она.

- Соберем, - как бы догадываясь об опасливых мыслях супруги, успокаивал Дмитрий Никифорович Валентину Романовну. *- Не хватит, торопиться с отделочными работами не станем, братья помогут. Как-никак, все они в генералах. Дом-то и им пригодится. Должно же быть у Кайгородовых хоть когда-то родовое гнездо. Иван уже в отставке. Через год-другой и нас институт попросит с казенной квартиры, поскольку вопрос об отставке в институте уже решен, а переход мой в Ученый комитет Министерства согласован. Институтскую квартиру в любом случае придется оставить.*

Валентина Романовна согласно кивала головою. Она всегда и во всем верила мужу.

Нестеру служить осталось немного, - продолжал уговаривать Дмитрий Никифорович жену. *- Михаил своего дома не имеет. Даром что начальник штаба полка, а случись что, с казенной квартиры в гарнизоне сразу попросят. Востребуют ее интенданты для нового начальника. Помогут братья, коли своими деньгами не управимся,* - заверял Дмитрий Никифорович опасливую Валентину Романовну.

Та уже в который раз согласно склонила голову.

Строиться решили здесь же, в Лесном. Очень уж привыкли к здешним местам Кайгородовы за тридцать лет. Валентина же Романовна помнила их, почитай, всю жизнь. Еще отец ее после ухода из полка, оказавшись запасным лесничим при Лисинском учебном лесничестве, нередко наезжал по делам в Лесной институт, куда и ее брал с собою посмотреть по пути город, а заодно и то, как живут студенты.

Земля в Лесном дорога и дефицитна, но институтский хозяйственный совет, в котором многие годы состоял Дмитрий Никифорович, поддержал просьбу заслуженного профессора, а директор, Петр Самсонович Коссович, одобрил решение совета. Нашли и место подходящее - в конце институтской усадьбы небольшой пустырек, без которого институт вполне мог обойтись.

Уведомление о продаже Д.Н. Кайгородову земельного участка под строительство собственного дома пришло в июне 1903 года. На плотной с гербами бумаге Дмитрий Никифорович прочитал долгожданное решение: «По всеподданнейшему докладу Императору Министерства земледелия и Государственных имуществ из состава институтских земель в виде исключения продать Д.Н. Кайгородову на Выборгской стороне Санкт-Петербурга в Лесном у «Золотого пруда» 600 квадратных саженьей земли из расчета по 2 рубля за квадратную сажень (1052 рубля)».

Участок располагался в двадцати минутах ходьбы от главного здания института. И хотя был он пока еще в кочках и мелколесье, Дмитрий Никифорович с Валентиной Романовной не могли нарадоваться своему «имению». Прямо от участка начиналась лужайка, спускавшаяся полого к берегу обширного и удивительно чистого для городской окраины пруда. Родники на дне его работали исправно, не давая пруду затянуться тиной, а берегам обрасти осокою. Пруд всегда стоял чистым с почти прозрачной водой. Только в начале лета со стоящих по соседству сосен на хрустальную гладь пруда щедро падала желтая сосновая пыльца. Она золотилась в лучах восходящего солнца, весело переливалась радужными всплесками. Оттого и называли местные жители пруд «золотым».

Всю зиму Кайгородовы обсуждали вопрос о предстоящей постройке уже окрещенного «теремком» дома. Строить его решили просторным, с комнатами для всех членов семьи и гостевыми для братьев, со светлой художественной мастерской для сына Анатолия и обширной, соединенной с кабинетом Дмитрия Никифоровича, библиотекой.

Грандиозные планы строительства «теремка» расстроил брат Иван - отставной генерал-майор, преподаватель математики гродненской гимназии, военный инженер и опытный строитель. Он внимательно просмотрел составленный проект дома, посчитал и велел убрать половину комнат, поскольку иначе «никаких денег не хватит». По его расчетам, вкладываться надо максимум в 40 квадратных саженей. К весне 1904 года проект двухэтажного дома на 38,7 квадратных саженей был готов. В подрядчики, по совету служившего в Выборге другого брата Дмитрия Никифоровича - Нестера Никифоровича, пригласили талантливого строителя Голла, уже зарекомендовавшего себя удачно построенными вилами в Финляндии и не успевшим, в отличие от столичных архитекторов, «потерять совесть» в ценах на свою работу.

Фасад к «теремку» нарисовал П.П. Маресьев - муж Тамары, дочери Дмитрия Никифоровича. Петр Петрович хотя и служил в Николаевской инженерной академии на кафедре инженерного искусства по классу фортификации, но и к гражданскому строительству имел немалую склонность. Особенно к новым его модернистским направлениям.

Братьям Дмитрия Никифоровича не очень понравились «художества» Петра. Больше других ворчал Иван Никифорович:

- Книги Петра по фортификации читал. Одобряю. Фасад «теремка» может быть у Петра и не плох, только я лично предпочел бы для фундаментальной постройки стиль, имеющий право давности. Новый еще развивается, не установился вполне, и очень сомнительно, чтобы он долго продержался.

Молодым Кайгородовым и самому Дмитрию Никифоровичу, наоборот, «художества» Петра понравились. Проект дома одобрили.

В июне 1904 года после молебна на участке будущего строительства собралась вся кайгородовская семья, родственники Валентины Романовны - Дицы, университетские друзья сына и подруги Тамары. Торжественно положили первый камень будущего дома, бросили на счастье в котлован под фундамент монеты и раскупорили шампанское.

- Счастье этому дому. Бог в помощь!

Надзор за строительством поручили сыну старого товарища Дмитрия Никифоровича, художника Кареухина - Федору Кареухину, строившему по соседству от «теремка» коммерческое училище. Так было и подешевле, и Кареухину удобно.

Только полистав папку со строительными документами и счетами можно понять, с какой экономией и расчетливостью строился «теремок», сколь заботливо и расчетливо подбирал Дмитрий Никифорович для строящегося дома недорогие, но добротные строительные материалы, «удачные без шику» краски, а также совестливых подрядчиков.

На «свои», собранные по рублику, строил дом профессор Кайгородов.

Дом получился на славу: красивый, просторный, теплый, с добротным подвалом и вместительной мансардой, пристроенными с боков верандами, живописным крыльцом. Входную дверь и угловые окна дома украсили оригинальные наличники, по форме повторявшие круглые окна резной деревянной веранды, выходящей выступом в сад, над которым Дмитрий Никифорович трудился впоследствии все свободное время. Над окнами второго этажа положили изящный резной фриз с цветами и листьями кувшинок. На аттике соорудили кованую изящную решетку.

С юга каменный балкон Дома выгодно смотрелся на небольшой сад-цветник с кустами малины и сирени вдоль деревянного забора и одним лишь деревом - яблонькой посредине аккуратной лужайки.

Внутренняя отделка также удалась хорошо и стоила недорого. Занимался ею сам Анатолий Дмитриевич — сын Дмитрия Никифоровича, унаследовавший не только кайгородовские таланты к искусствам, но и успевший к тому времени помимо Университета закончить еще и Центральное училище рисования в Петербурге (известное училище барона Штиглица), постажироваться в Мюнхене (1900-1902), затем в академии Р. Жюльена в Париже у Ф. Коларясси (1905). В училище Штиглица, как известно, теоретиков не жаловали. Ученики его сами должны были уметь и лепить, и резать, и работать с металлом. Училище барона было прикладное – там учились в фартуках, а кончали его с мозолями. Умел руками работать и младший Кайгородов.

Анатолий Дмитриевич и рисовал также мастерски. Своим учеником его считал сам Архип Иванович Куинджи. Известность художника-пейзажиста А. Д. Кайгородов имел уже с конца прошлого столетия. Начиная с 1899 года Анатолий Дмитриевич - постоянный участник российских и зарубежных художественных выставок. Его картины «Стога», «Березы перед непогодой», «Под снегом», «Лесной хуторок» критики очень хвалили. Так что его умелые руки очень пришлось кстати при отделке внутренностей «теремка». Анатолий Дмитриевич подбирал паркетные фризы, делал эскизы домашних интерьеров, расписывал потолки и плафоны. Анфилады парадных комнат второго этажа украсили картины его собственной кисти и подарки друзей-художников.

Небольшой сад перед домом планировал сам Д.Н. Кайгородов. Мало сказать, что он не жалел на него сил и времени. Он вложил в него душу. В своих воспоминаниях внучка Дмитрия Никифоровича Ирина напишет потом в книге «Путь к единству»: *«Большую радость нам доставлял обширный сад, окружавший дом, который был полон прекрасных редких цветов».*

Жена сына, Маргарита Карловна, добавляла: *«Большой частью в саду можно было увидеть крокусы, нарциссы, сциллы. Среди них выделялся своими размерами прекрасный экземпляр полевого лыка (Дафнэ). В северо-восточной части сада была устроена чудесная «альпийская горка». Когда расцветали азалии и рододендроны, горка эта вспыхивала розово-желтым пламенем».*

Сад был столь великолепен, что царская семья приезжала посмотреть в нем особенно замечательные цветы и кустарники, когда те были в полном цвету.

«Я не помню, - писала Ирина, - чтобы у дедушки было больше одного садовника, потому что он сам любил работать в своем саду. Дедушка привык вставать очень рано и был чрезвычайно методичен во всем, за что бы ни брался. Дедушка всегда начинал день с молитвы...»

После молитвы в своем кабинете, осторожно, чтобы не разбудить домашних, выходил Дмитрий Никифорович в сад и на несколько минут замирал у большого жасминного куста.

Особенно любил Дмитрий Никифорович раннюю весну и раннюю осень. Весною все просыпается от зимней спячки. Все поет, все цветет.

Ранняя же осень тоже хороша. Под Петербургом она начинается уже в середине августа. Желтеет сначала березовый, а затем липовый, вязовый лист. Август - хлебосол, густоед. Но отдыхать в нем некогда. Всюду надо поспеть: и в саду, и в огороде. Все зреет, поспекает. Успевай убирать, подкосить, вскопать, посадить, посеять. Некогда стоять. Да и слушать некого. Тихо все вокруг. Кукушка в Сосновке, соседнем лесочке, уже совсем замолчала.

- *«Спелым колосом подавилась»*, - вспомнит с улыбкой Дмитрий Никифорович народную присказку. - Да и другим птицам подала пример. Давно не слышно соловья и переклика иволги. Перепела тоже не кричат свое *«косить пора, косить пора»*. Впрочем, в округе и так все откосились. Разве что по пойме соседнего ручья зазвенит коса соседа-чухонца, не успевшего набрать надежного запаса сена для своей буренки.

Дмитрий Никифорович первым делом идет к заветной клумбе и принимается обкапывать землю под кустом любимого розового дикого миндаля.

Заслышав звук лопаты, Валентина Романовна тоже выходит из дома, вспоминает, все ли у нее приготовлено для домашней аптеки, и, взяв корзинку, отправляется собирать возможно еще уцелевшие от косарей лекарственные травы, цветы пижмы, или дикой рябинки, семена чабреца и тмина, клубни ятрыжника пятнистого, корневища валерианы. Много сразу не берет, чтобы успеть все хорошо почистить и положить на просушку.

Часа полтора-два супругам достаточно для утренних занятий. Первой возвращается Валентина Романовна.

Неловко повернувшись, Дмитрий Никифорович почувствовал легкую боль в пояснице. Осторожно выпрямился.

- *Жизнь, однако, берет свое*, - подумал Дмитрий Никифорович. - *То сердце, то поясница*.

Запоздалый солнечный луч выглянул из-за стоявших неподалеку сосен.

- *Совсем так же, как когда-то в отцовском саду*, - вспомнил Дмитрий Никифорович.

- *Только с лопатой тогда был не я, а отец. Также выглянуло солнце из-за деревьев и так же осторожно, видно от поясничной боли, выпрямлялся отец*.

Дмитрий Никифорович посмотрел на окна веранды: не выглядывают ли оттуда чьи-то такие же, как его тогда, любопытные глаза. Да нет, в доме, кроме прислуги, только Валентина Романовна, или Лина, - жена Дмитрия Никифоровича. Она уже с четверть часа как вернулась со своей лекарственной охоты. Значит, завтрак готов. Дмитрий Никифорович ставит под навес свой садовый инвентарь и тщательно моет руки у подвешенного рядом рукомойника. Заходит в дом.

В столовой за столом, изящно накрытым горничной Машей и в кружевном чепце уже сидит Валентина Романовна. Она высока, по-молодому еще стройна и держится, как принято у «смолянок», прямо. Узкое доброе лицо, с нежной кожей бывшей блондинки, выдает ее северо-германское происхождение. Седые волосы зачесаны высоко. Тонкими, красивыми руками в кольцах она разливает кофе.

Позавтракав, Дмитрий Никифорович разбирает пришедшую корреспонденцию. Ее много. Письма приходят со всей России. Пишут гимназисты, студенты, обыватели из городов и деревень, старые и молодые. Пишут о явлениях природы, прилетах и отлетах птиц, распускании и опадении листьев.

Часам к одиннадцати Дмитрий Никифорович отправляется на службу. Занятий еще нет, в институте тихо. Только кое-кто из припоздавших абитуриентов толпится у канцелярии. Домой возвращается, как обычно, часа в три. Отобедав, идет в свой обитый зеленым бархатом кабинет с двумя огромными письменными столами и большими полками книг. Сверху, со стен, на него смотрят портреты отца, деда и прадеда. Перекрестившись на икону с зажженной лампадой, Дмитрий Никифорович садится за бумаги. Оживится дом к вечеру.

Кайгородовы - люди гостеприимные. В доме редко, когда без гостей. Еще когда жили на казенной профессорской квартире, бывали у них не только все институтские профессора, но и великие князья - ученики Дмитрия Никифоровича. Об одном из таких посещений Кайгородов напишет в своем дневнике: *«22 апреля 1895 года. В два часа мы выехали из Аничкова дворца. На переднем сидении сидела мать Ольги Александровны. Подъехав к нашему крыльцу, я заскочил домой и шепнул Толе и Тамаре, чтобы они поспешили за нами в ботанический сад. К концу экскурсии девочки совсем освоились, шли рядом, держась за руки, бегали на гору, рвали цветы. В нашей хате Ее Высочество пробыло около получаса. Все было внимательно осмотрено, все интересовало, начиная с моего письменного стола и кончая Толиной «мастерской» и домашними саламандрами и квакшами. Зеленых лягушек брали в руки и громко смеялись их большим прыжкам и цеплянию за стекла. Побывали в нашем цветнике, в котором уже цвели крокусы и подснежники. В начале пятого (к пяти нужно было возвращаться во дворец) Ее Величество вышло из нашей хаты. Тамара и Толя проводили гостей до Флюгова переулка и Самсоновского трактира».*

Не так-то просто было принимать высоких гостей в «институтской казенной хате». Завершение строительства дома снимало многие сложности во встречах с друзьями и знакомыми.

В доме Кайгородовых устраивались литературные, музыкальные вечера. Окрестные жители часто останавливались у дома, привлеченные волшебными звуками, доносившимися из профессорских окон. Хороший пианист, Дмитрий Никифорович участвовал в домашних концертах. Особенно любил он Бетховена, Брамса, Чайковского, Листа, Шумана. Техника игры его была виртуозной. В молодости Дмитрий Никифорович мечтал даже стать музыкантом-дирижером. Брал уроки у самого Черни, а после того, как отпраздновал свое шестидесятилетие, - уроки контрапункта и гармонии у одного из музыкантов Придворного оркестра. Музыка была для Д.Н. Кайгородова искренней радостью.

«Когда мне не спится», - говорил он, - я мысленно проигрываю мои любимые мелодии. Воображаю себя дирижером, с палочкой в руке, перед оркестром, который исполняет мои любимые вещи».

Нередко и дуэте с Дмитрием Никифоровичем играл и его сын, Анатолий Дмитриевич, который был очень неплохим скрипачом.

Надо сказать, что десятилетие после окончания строительства дома в Лесном (1904) до начала первой мировой войны (1914) было самым счастливым в жизни Д.Н. Кайгородова. Выросли дети, и каждый из них был на своем, выбранном им пути: дочь счастлива замужем, ее муж Петр, сын генерал-майора П. В. Маресьева (1833-1899) - полковник, преподаватель николаевского Инженерного училища и Инженерной академии, автор курса прикладной полевой фортификации «Укрепление позиций», изданного в 1910 году совместно с А. Ипатович-Горанским и профессором С. Ильяшевичем. Аналогичный курс составлен был Петром Петровичем и для Инженерного училища. Один за другим появляются у Тамары и Петра дети - дочери Кира и Татьяна, а затем сын, Петр. Женат и сын Анатолий. Он по-прежнему увлечен живописью, но уже служит на государственной службе в Совете Министров. Революция застанет А.Д. Кайгородова в чине коллежского советника и в должности старшего помощника отдела законодательств.

Радостно, весело было в кайгородовском «теремке» в те годы. Опять же вспомним строки из книги внучки Дмитрия Никифоровича Ирины Анатольевны и записок его невестки М.К. Перрэ де Вильнев: *«В воскресенье всей семьей шли в церковь на Малой Объездной в Лесном. Дмитрий Никифорович был глубоко верующим человеком и не пропускал ни одной службы, появляясь на богослужении заранее, до начала богослужения.*

- Душа должна разогреться к молитве, - говорил он, - отрешиться от земного, а на это надобно время.

Дмитрий Никифорович подолгу стоял неподвижно, подняв гола образам, и весь облик его выражал благоговейное сосредоточение. Совершая земные поклоны, он долго оставался на коленях, припав к по лбом. Особенно любил он службы Великого поста и всегда говел раза два-три в течение шести недель, до Пасхи.

В кабинете Дмитрия Никифоровича появилась книга Фомы Кемпийского «О подражании Христу».

В канун Пасхи к 11 часам вечера вся семья Кайгородовых собиралась к заутрене в домовую Церковь Лесного института.

Церковь Св. Петра и Павла у Круглого пруда. 1903.

И далее: «В канун Пасхи большой стол в дедушкином доме накрывался специальной вышитой скатертью, и из кухни появлялись чудесные блюда: пасха, кулич, большой окорок и, конечно же, горы крашеных яиц, которые нам, детям, разрешалось красить вместе со взрослыми. Дмитрий Никифорович был искусным рисовальщиком и многие пасхальные яйца расписывал сам.

Весь дом пах весенними цветами, которые приносили из нашей теплицы, потому что ранней весной были только подснежники. Дмитрий Никифорович особенно любил водяную культуру нарциссов, тюльпанов и гиацинтов. Он всегда украшал стол цветами в столовой и своем кабинете.

Поздно вечером взрослые одевали свои лучшие одежды. Наша прелестная бабушка надевала длинное шелковое платье с приколотой к нему медалью Смольного института. Дяди шли к всенощной Пасхальной службе в своей сияющей золотом погон и аксельбантов парадной форме...»

Счастливым был дом Кайгородова в канун первой мировой войны. Жизнь не прошла даром. Дмитрий Никифорович - известный ученый, заслуженный профессор, отец и дед, пользующийся всеобщим уважением.

И опять же слова из книги Ирины Анатольевны: *«Я видела, как в каждой семье его уважают, никто даже не осмеливался повысить голос в его присутствии. Мы знали, насколько известен он был, сколько европейских ученых с ним переписывалось...»*

Дмитрию Никифоровичу было уже 70 лет, но он по-прежнему находился на вершине своего творчества. Он заслуженный профессор Лесного института, действительный тайный советник, популярный писатель, известный ученый-фенолог, человек, принятый при императорском дворе.

- Как быстро прошла жизнь, — подумал он. - А с чего же все началось?

Все начинается с детства

Когда вырастаешь среди красоты, она и потом Поможет, когда ее не можешь увидеть, то хотя бы вспомнишь.

Владимир Крупинин

Трудно сказать, с чего у сына потомственного военного Димы Кайгородова началась любовь к природе. Может, от пестрых, нарядных лугов, что золотились за околицей родного Полоцка, или от дуновения ветерка, приносящего медовые запахи из родительского сада, с первого букета скромных полевых цветов, поставленного матушкой у изголовья его кровати, или сочных ягод, сорванных в соседнем лесу, соловьиных песен, детских ли забав, когда с десятком таких же, как он, соседских ребятишек бежал к берегу тихой Полоты, на ходу сбрасывая рубашку и кинувшись с размаху в пахнущую тиной речку резкими саженками, наперегонки со сверстниками устремлялся к другому берегу, а заплыв на середину реки, переворачивался на спину и отдыхал, покачиваясь на легкой речной волне, вглядываясь в блеклое от летнего зноя небо.

Все было в детстве у Димы Кайгородова: были и ягодные и грибные походы в лес, и рыбачьи зорьки на подернутой туманом Западной Двине, и охотником стал рано, когда отец подарил тринадцатилетнему кадету Дмитрию Кайгородову новенькое маленькое ружьецо.

Счастлирое, безмятежное, золотое детство! Все начинается с него!

Наверное, и интересы к наукам начались с тех домашних научных интересов, которыми был полон дом одного из лучших преподавателей полоцкого кадетского корпуса Никифора Ивановича Кайгородова. Разве не отцу обязан заслуженный профессор Д.Н. Кайгородов той обстоятельностью, с которой впоследствии старался доискаться до истины в вопросах лесной технологии, фенологии, общего природоведения или педагогики!

А город, в котором родился Дмитрий Кайгородов! Он тоже не оставлял равнодушным к истории, просвещению, наукам, славе отечества. Было чем гордиться полочанам. Их город входил в число известных старинных городов Европы.

Ученые утверждают, что на реке Полоте люди жили уже о неолите, в раскопках найдены многочисленные культурные останки первой половины I тысячелетия. Упоминался Полоцк в древних скандинавских сагах, как *Palteskia*, и в «Повести временных лет» за 862 год он уже упоминается городом значительным, за право владеть которым постоянно ссорятся феодалы.

Начинался город со старинных поселений в 800 метрах от впадения речки Полоты в Западную Двину. Сочетание удобных для земледелия природных условий способствовало надежному его обустройству, а удобное расположение утвердило славу города торгового. Западнее Полоцка проходила древнейшая торговая дорога из Причерноморья в Прибалтику - путь «из варяг в греки». По воде из Полоцка можно было добраться до Смоленска и Киева. Полочанам было чем торговать. Земли их не бедные: пашни обширные, заливные луга травами богатые, а леса изобиловали хоромным строевым деревом и дичью. Полоцк был стольным градом Изяславичей и Гедиминовичей, входил в Ганзейский торговый союз.

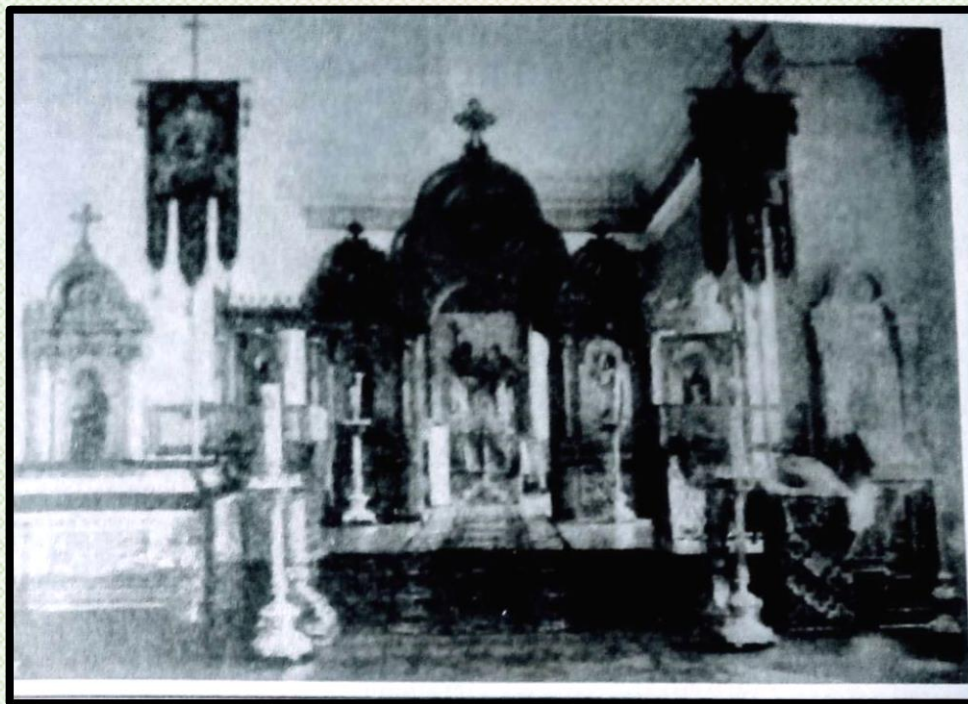
Население Полоцка в XIV столетии доходило до 100 тысяч человек. Однако за житейский свой достаток полочанам не однажды приходилось расплачиваться жизнью. Очень уж много завистников приходило к Полоцку с огнем и мечом за данью. Полоцк не однажды возрождался на пепелищах, снова обустроивался и укреплялся. При впадении реки Полоты в Западную Двину уже в XV столетии поднялся семибашенный Верхний замок - боевая крепость полочан. С восточной части город оборонял Нижний замок. Через ров между ними переброшен был подъемный мост. Только добротные городские укрепления не всегда помогали полочанам в войнах. Судьба Полоцка до XVIII столетия особенно была переменчива. Власть менялась на веку по несколько раз. Был город в зависимости и от Киева, и от Новгорода, и от Литвы. Ко времени присоединения к России, в 1772 году, в Полоцке осталось всего несколько тысяч жителей. Но город, тем не менее, был важным стратегическим центром на западе России по распространению русского просвещения и патриотизма. Во время Северной войны он защищает Россию на западе.

В 1772 году по договору между Россией, Пруссией и Австрией Полоцк, Витебск и Мстиславское воеводство были окончательно присоединены к России и поделены между двумя губерниями - Псковской и Могилевской, В 1776 году из Псковской губернии выделили Полоцкую губернию. По следующему административному устройству из Полоцкой и Могилевской губерний сделали одну Витебскую. Полоцк из губернского стал опять уездным городом. К началу прошлого столетия в нем имелось всего 750 зданий, в которых проживало 5 тысяч человек.

Однако выгодное географическое положение города на пересечении важных водных и сухопутных дорог благоприятствовало развитию в Полоцке ремесел и торговли с городами России и соседних государств через рижский порт. На полоцкие ярмарки съезжались купцы из Торопца, Опочки, Смоленска. На 5 тысяч жителей в Полоцке приходилось 300 купцов. Торговый оборот города составлял более 100 тысяч рублей. Город по-прежнему оставался форпостом России на западных ее границах. Во время Отечественной войны 1812 года у Полоцка оказалась армия Витгенштейна. Ожесточенные бои с французами происходили у Спаса и Удино. В самом Полоцке Наполеон собрал до 30 тысяч французов. Полоцкие иезуиты четыре месяца кормили все это войско из своих подвалов и всячески помогали французам. Но война, как известно, кончилась для них поражением. В боях за освобождение города погибло до 7 тысяч французов и столько же русских. Две тысячи французов попало под Полоцком в плен.

К середине прошлого столетия в нем было чуть более тысячи домов и 15 тысяч жителей; по переписи 1860 года - 1,5 тысячи домов и 20 тысяч жителей преимущественно (62 процента) иудейского вероисповедания, хорошо разбиравшихся в торговом деле, отчего, как писали современники, в городе все было изрядно дорого и офицерам приходилось за продуктами ездить в соседние города.

Вот в таком живописном, полном легенд и прошлой славы городе родился и провел детские и юношеские годы Дмитрий Кайгородов. Ко времени его рождения в городе многое уже ушло в историю. Полоцк по внешнему своему облику мало чем отличался от обычных российских уездных городов: с маленькими домиками обывателей, среди садов и огородов, с которых кормилось большинство полочан. Впрочем, была в Полоцке и своя «промышленность». Главным образом, кожевенные заводы, а проще говоря, избы, оборудованные большими и малыми чанами, квашнями, жерновами, ступками, различными ножами и другими нехитрыми приспособлениями. Рабочих на таких заводах было немного: иногда семья владельца да 3-5 наемных рабочих. В середине прошлого столетия в Полоцке насчитывалось 9 кожевенных заводов. С кожевенным производством было тесно связано производство сапожное. Сапожников в городе насчитывалось почти полторы сотни. Многие кожевники и сами шили сапоги. Жило в городе сотня портных, 20 плотников, 11 столяров, по столько же хлебников и извозчиков. В 1838 году к нему добавился частный платный пансион для молодых дворянок.

Церковь Полоцкого кадетского корпуса

Жили в Полоцке, начиная с конца XVIII столетия, тихо и мирно: лишь изредка простучит почтовая телега, пронесется таратайка местного помещика или проедет верхом офицер из местного военного гарнизона.

Особый колорит Полоцку придавали старинный Софийский собор со Спасо-Ефросиньевской церковной обителью, большие и малые церкви, костелы, синагоги, монастыри. В одном из них - монастыре Бернардинов, построенном еще в 1498 году при Стефане Батории, с 1580 года размещался иезуитский коллегиум - католическое учебное заведение, включавшее в себя пятиклассную гимназию с двумя высшими классами (гуманиорами). Для желающих посвятить себя службе ордену при коллегиуме когда-то имелась и семилетняя школа. Коллегиум считался одним из престижных учебных заведений ордена иезуитов. Была в нем прекрасная библиотека, музей, кабинеты, лаборатории, оснащенные первоклассными для того времени учебными пособиями. Достопримечательностью коллегиума была и механическая голова, установленная в одном из ее залов. Губы и мышцы лица головы приводились в движение скрытыми механизмами, а на вопросы гостей отвечал человек в соседней комнате, да так складно, что вызывал священный трепет у присутствующих. Полоцкий коллегиум был богатейший в стране, к нему приписано было около 14 тысяч крестьян. В подвалах его размещались пивоваренные, медоваренные, водочные заводы. Монахи всячески охаживали российскую аристократию. Особую активность проявляли иезуиты при Екатерине II. Ей и ближайшим ее вельможам делались богатые подарки.

К Потемкину в Крым, к Разумовскому в Петербург, к Чернышеву в Витебск отправлялись богатые караваны с винами, съестными припасами, одеждою, оружием. В 1822 году Полоцкий коллегиум был преобразован в иезуитскую академию на 600 учеников с 39 преподавателями. Однако за показной верноподданностью коллегиум тайно и настойчиво вел политику католизации среди местного дворянства.

В начале XIX столетия, почувствовав «западную свободу», Польша взбудоражилась, начала бунтовать. Католическое духовенство и иезуитские коллегиумы оказались оплотом бунтарства. Кончилось тем, что Александр I 13 марта 1815 года повелел *«иезуитов, как забывших священный долг не только благодарности, но и подданнической присяги и потому недостойных пользоваться покровительством российского Правительства, выслать под присмотром полиции сначала из столицы, а затем и за пределы государства и впредь ни под каким видом в Россию не впускать»*. Полоцкая иезуитская академия была упразднена. По указу 1830 года на месте ее было решено открыть один из шести губернских кадетских корпусов *«в видах доставления возможности малолетним дворянам различных губерний воспитания для службы военной вблизи их семейств»*. Поскольку же помещения иезуитской академии уже изрядно обветшали, решено было их хорошо отремонтировать. Ремонт и перестройку делали добротнo. Ушло на это пять лет и полмиллиона рублей. Зато бывшая иезуитская академия превратилась в одно из лучших и современнейших военных учебных заведений России на западных ее границах. Кадетский корпус в Полоцке торжественно открыли в 1835 году. Учеников в корпус набирали из семей витебских, смоленских, минских, гродненских, могилевских и виленских дворян, а также обер-офицерских детей этих губерний.

Полоцкий кадетский корпус считался одним из лучших учебных заведений страны. Судить об этом можно опять же по воспоминаниям современников: *«Отношения воспитанников к начальникам и обратно суть отношения в полной мере семейные, — пишет Я.И. Ростовцев в ноябре 1836 года великому князю Михаилу Павловичу, курировавшему Полоцкий кадетский корпус. - При входе директора, инспекторов, классных или ротных командиров в роту воспитанники встречают их, как дети отца, что не только замечания, но даже неласковый взгляд начальника приводит каждого в слезы, что все, что лежит на сердце, воспитанники торопятся сообщить им в соответствии с полной доверенностью к родственному их участию... Воспитанники здоровы, приятной наружности, исполнены к наукам и службе, всегда веселы, всегда резвы, одеты отменно приятно и даже щеголевато»²*.

Актный зал Полоцкого кадетского корпуса

Контингент корпуса был интернационален и терпим в отношении к религии. В первом его приеме из 54 кадетов русских насчитывалось 39. 11 кадетов исповедовали католицизм, 3 - лютеранство и 1 - магометанство.

За первые 75 лет корпус выпустил 5216 воспитанников, из которых 172 были сразу же произведены в офицеры, а более 3 тысяч стали ими по окончании офицерских училищ³.

Справедливо говорят, что учиться в хорошем учебном заведении - значит иметь хороших товарищей на всю жизнь. Полоцкий кадетский корпус в этом отношении был школой привилегированной.

Среди воспитанников корпуса были известные педагоги: наставник юного Николая II генерал Данилович, математик Кирпичев, историк Бобровский, литератор Семеновский, драматург Туношенский, композитор Траилин, поэт Дмитриев. Шеф Полоцкого кадетского корпуса великий князь Константин Константинович не побоялся отдать на воспитание в корпус своего сына Олега, который в начале первой мировой войны героически погиб на фронте.

В семье преподавателя Полоцкого кадетского корпуса Никифора Ивановича Кайгородова и его жены Татьяны Никитичны, как свидетельствует Полоцкая духовная консистория, 31 августа 1846 года и родился младенец Дмитрий.

Восприемниками новорожденного были ректор Кадетского корпуса генерал-майор Федор Максимович Ореус и вдова статского советника Прасковья Андреевна Кайгородова. Крещение произведено протоиреем полоцкого Николаевского собора Яковом Пряниковым и причетником Григорьевым.

Это уже потом, ко времени рождения сыновей, а было их у него четверо, Никифор Иванович Кайгородов станет известным математиком, педагогом, генералом. В год же рождения Дмитрия Никифор Иванович был еще простой армейский капитан, наставник, наблюдатель Полоцком кадетского корпуса. Службу же в корпусе Никифор Иванович начал одним из четырех помощников ротного командира.

До своего прихода в Полоцкий кадетский корпус Н.И. Кайгородов успел послужить простым армейским офицером. В служебном формуляре Никифора Ивановича значится, что происходил он из дворян Санкт-Петербургской губернии, воспитывался в I Петербургском кадетском корпусе и в 1828 году в возрасте 18 лет вступил на службу прапорщиком. В возрасте 20 лет участвовал в польском походе и отличился в боях под Колью и Новоградом. Под командованием генерала фон Фрикена при Осеке Никифор Иванович организовал переправу через Вислу, а затем брал Варшаву. В 1832-м удостоен за храбрость орденом Святой Анны. В 1833 году был приписан к артиллерийской учебной бригаде, а в 1834-м направлен в распоряжение, вновь организуемого кадетского корпуса в Полоцке, куда и прибыл в 1835 году к началу занятий.

В учителя математики Никифор Иванович вышел из самоучек. Предмет свой ему пришлось изучать одновременно с преподаванием его. Не все поначалу у армейского капитана получалось гладко. Теорию Никифор Иванович изучил быстро по учебникам Франкера и Бурдона. Почерпнутые из них знания трудолюбивый старательный офицер, как отмечали тогдашние его товарищи по службе, излагал складно, но на практике кадеты применяли учебу с затруднениями. Однако и с этим все скоро наладилось. Н.И. Кайгородов считался одним из лучших преподавателей корпуса. Как свидетельствуют современники, *«Никифор Иванович был тип самого добросовестного и усердного наставника, и весьма многие из полоцких кадетов обязаны ему тем, что могли впоследствии продолжить свое образование в высших военных учебных заведениях, каковыми были артиллерийская и инженерные академии»*⁴. В Полоцком кадетском корпусе Никифор Иванович прослужил до звания генерал-майора и полной своей отставки. Как явствует из послужного списка, Никифор Иванович везде служил примерно.

В 1840 году награжден был орденом Святого Станислава. За усердие по службе особенно часто награждался деньгами. Начальство, видимо, знало, чем поощрять своих наиболее добросовестных офицеров. Материальная помощь Н.И. Кайгородову в то время была важнее орденов. Содержание его составляло всего 1 тысячу рублей в год. Ко времени рождения сына Дмитрия – 1,2 тысячи рублей. Для семьи деньги очень небольшие.

Впрочем, Кайгородовы богатством избалованы не были, хотя и служили государству уже в нескольких поколениях. В книге достопримечательных людей России упоминается дед Никифора Ивановича - тоже Никифор Иванович, действительный статский советник (1747-1809), который по окончании курса в Горном институте в 1774 году определен был к Колывано-Воскресенским заводам, где «обозрел» и описал змеиногорские и кузнецкие серебряные рудники. В 1776 году переведен был в «Кабинет Ее Величества Императрицы», побывал по служебным надобностям в Крыму вместе с Екатериной II, с 1787 года как опытный инженер зачислен в свиту императрицы. После ее смерти вновь возвратился на Колыванские заводы, откуда вернулся со значительным количеством серебра для императорского Монетного двора. По возвращении продолжал служить в Кабинете Его Величества, имел чин статского советника и ежегодное содержание в 750 рублей. Этих средств достаточно было, чтобы жить без роскоши, помочь подняться на ноги сыновьям и справиться скромное приданое дочерям. Так что прибыли с имений и иной недвижимости семья Никифора Ивановича Кайгородова не имела. Жила на офицерское жалование и доходы с сада и огорода, на котором трудились всей семьей. Забегая вперед заметим, что и сын, Никифор Иванович Кайгородов (1810-1882), дослужившись до генерала, разбогатеть тоже не смог. В завещании его супруги Татьяны Никитичны, пережившей мужа на десять лет (1821-1892), пунктуально точно перечислено нажитое за многие годы совместной их жизни имущество по наследникам:

«Образ Преподобной матери, княжны Полоцкой Ефросинии, Золотой образ Пресвятой Божьей матери, Образ Казанской Божьей матери, Образ Спасителя завещаю сыновьям моим Дмитрию, Нестеру, Михаилу и Ивану.

Большое зеркало - Нестеру.

Портрет бабушки Прасковьи Андреевны - Нестеру. Столовые часы - сыну Дмитрию. По полдюжины столовых ложек - внукам Тане Кайгородовой и Пашеньке Нестеровой.

Полдюжины ложечек серебряных чайных внучечке Лидочке Ваниной.

Для внучечки Тани мой крестик.

Внучке Тане комод и туалет красного дерева.

Серебряные часы, память дедушки Никифора Ивановича - Нестеру.

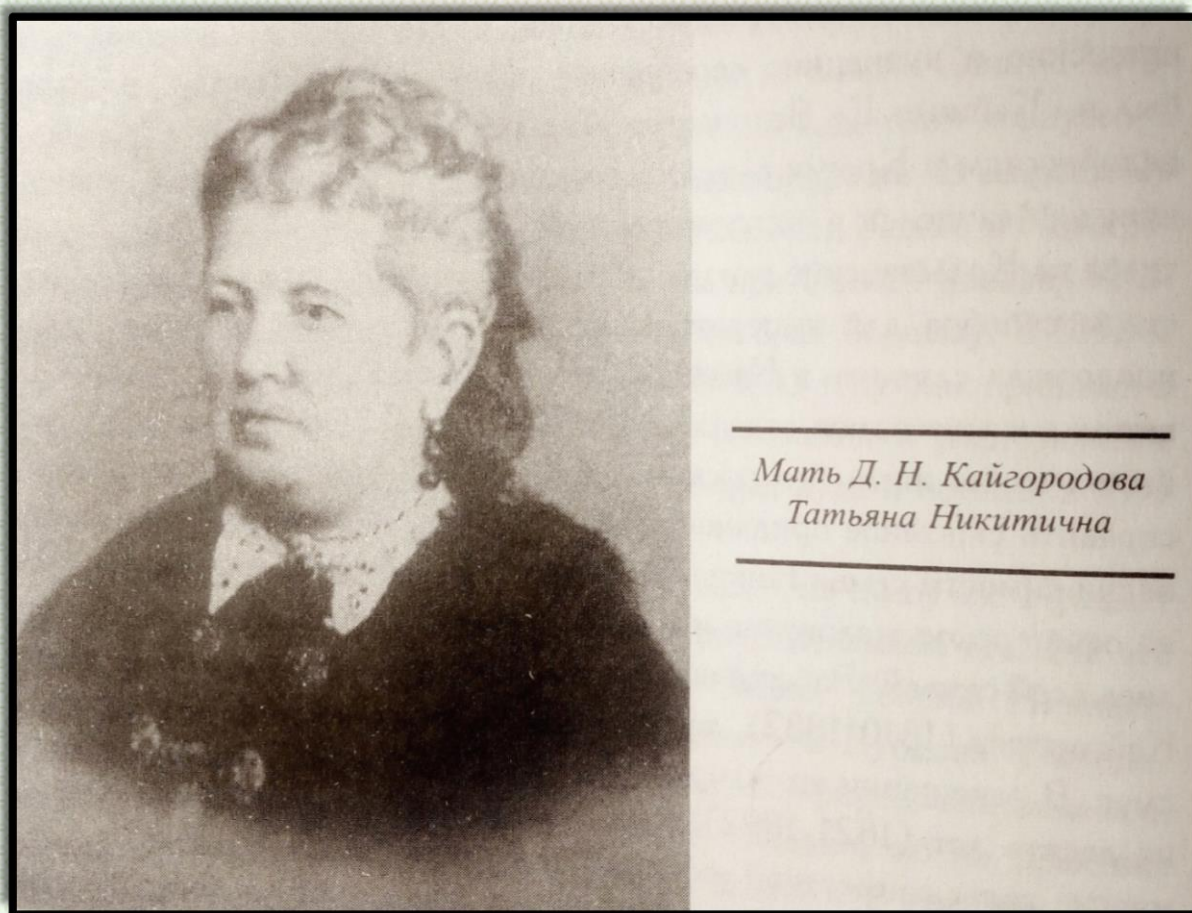
Английский столовый сервиз - Михаилу, а остальную посуду - Ивану.

Хрустальные стаканы и рюмки - Нестеру, а хрустальную корзиночку - жене Дмитрия Валентине Романовне.

Бронзовая золоченая люстра пусть останется у Михаила.

Болгарские вышивки, гостиные салфетки, вышитые подушки новые и ковер передать Ивану.

5% выигрышный билет займа N-4 серии 2642 - Люде и Тане».

Все! Никакой недвижимости: домов, имений, капиталов в банке у Кайгородовых не было. Наследство, собранное несколькими поколениями семейства Кайгородовых, умещалось на небольшом листке бумаги! Да 5 орденов покойного: святых Георгия, Анны, Владимира, Станислава разных степеней, лежавших на атласной подушке во время панихиды генерала в Александровской церкви при Михайловском артиллерийском училище Санкт-Петербурга⁵.

Богатых родственников у Кайгородовых также не было, а вот бедных, если судить по архивным справкам, хватало. Например, вдова капитана гарнизонной артиллерии Кайгородова, которая после смерти мужа оказалась в полнейшей нищете и слезно просила 16 ноября 1860 года у императора: *«Будучи в самой крайней бедности и оставшись вдовою после смерти мужа с малолетней дочерью, без всякого совершенно состояния, и страдая от воспаления глаз, в чем имею свидетельство от доктора Петро-навловской больницы Шлисера, не могу заниматься трудом рук своих, и находясь в крайнем бедственном положении, не имея никаких сил к существованию и прокормлению себя по болезни и слабого здоровья, в которое я впала из изнурительных и естественных обстоятельств, в столь нещадном моем положении прибываю с просьбой к Вашему Императорскому Величеству о милосердии и оказать нам с дочерью единовременное вспомоществование...»⁶.*

Далеко не все российские дворяне уже по факту своего рождения оказывались баловнями судьбы, как это представлялось советской историей. Большинству из беспоместных или малопоместных дворян достойное свое положение в обществе приходилось зарабатывать своим трудом, начинавшимся с юных лет работой в родительском саду и огороде, упорными домашними занятиями, затем далеко не простой и не легкой учебой в учебных заведениях, чаще всего далеко от дома, а после многолетней, совсем не роскошной, государственной военной или статской службы - скромная жизнь на пенсии.

Многие из причисленных к, вроде бы, завидному привилегированному дворянскому сословию в действительности никогда не были баловнями судьбы, даже если и не потеряли свое родовое поместье. Интересной в этом отношении является диссертационная работа Л.Р. Горланова «Отмена крепостного права в Костромской губернии» (1972). По данным автора, к моменту его отмены в губернии насчитывалось 4429 имений, в том числе мелких 2155. Помещикам принадлежало 59 процентов земли. Урожайность озимых достигала «сам-2,9» по озимым и «сам-3» по картофелю. Практически все помещики вынуждены были прикупать хлеб на стороне. В среднем на помещичье хозяйство приходилось по 4 лошади, 6 коров и 12 овец. Главным подспорьем помещиков до отмены крепостного права был оброк (10,6 рублей с 1 человека), а после его отмены - земельный выкуп, который к уже к началу XX столетия практически закончился. Крестьяне пополняли свой семейный бюджет отхожими промыслами. Три четверти помещиков к началу революции собственное хозяйство вести практически прекратили и, сдав землю в аренду, искали сторонние заработки – главным образом, на государственной службе.

Потеряв ее, они отправились в нищие свои имения в расчете иметь хоть какие-то средства для существования. Так что помещик помещику был рознь. Были помещики беднее зажиточных крестьян.

У сыновей Никифора Ивановича и Татьяны Никитичны Кайгородовых судьба сложилась удачнее, чем у других беспоместных дворян. Все четверо их сыновей закончили Полоцкий кадетский корпус, затем - военные училища, успешно служили в армии. Иван, Нестер и Михаил стали военными генералами. Дмитрий Никифорович - статским. Это была большая удача и гордость семьи Никифора Ивановича и Татьяны Никитичны Кайгородовых. За удачу свою им, как и их сыновьям, пришлось трудиться и трудиться, не покладая рук, не позволяя потратить на себя лишнюю копейку. Всей этой жизненной премудрости Никифор Иванович сумел научить и своих сыновей. Семейная скромность и связанный с нею постоянный труд определяли судьбу всей семьи Кайгородовых. Впоследствии Дмитрий Никифорович Кайгородов по этому поводу напишет в своих воспоминаниях:

«Детство и отрочество мое (до 16-летнего возраста) протекало при почти сельской обстановке - на окраине небольшого белорусского городка. С ранних лет принимал деятельное участие в работах отцовского сада.

В качестве страстного рыбака-удильщика в детские и отроческие годы провел большой ряд утренних и вечерних зорь на берегах сельской речки (Полоте - притоке Западной Двины), а в последние годы жизни - и на многих других водоемах, как российских, так и иностранных.

С 8 до 16-летнего возраста проводил летние ночи (с мая по сентябрь) на балконе отцовского дома, выходящем в сад, нередко прислушиваясь в часы пробуждения и засыпания к голосам птиц.

С 13-летнего возраста начал охотиться с ружьем и в течение 17 лет охотился довольно много»⁷.

Педагогические навыки отца помогли всем четырем молодым Кайгородовым: Ивану, Нестеру, Дмитрию и Михаилу стать к 12 годам воспитанниками Полоцкого кадетского корпуса. Пять лет до этого они старательно, сначала с помощью матери, Татьяны Никитичны, а затем - отца, постигали дома основы школьной программы, по которой предстояло сдавать вступительные экзамены в кадетский корпус.

Хотя кадетский корпус и считался военной гимназией, но с него начиналась государева служба, с присущими для нее обязанностями и принципами.

На государевой службе

*Идя вослед отцам и дедам,
На старших братьев мы глядим,
Проложен ими путь к победам,
Мы их же честь не посрадим.*

И.Ф. Богданович.

Служить или не служить дворянину на государственной службе - однозначно определил «Манифест о вольности дворянства» в феврале 1762 года: «...не находим мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени была», - указывалось в манифесте.

С того времени дворянин сам решал, где ему служить: по военной ли части, по статской ли, или вообще не служить, а заниматься хозяйством в собственном имении.

Другое дело, что не все дворяне могли себе позволить «не служить». Родительские имения в третьем, четвертом поколении в результате деления между многочисленными наследниками превращались в такую «малость», которая уже не могла прокормить семью без доходов от частной и государственной службы.

Без образования же и знания дела, без соответствующего вступительного экзамена поступить на службу было невозможно. Да и неприлично было дворянину оставаться малограмотным «митрофанушкой». Тот же манифест заканчивался на этот счет вполне определенными разъяснениями: «...те, кто в лености и праздности все время препровождать будут, так и детей своих в пользу отечества своего ни в какие полезные науки не употребят, тех мы, яко суще нерадивых о добре общем, презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества повелеваем...».

Дворянство был тот самый класс, к которому принадлежали главные деятели русско-й культуры XVIII-XIX столетия. Оно обязано было быть просвещенным, чтобы исполнять государственную службу.

Дворянские дети, исходя из сословного своего положения, обязаны были быть не только грамотными, но и образованными. Дворянская культура, утверждавшаяся в стране уже с XVIII столетия, не оставляла на этот счет ни каких сомнений.

Начиналась учеба с занятий домашних, проводимых, в зависимости от материального достатка, самими родителями, местными священниками, специально на то приглашенными учителями, гувернерами, репетиторами. Родителям малосостоятельным, находившимся на государственной службе, на время подготовки детей к поступлению в учебное заведение полагались особые денежные пособия (на каждого 200-400 рублей в год).

После домашней учебы занятия продолжались в уездных училищах, губернских гимназиях, пансионах, сиротских институтах, приравненных к гимназиям, в университетах, высших технических училищах и институтах и т.д. Без государственного внимания никто не оставался, включая и девочек. Одним из первых своих указов от 5 мая 1764 года Екатерина II учредила в стране первое женское учебное заведение - Смольнинский институт благородных девиц на 200 дворянок и 240 мещанок. Кстати, именно в нем, когда Дмитрий Кайгородов кончал кадетский корпус, училась будущая его жена - Линочка Диц.

Через сто лет в России имелось уже 915 женских гимназий и несколько пансионатов, приравненных к привилегированным мужским средним учебным заведениям. С высшим, тем более специальным женским, образованием дело обстояло несколько хуже. Впрочем, и просвещенная Европа в этом отношении недалеко ушла от России. Первые высшие женские учебные заведения в Германии появились в 1867 году, в Англии - в 1869 году, во Франции - в начале 70-х годов прошлого столетия. В России девушки без всяких на то правительственных решений явочным порядком с 1860 года стали ходить на университетские лекции. Через десять лет право женщин на высшее образование узаконили. В 1869 году открыли периодические высшие Аларчинские женские курсы в Санкт-Петербурге и Лубянские - в Москве. В 1872 году открылись медицинские курсы при Военно-медицинской академии. Годом позже, в 1873 году, появился проект первого высшего учебного заведения при Санкт-Петербургском университете. Те, кто хотел учиться, учился. Если не дома, то за границей. В 1881 году при поддержке ректора Санкт-Петербургского университета профессора А.Н. Бекетова (деда А.А. Блока) начались занятия на Высших женских курсах сначала на словесно-историческом, а затем на физико-математическом и специально математическом факультете. Преподавали на курсах петербургские университетские профессора. Первым директором Высших женских курсов в Санкт-Петербурге стал профессор К.Н. Бестужев-Рюмин. По его имени курсы стали именоваться Бестужевскими. Появились высшие женские курсы в Москве, Киеве, Казани. Д.Н. Кайгородов был в числе профессоров Бестужевских курсов.

Для юношей наиболее привлекательными учебными заведениями в XIX столетии оставались кадетские корпуса, появившиеся в России впервые в 1743 году, «чтобы доставлять малолетним, предназначенным к военной службе в офицерском звании и, преимущественно, сыновьям заслуженных офицеров, общее образование и соответствующее их предназначению воспитание». В стране к началу XX столетия их было уже 22 на 400-600 воспитанников каждый. Всего же в корпусах насчитывалось 8 тысяч воспитанников. Их было достаточно, чтобы своевременно укомплектовать 44-тысячный офицерский корпус государства, а для тех, кто почувствовал разочарование в военной службе - предоставить место в высших гражданских технических училищах. Их к тому времени насчитывалось 15, помимо 10 университетов, а также горных и лесных институтов.

Детей малосостоятельных родителей в кадетских корпусах учили на полном довольствии и бесплатно. Так называемых «своекоштных» кадетов имелось не более 20 процентов. Поступали в кадетские корпуса в возрасте 12-18 лет. Учились в течение 7 лет. Режим был строгий и лениться не позволял: подъем в 5.30, до 7.00 - зарядка, умывание, завтрак, с 8.00 - уроки, с 11.00 до 13.00 - гимнастика, верховая езда, фехтование, танцы. Затем обед и прогулка. С 15.00 до 18.00 снова занятия, по их окончании - ужин, домашние уроки и в 21.30 - отбой, отход ко сну. Курс учебы в кадетских корпусах немногим отличался от гимназического. Поступить в кадетский корпус было сложно. Конкурсы поступающих составляли до 5 человек на место. Так что за место в корпусе держались. Из специальных старших классов выпускали и офицеров, однако в дальнейшем, по получении общего среднего образования, кадеты стали без экзаменов направляться в военные учебные заведения. Больше всего их было в Санкт-Петербурге и в Москве.

Курс наук в Полоцком кадетском корпусе для Дмитрия Никифоровича Кайгородова закончился в июле 1863 года. До начала 60-х годов XIX столетия кадетские корпуса лучших своих воспитанников выпускали в армию офицерами. В 1863 году кадетские корпуса переименовали в военные гимназии, и при них организовали по 2 специальных класса, которые завершали офицерскую подготовку кадетов. Однако их впоследствии отменили, так что, окончив 1 высший специальный класс, Д.Н. Кайгородову предстояло завершать офицерскую подготовку в Петербурге.

Отъезд из дома назначили на середину августа. До Двинска предстояло ехать на почтовых, а уже оттуда до Петербурга - по железной дороге.

Погода стояла прекрасная, по-летнему теплая. Многие друзья и родители соблазнились проводить отъезжающих до первой почтовой станции Гамзелево. Ехали весело. Наконец и Гамзелево. Заказали прощальный самовар в станционной комнате. Только веселье в предчувствии прощания стихло. Все понимали, что начинается новая, полная непредсказуемости жизнь. Детство и юность кончились.

Отец Дмитрия Кайгородова по праву старшего по званию скомандовал: *«Пора, молодцы! Поезд ждать не будет! С Богом! В дорогу!»*

На следующее утро кадетов уже встречал Петербург, 26 августа 1863 года Д.Н. Кайгородов стал юнкером 2-го Константиновского военного училища. Оно было одним из лучших в России, предшественником его была одна из первых в России военных школ - Дворянский полк, учрежденный еще в 1807 году для молодых дворян (16-18 лет), желавших поступить на военную службу. Через несколько месяцев учебы в Дворянском полку воспитанники получали офицерские эполеты и отправлялись по полкам. С 1832 года Дворянский полк стал Константиновским военным училищем. Проучился Д.Н. Кайгородов в Константиновском училище лишь год. Великолепная математическая подготовка, полученная дома и в кадетском корпусе, подвинула его к желанию служить по артиллерийской части. Артиллерийский же класс в Константиновском училище закрыли и воспитанников его перевели в Михайловское артиллерийское училище. Перешел в него в чине портупей-юнкера (унтер-офицера) и Д.Н. Кайгородов. Училище имело юнкерский и офицерский классы. Были при нем также техническое и строевое отделения, которые находились в непосредственном распоряжении артиллерийского управления Военного министерства.

Михайловское училище было лучшим из столичных военных учебных заведений. История возникновения уходила в XVII столетие. В 1698 году по указу Петра I при Пушкарском приказе учреждена была школа «цифири и землемерия» на 9 учеников под присмотром Ивашко Зерцалова. Такая же артиллерийская школа в 1717 году была организована в Санкт-Петербурге. В 1758 году ту и другую соединили, а в 1762 переименовали в артиллерийский и инженерный шляхетский корпус. С 1801 года он стал называться 2-м кадетским корпусом, а с 1820-го, когда для него отстроили прекрасное здание у Литейного моста справа на берегу Невы при въезде на Выборгскую сторону, ему присвоили наименование Михайловского артиллерийского училища и артиллерийской академии (по имени великого князя Михаила Павловича, практически всю жизнь занимавшегося артиллеристами).

Мало сказать, что Михайловское училище было отстроено и оборудовано с учетом самых современных для своего времени достижений науки и практики. В нем были собраны лучшие педагоги, принимались училище только кадеты, выпускники училища и тем более академии получали назначения в гвардию и лучшие полки. Среди выпускников Михайловского училища был начинатель мелиорации в России Жилинский, известный химик и профессор Земледельческого института Энгельгардт, председатель Комитета министров Дурново, начальник военных училищ и воспитатель Николая II Данилевич и многие другие.

Учиться в Михайловском училище было нелегко: подъем в 5.00 утра, отбой - в 9.00 вечера. Ежедневно 4 лекции: 2 по 2 часа до обеда, 2 по 1,5 часа - после обеда. Отношения с преподавателями и юнкерами между собою - изысканно вежливые, но требовательные. Не выдержавшие высокой требовательности в учении юнкера переводились и училища более легкие - кавалерийские и пехотные. Получившие 3-й разряд в полки ехали унтер-офицерами с правом присвоения офицерского чина через полгода по ходатайству полкового начальства.

Среди сверстников в училище Д.Н. Кайгородов если и отличался, то, пожалуй, особой приветливостью и доброжелательностью к товарищам, да и незаурядными литературными и музыкальными интересами. Воскресные свободные часы и скромные родительские денежные переводы из Полоцка тратились на музыкальные уроки, которые Д.Н. Кайгородов исправно брал у фортепьянного учителя.

Учился Дмитрий хорошо. Судить об этом можно по письму, в котором Дмитрий 3 мая 1865 года напишет родителям: *«Полчаса назад я расквитался с последним экзаменом и ... делу конец. Я подпоручик. Лампадка перед образами не даром горела: артиллерия - 11, физика - 11, администрация - 11, чтение - 11, письменные переводы - 11, лабораторное искусство - 11, химия - 11, анатомия - 10, дифференциальные исчисления - 9».*

Надо ли говорить, что оценки у Дмитриии Кайгородова при 11-бальной системе оказались совсем неплохие, хотя математические свои способности он переоценил или талант-ты иного плана стали брать верх у повзрослевшего Кайгородова.

Училище кончил по 1-му разряду (из установленных 3). 1-й разряд давал Д.Н. Кайгородову право на чин поручика и на два года старшинства, то есть на досрочное получение очередного звания.

В том же году он был определен в артиллерийскую батарею, стоявшую в Люблинской губернии бывшего Царства Польского. Зачислен в конно-артиллерийский полк на должность офицера-порохододелателя. Батарея Д.Н. Кайгородова дислоцировалась попеременно в Динабурге, Бялу, Родзине.

Интересно, что почти такое же начало жизненного пути через 20 лет состоится и у другого известного нашего лесоведа - Георгия Федоровича Морозова. Он также, как и Д.Н. Кайгородов, закончит кадетский корпус, но столичный - Александровский, тоже поступит в петербургское военное училище, но в Павловское. И первые годы службы у Г.Ф. Морозова пройдут в тех же местах, что и у Дмитрия Никифоровича - в Динабурге, в артиллерийской бригаде. Тот и другой окажутся отличными офицерами. Однако иные, не воинские, интересы возьмут верх в жизненных планах молодых людей.

Г.Ф. Морозов впоследствии напишет о годах своей офицерской службы: *«Когда я был артиллерийским офицером, у меня и многих моих товарищей на столах лежали лекции профессоров академии (Петровской земледельческой и лесной). По Иванькову мы делали первые шаги в ознакомлении с общинной русской и политической экономикой вообще; мы знали лекции Тимирязева, Густавсона, а многие, стоявшие ближе к деревне, и основы полевой культуры Стебута...»*

Не ограничивался одной лишь полковой службой и Д.Н. Кайгородов. В его интересах начинают преобладать естественные науки. Дмитрий мог часами рассматривать картины естественно-исторического атласа Шуберта, а сочинения А. Брема стали его настольной книгой. Никто из полковых товарищей Дмитрия Кайгородова не мог так точно определять по голосам птиц, угадывать по расцветкам крыльев бабочек, составлять гербарий и минеральные коллекции. И об этом впоследствии Д.Н. Кайгородов напишет в своих воспоминаниях: *«На 20-м году жизни (в бытность поручиком конной артиллерии) в Люблинской губернии бывшего царства Польского в мои руки попали: книга А. Брема «Жизнь птиц» (в переводе Н. Строева) и «Естественно-исторический атлас Шуберта» с несколькими красочными таблицами птиц. Прекрасная книга Брема, пропитанная любовью к пернатому миру, была с жадностью прочитана и сделала меня страстным орнитологом. С небольшим охотничьим ружьем в руках стал я прилежно бродить по окрестным лесам, полям и болотам. Каждая новая встречающаяся птица сначала внимательно высматривалась и выслеживалась, а затем добывалась ружьем, приносилась домой и худо ли хорошо ли определялась при помощи Брема и Шуберта. За неумением препарировать шкурки, от добытой птицы отрезалась нога, крыло и хвост, которые сохранялись. Таким путем, в течении нескольких месяцев, составила коллекция ног, крыльев и хвостов около сотни видов наиболее обыкновенных птиц».*

Что же касается самой службы, то она шла, как ей и следовало идти у молодого офицера: учения, дежурства, вечера в офицерском собрании. Роскошествовать скромный офицерский бюджет не позволял. Содержание подпоручика, складывавшееся из жалования, столовых, добавочных составляло всего 227 рублей в год, у поручика – 495⁸. Цена рублей тогда, правда, была весомее нынешних. Тем не менее, распределялся сорокарублевый месячный бюджет молодого офицера по копейкам: офицерские членские взносы в офицерское собрание - 7 рублей 70 копеек, взнос в библиотеку - 25 копеек, в аптеку - 35 копеек, в кассу взаимопомощи - 2 рубля, портному - 7 рублей, сапожнику - 3 рубля, прачке - 2 рубля, обеда - 9 рублей, булка и чай к ужину - 2 рубля, сахар, керосин, бумага - 7 рублей. К этой сумме добавлялись и расходы, без которых молодому человеку никак нельзя: обновить гардероб, сходить в гости или принять их, купить билеты в театр или коробку конфет девушке и, наконец, побриться, в баню сходить. Без родительской помощи молодым офицерам приходилось либо искать приработки на стороне, либо сжимать свои потребности до минимума.

Служба в конно-артиллерийском полку под Динабургом у Д.Н. Кайгородова продолжалась два года. В 1867 году его переводят в Санкт-Петербург на Охтинский пороховой завод.

Охтинский пороховой завод

*Я Петербург люблю, с его красою стройной
С блестящим поясом роскошных образов.*

П.А. Вяземский

На правом берегу Невы, недалеко от ее устья, при впадении в Неву речки Охты, широко и красиво раскинулся северный охтинский пригород столицы. Расположен он на высоком берегу и, пожалуй, даже живописнее восточного - московского, особенно когда подъезжаешь к Охте в хорошую погоду со стороны Александро-Невской лавры.

Охта - одно из самых старинных предместий Петербурга. Обживать ее новгородцы начали еще с 1240 года, после победы русских войск под руководством великого князя Александра Невского.

Однако, как свидетельствуют летописи, в 1300 году *«...пришли из-за моря свеи в великой силе в Неву, привели мастеров из своей земли, а из Рима особо искусного мастера и поставили укрепленный город - настоящую крепость над Невой, в устье Охты-реки»*.

Новгородцы того не потерпели и в 1301 году осадили шведский гарнизон, крепость взяли штурмом и до основания разрушили. На 300 лет шведы оставили эти места в покое. Но в 1617 году вновь захватили заманчивые для себя земли и снова построили крепость - Ниеншанц. Напротив ее начал расстраиваться город, который к середине XVII столетия насчитывал уже 2,5 тысячи жителей, которые трудились на небольшой местной судовой верфи, дегтярном и смоляных заводах и пильных мельницах (пилорамах).

В ходе Северной войны 1700-1721 годов русские подошли к Ниеншанцу и 23 апреля 1703 года осадили ее. Комендант крепости сдал Б.Н. Шереметьеву ключи от нее. После закладки Санкт-Петербурга крепость срыли, поскольку *«...она мала, далека от моря и место не гораздо крепко от натуги»*.

На месте Ниеншанца и его окрестностей заведены были поселения из вольных плотников, собранных из различных краев России с тем, чтобы они, в случае надобности, исполняли адмиралтейские плотничьи работы.

Когда Петр I приступил к строительству новой столицы, то место будущего города напоминало болото, перемежавшееся с сырými, заросшими кустарником полянами, через которые тянулись грязные топкие дороги, ставшие впоследствии улицами с наскоро сколоченных бараками рабочих и убогими хижинами местных жителей. Только у Адмиралтейства и Петропавловской крепости появлялись добротные барские постройки офицеров и местных чиновников. Охтинские поселения тогда смотрелись даже более приветливо, чем нынешняя центральная и восточная часть города. Планировка же их скорее напоминала деревни из российской глубинки, из которой в общем-то и приехали новые охтинцы.

В 1721 году на Охте создается своя верфь, на которой Петр I в августе приказал *«...делать швертботы и другие новоманирные суда»*.

В 1725 году на Охте уже работает ветряная «пильная мельница» на 700 бревен в год, к 1742 году неподалеку у Невского монастыря пилила другая мельница - вдовы Вильяма Коуэн Говена, а в нескольких верстах от Шлиссельбурга день и ночь трудился 4-рамный завод Матвея Белозерова и Богдана Штермера, так что «топор дровосека» слышен был и на Охте, и в ее окрестностях.

Охта славилась своими огородами, обеспечивавшими город капустой и другими овощами. Непрерывным потоком тянулись с Охты крестьянки с молочными крынками и масляными, сметанными тусами. Охта кормила Петербург.

Выйдя к морю, Россия поспешала закрепляться в приневских землях.

Только в первой четверти XVIII века основано было вокруг новой российской Столицы до 200 промышленных мануфактур. Особенно много строилось предприятий судостроительных и военных, оборонительных. Петербург становился военно-морской базой на Балтийском море. С учетом тогдашних дорог, при базе все надобно было иметь под рукой. Тем более порох. На Руси его умели делать и делали много, но, учитывая опасность «порохового зелья», «терли» его на небольших заводиках, да и по большей части под Москвою. До столицы и к местам боев порох доходил с большими потерями и к делу малопригодный. В дороге порох улеживался, отсыревал, а, бывало, по небрежению и взрывался. Основавшись на новом месте, Петр I сразу же повелел строить местный пороховой завод. Первый заложили в 1712 году на Петроградской стороне, но «по опасности его городу» закрыли. Второй завод, как свидетельствует письмо Якоба Брюса от 3 июля 1715 года, заложен был по *«Его царскому Величеству указу на реках Большой и Малой Охте»*.

По первому брясовскому распоряжению у завода поставлено было 500 изб, в которых разместились архангельские, вологодские, олонечские и ярославские мужики с семьями, в задачу которых определялось всегда быть под рукою для плотницких работ у местной партикулярной верфи и в распоряжении градоначальника для городских построек. Поселение завода напоминало уже городское предместье. Пороховой завод сначала не был большим: в XVIII столетии он делал всего 9-10 тысяч пудов пороха в год.

Охтинский пороховой завод состоял в штате казенных поселений, учрежденных Петром I в здешних местах в 1723 году при местной Партикулярной верфи.

Постоянные войны и растущий армейский спрос на порох понуждали Правительство расширять военные заказы.

В 1784 году завод был передан в ведение Интендантской экспедиции, а в начале XIX столетия - Артиллерийского управления Военного министерства.

При Аракчееве поселение расширено и перепланировано в соответствии с указом от 22 мая 1816 года «для сокращения государственных издержек» и, как отмечалось в указе, ради *«самого благосостояния солдат поселения на отводимых им землях»*.

На заводе в XIX столетии уже имелось 44 реторты для производства пороха, серный завод, селитренная варница, 3 турбины, 3 паровые машины, дробильные и растирочные станы, сушильные камеры, позднее к ним добавилось 3 локомотива. Размещалось оборудование в 95 каменных и 48 деревянных зданиях. Имелось при заводе 83 подсобных помещения и 67 жилых домов. В общем, это было современное и хорошо отлаженное производство, занимавшее 1508 десятин охтинской земли, не считая лесов и земель, переданных поселенцам. К началу XIX столетия это был самый крупный не только в Петербурге, но и в России пороховой завод, производивший шестую часть пороха страны.

Подошла очередь реконструкции и расширения завода. Тогда-то и решили учредить при нем под наблюдением графа Аракчеева военное поселение, которое обязано было при минимальных государственных издержках обеспечивать бесперебойную работу завода. О военных поселениях слышаны многие. Что же касается Охтинского, то первая его рота в 80 человек организована была в 1820 году. Из них 35 солдат-ремесленников и 37 солдат-хлебопашцев. Каждому хлебопашцу давался пахотный надел в 6 десятин и 2 десятины сенокосу. Дом строился за счет казны. Полагалась поселенцу верхняя и нижняя одежда, каждой семье прикуплена была одна-две лошади и корова.

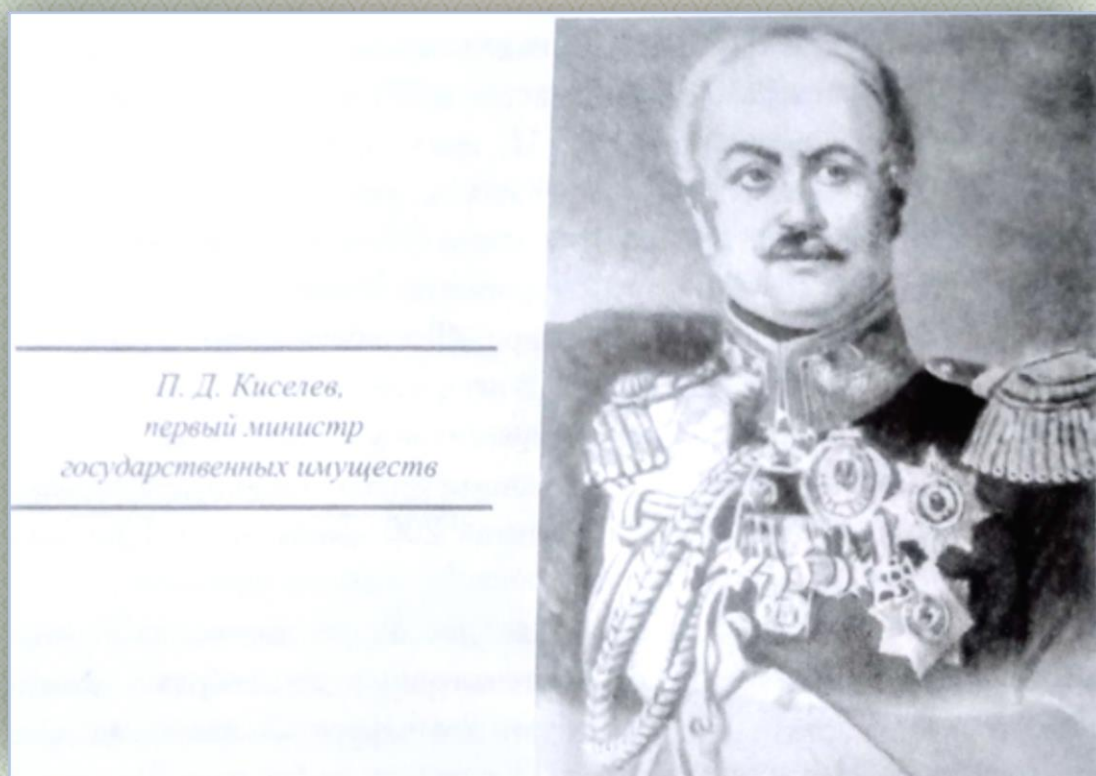
В случае надобности каждой хлебопашской семье приходилось пускать к себе двух постояльцев. За право пользования всем этим имуществом поселянин должен был 2-4 дня в неделю трудиться на заводских работах, получая жалование в 10-25 копеек в день, а остальное время заботиться о собственном хозяйстве и пропитании жены и домочадцев. На всех остальных полагался государственный прокорм (четверть муки и 1,5 гарницы крупы в месяц). Поселенцы-ремесленники жили либо на постое у хлебопашцев, либо при заводе в 12 домах-казармах квартирного типа. Служба тех и других заканчивалась после 25 лет выслуги. Тому, кто желал остаться в поселении еще 5 лет, платили, как сверхсрочнику, двойное жалование, а затем с ним отправляли на пенсию. Сыновей военных поселенцев после 10 лет отправляли на 8 лет в специальные учебные заведения, по окончании которых они могли выбирать себе профессию. При Охтинском заводе имела «Школа для подготовки в пороховые мастера». Отучившись в ней 5 лет, воспитанник становился мастером, а проработав еще 12, имел право сдачи экзаменов на первый офицерский или статский 14 класса чин с окладом в 1200 рублей в год. К середине прошлого столетия в военное поселение завода входило 3 поселенные роты, 6 непоселенных. В каждой из них по штату полагалось 2 офицера, 4 унтер-офицера, 40 хлебопашцев и 80 ремесленников. В инвалидной команде завода насчитывалось 200 человек, которые несли вспомогательную и охранную службу по мере своих сил. Завод готовил с помощью всего этого персонала до 70 тысяч пудов пороха. В отдельные годы выпуск пороха достигал 200 тысяч пудов. При заводе был и капсюльный завод.

На заводе служили два священника, два лекаря, имелись свой лазарет, церковно-приходская школа, библиотека офицерского собрания, запасной хлебный и вспомогательный магазин, а в округе - несколько обывательских лавочек.

Обо всех этих подробностях нельзя не сказать, чтобы читатель имел представление о том месте службы, с которого впоследствии придет в Лесной институт один из видных лесных деятелей России Д.Н. Кайгородов. Охтинский пороховой завод был современным для того времени военным предприятием. С него можно было брать пример другим отраслям промышленности.

Трудно сказать, сколь удачной считали свою судьбу заводские рабочие из военных поселений. Известно, что платили им мало: в XIX столетии - мастеру по 2,5 рубля в месяц, а простому рабочему - по 3 алтына (90 коп.). Кормились они, главным образом, заводскими земельными наделами. Однако в крепостные свои деревни не бежали. Суровым наказанием считалось отчисление из поселения в обычную воинскую часть.

Редко кто из поселян, отслужив положенный срок на заводе, уезжал в крепостную родную деревню. Поскольку же казенный дом по выходе пенсион приходилось сдавать заводу, обустраивались неподалеку среди охтинских обывателей или отселялись по разнарядкам Министерства государственных имуществ на пустующие земли. Благо ее в то время в столичных пригородах еще хватало. За заводом уже с 1748 года приписывались земли для обустройства строений и заготовки строевых и топливных бревен. К приезду Д.Н. Кайгородова на земельном балансе завода числились 4891 десятина сельскохозяйственной земли да около 11 тысяч десятин казенного леса.

В 1855 году производство пороха на Охтинском заводе возросло с 40 до 150 тысяч пудов. Только частые пожары и взрывы возвращали дело на исходные объемы, но всякий раз с учетом последних технологических новинок. Завод в XIX столетии выпускал почти все армейские и обывательские пороха: мушкетный, ружейный, артиллерийский, винтовочный черный и ружейный бурый, шоколадный призматический и призматический ружейный, делали порох дымный и бездымный. Внедрили бочечно-бегунный метод обработки селитры, серы и угля.

В устройстве завода принимали участие видные столичные ученые, в том числе Менделеев и Яблочкин.

Охтинский пороховой завод являл собой своеобразный автономный военный гарнизон со всеми необходимыми службами. Для других пороховых заводов России: Самарского, Нижегородского, Троицкого и еще нескольких частных пороходельных предприятий России Охтинский пороховой являлся образцом. У Охтинского завода имелось все для нормальной работы и устойчивой жизни - вплоть до протяжки гвоздей, мастерских по плетению канатов, варки сальных свечей. Были даже шквальни для обуви и пошивочные мастерские для одежды рабочих. Завод состоял по казенной военной части и порох должен был давать при любых условиях. К началу первой мировой войны российские пороховые заводы в общей сложности давали армии до 750 тысяч пудов пороха.

Командовал Охтинским заводом генерал-майор или полковник с 1,5 десятками военных и статских помощников. В том числе 3 штаб-офицера, 8 обер-офицеров, 4 артиллерийских чиновника, 8 классных обер-фейерверкеров штатных и столько же нештатных, механик. На заводские работы в летний сезон привлекали до 420 рабочих, а зимой - 300. Казне рабочие обходились в 14 тысяч рублей. Кормилось же с учетом семейных при заводе до 2 тысяч человек.

В 1863 году к поселениям Охтинского порохового завода приписано было 2,5 тысячи жителей. С отменой крепостного права поселенцы оказались свободными, но со столичных пригородов в «родимые деревни» не заспешили разъезжаться. На заводе все же жалование исправно платили, а что там придумают в деревенских магистратах местные бургомистры и барин, пока еще было неясно. Трудились по-прежнему на заводе, жили своим хозяйством, молились в местной церкви, учились в заводской школе, веселиться ходили в парк графа Кушелева и к полюстровским минеральным ключам.

Обо всем этом Д.Н. Кайгородов уже знал, получая назначение к новому месту своей службы от брата Нестера Никифоровича, служившего на Охтинском пороховом заводе старшим офицером-пороходельцем.

Несмотря на огромное свое стратегическое значение, место расположения Охтинского порохового завода было тихое, напоминавшее обычную российскую провинцию. Из центра столицы на Охту тянулись недлинные улочки с невзрачными деревянными домишками, окруженными садами и огородами. На улицах тихо и пусто. Охтинцы слыли превосходными плотниками и столярами, трудившимися на самых лучших стройках столицы, а охтинки - отменными молочницами и огородницами. Особенно по выращиванию капусты.

В этих местах и предстояло Д.Н. Кайгородову прожить без малого 8 лет.

Вместе с тем, коляска его с поднятым черным кожаным верхом мягко катилась по влажной от недавнего дождя дороге. Сам он, запахнув ноги пологом от заканчивающегося теплого летнего дождя, сидел опершись на стоявший рядом саквояж. Лето было в разгаре. Небольшой прибрежный перелесок - словно сказочный ковер. Пышно развернул, под пологом деревьев, распластал свои резные листья папоротник. Густой стеной, словно воины-гренадеры, стоят по опушке в светло-фиолетовых и светло-розовых султанах-кирасах саженные стебли кипрея-иван-чая. Жмутся к колесам ромашки зверобой, донник, медвежье ухо. Деревья почти все уже отцвели. Между листьями их чуть заметны желтеющие семена и плоды. Очередь настала за липой. Прогрелась и вспенилась она сливочными цветками, напомнив молодому офицеру родные места. Нежный, мягкий запах липы Дмитрий Никифорович помнит с детства. Нет от него оскомины. Липовый дух медом, свежим сеном, покоем пахнет. Под липовыми деревьями в пору цветения всеобщий праздник для лесных обитателей: деловито жужжат слетевшиеся на липовое медовое застолье пчелы, мухи и другие большие и малые насекомые.

Катится коляска дальше, огибая крестьянские огороды и сенокосы, обгоняя молодух с полными лукошками. В это время есть чем поживиться даже в таких хоженных-перехоженных лесах, как охтинские. Словно по графику, поспевают в них лесные ягоды: сначала земляника, потом черника, а там уже закраснеют гроздья бузины, заалеют, зачернеют ароматные ягоды черной смородины, начнут темнеть гроздья черемухи, засветятся красными огоньками в траве бусинки красники, поспеет малина. Хорошо-то как!

- Непременно, как время позволит - в лес, - решил Дмитрий Никифорович.

Кучер дернул вожжи и лошадь пошла в рысь. У поставленных стогов о чем-то смеются две девушки. На головах венки, в них васильки, ромашки, розовые головки клевера. Девичьи лица лукавы, глаза искрятся любопытством.

Еще полверсты - и послышалось деловитое жвыкание кос с перемежающимися веселыми посвистами точил-оселков.

- Прямо не столица, а милая моя Белорусь, - подумал Дмитрий Никифорович.

- Охта, она скорей деревня, чем город, - как бы читая мысли седока, заметил кучер.

- Народ здесь крестьянский, живет больше по берегам. К пороховому подъедем веселей будет.

- Так оно и здесь весело, - улыбнулся Дмитрий Никифорович.

Штабс-капитан Д.Н. Кайгородов

Испытание натуры трудно... однако прият-но, полезно, свято. Чем больше таинства ее разум постигает..., чем более рачение наше в оной простирается, тем обильнее собирает плоды для потребностей житейских.

М. В. Ломоносов

Пролетка между тем подъезжала к Георгиевскому кладбищу. Там у церкви уже лежат несколько Кайгородовых: дед, тетушки, дядя. Молодой офицер взгрустнул. Пришли на память стихи К. Ф. Рылеева:

*Там разбросаны жилища
Утесненной нищеты.
Здесь стоят средь красоты
Деревенского кладбища
Деревянные кресты...*

- Даром что пригород столицы, а дома похуже наших двинских. Небогато, видать, живет народ, - подумал Дмитрий Никифорович.

Миновав глубокую колдобину, коляска вновь покатила по густо поросшей травой до-роге. Глубоко качнувшись на очередной рытвине, Дмитрий Никифорович спросил у извозчика с явным нетерпением:

- До порохового-то скоро?

- Да нет. Почитай, что приехали. С версту осталось. Как увидите пожарную каланчу - за ней и заводоуправление.

И чуть помолчав, извозчик добавил: - Вот уж наделал страху пороховой пожарникам третьего году. Такой фейерверк пустил - от Смольного зарево было видно. Думали, весь завод сгорит. Без мала 30 казенных домов на воздух подняло, 15 человек на кладбище снесли, а еще 70 по больницам всю ночь развозили. Сказывают, одного пороху сгорело 6,5 тысяч пудов.

Извозчик пошевелил вожжами. Лошадь, шевельнув ушами, перешла на беспокойную рысь.

- Вы, случаем, не по ревизорской части едете?

- Нет, не по ревизорской, - весело ответил седок. - Служить еду на завод. По части пороховой.

- Ну, ну. Служить, так служить. А то все ревизоры. Дело на заводе опасливое. Редко какой год без сюрпризу.

Извозчик потянул вожжи, и пролетка остановилась у добротного кирпичного здания с неизменной полосатой будкой у входа.

- Приехали.

Протянув извозчику стоворенный целковый, да от себя еще двугривенный, офицер, ловко спрыгнув с пролетки, направился к заводууправлению.

Поставленный при Петре I, как значилось в военной экспозиции, на пересечении 47 градуса долготы и 59 градуса широты, завод занимал по окружности почти 30 верст на северной охтинской окраине Санкт-Петербурга вдоль небольших речушек Охты и Луппы между землями Токсовской мызы и именными Всеволожских, Балашовых, Чеблаковых и Шаховских. Кроме 5 тысяч десятин Петербургского уезда, принадлежало заводу еще 5 тысяч десятин в соседнем Шлиссельбургском уезде.

Как оно и раньше случалось, завод недавно изрядно погорел (с 1715 по 1890 год на заводе случилось более 100 взрывов). Из-за пожаров 1863 и 1864 годов заводские мастерские также сильно пострадали. При казенном заказе в 80 тысяч пудов завод едва делал 15. Шел спешный ремонт. Все, кого только можно было собрать на восстановление завода, трудились в строительных артелях.

- Как в артбригаде после отбоя. Но красота!

Прежде чем открыть массивную входную дверь заводууправления, еще раз бросил быстрый взгляд на окрестности перед заводом.

Подпруженная у завода река разлилась в верхнем своем течении и представляла живописную заводь, по которой не спеша скользила изрядная стайка домашних уток.

- Не завод, а барское поместье, - улыбнулся приезжий.

Первое впечатление это ничуть не изменится и потом, когда Дмитрий Никифорович (а это был именно он) обойдет и объедет по несколько раз заводские окрестности. Охта в среднем течении и под запрудой неширока, миновав же которую можно было без всякой опаски плыть на плоскодонной лодке к Медвежьему Стану и дальше, вплоть до Мурина, находящегося уже на территории бывшего дачного столичного Лесного.

Заводские цеха Охтинского порохового завода в интересах безопасности размещались в 95 каменных и 48 деревянных небольших зданиях - «фабриках». Кроме них, имелось еще 67 подсобных помещений, отстоявших друг от друга на несколько десятков саженей. Только все эти предосторожности не спасали завод от частых пожаров. Редко какой год не обходился без того, чтобы какое-либо из зданий не сгорело или не покорежилось от нечаянного взрыва.

Последние аварии хорошо напугали заводчан. Остатки пострадавших зданий убрали, а вокруг тех, что удалось сохранить, и хлам расчистили, лес освободили от кустарника, здания заводские покрасили, подходы к ним подровняли, развесили, расставили, разложили пожарный инвентарь, дорожки аккуратно подсыпаны толченым кирпичом. Вдоль заборов зеленеет в перемежку с желтизной стриженный боярышник. Видимый порядок заметен во всем. Даже в обывательских охтинских домах, примыкающих к заводу. Строены по единому плану - на высоких фундаментах, пятистенные, тесом крытые, под номерами, в три окна по фасаду. Улицы освещены фонарями. На некотором расстоянии между постриженными деревьями - немалое здание заводоуправления с мезонином, широким крыльцом, укрытым поддерживаемой колоннами крышей. По обе стороны от него - здания поменьше, но столь же добротные. По конфигурации, видимо, магазины, лазарет, офицерские дома. Совсем за ними в глубине редкого леса подсобные помещения: конюшни, сараи, склады.

А вокруг лес. Впрочем, без леса в те времена завод и существовать бы не смог. Еще при Петре I к каждому из них приписывались земли заводских округов в радиусе до 30 верст. В них подряжали рабочих и брали все необходимое для производства: древесину - в первую очередь, поскольку заводская технология того времени основывалась на древесном топливе и древесных углях. Уголь являлся и составляющей частью пороха.

Лесная дача Охтинского завода располагалась между Колтушской, Парголовской и Токсовской высотами, примыкая четвертой своей стороной к Неве. В округе они составляли 29 верст. Ее леса в то время были несравненно лучше теперешних - на три четверти сосновые и процентов на 20 - еловые. Осиновых и березовых лесов едва набиралось 80 тысяч десятин. Обустроены леса были на манер немецких - по 20-80 десятин в квартале.

В нескольких верстах от Охтинской лесной дачи находилась другая заводская лесная дача - Порецкая. Она входила в административное подчинение Шлиссельбургского уезда. По качеству лесов Порецкая лесная дача была похуже - в ней преобладали низинные, поросшие осиною и ольхой, участки. Однако и охтинские, и порецкие леса были уже устроены по лесоводственным правилам: в них был заведен строгий порядок рубок, согласно которому Охтинская лесная дача делилась на 120 строевых лесосек по 21 десятине и 60 дровяных лесосек по 11 десятин каждая. Ежегодно с этих лесосек вырубалось до 2 тысяч строевых бревен, 500 подтоварин и 350 кубических сажень дров.

В Порецкой (Шлиссельбургской) лесной даче ежегодно нарезали по 2 лесосеки в 39 десятин каждая. Брали с них по 1 тысяче кубических сажень дров ежегодно.

Порядок был в заводских лесах тоже немецкий. Присматривала за ним специально наряженная стража под руководством состоявшего в штате завода форстмейстера.

Ко времени приезда Д.Н. Кайгородова заводскими лесами управлял Роберт Эрнестович (по-русски чаще его звали Семеновичем) Диц. Это был добрый веселый немец, выходец из Лифляндии, успевший не только хорошо послужить России, но и хорошо обрусеть. Как значится в послужном формуляре форстмейстера Дица, родился он 11 июня 1812 года в Кирхшпиле (протестантском приходе) Рихтера. Служил унтер-офицером Рижского гарнизонного батальона, а затем Сумского гусарского полка. В 1837 году произведен в корнеты и в том же году переведен прапорщиком в Морской полк. Воевал. Был награжден. В 1839 году Дица производят в поручики. В 1842 году он уходит в отставку из армии, но вскоре снова поступает на службу. В 1844 году Диц зачисляется в Корпус лесничих в должности запасного лесничего и полицмейстера Лисинского учебного лесничества, где и прослужит исправно до 1855 года. В 1852 году Дица производят в капитаны, а в 1855 году он перейдет на службу в Охтинский округ военных поселений на вакансию форстмейстера лесов охтинских заводов. В 1865 году Роберта Эрнестовича (Семеновича) Дица производят в полковники Корпуса лесничих. Волей судьбы он оказался первым, кого встретил Дмитрий Никифорович по приезде на новое свое место службы, а впоследствии - добрым товарищем.

Надо сказать, что перевод на Охтинский пороховой завод и служба там оказались немалой удачей для Д.Н. Кайгородова. На заводе уже служил его старший брат, выпускник артиллерийской академии Нестер Никифорович Кайгородов - старший пороходелатель завода.

Охтинский пороховой завод после пожара перестроили и оборудовали по последнему слову техники. При заводе имелась хорошая химическая лаборатория для контроля за производством. Была при нем и вполне приличная библиотека, *«могущая содействовать, - как писалось в положении о ней, - умственному развитию господ офицеров»*. Времени для этого у них было более чем достаточно, поскольку завод работал напряжен-но лишь в теплое время года. Часть рабочих на зиму увольнялась, а специалисты-офицеры время проводили по своему усмотрению.

По сравнению с прежней армейской батарейной службой, на Охтинском пороховом заводе жизнь была почти домашней. Достаточно было времени с делами управиться, по окрестностям побродить с ружьишком.

Надоест гулять - садись в лодку и плыви по широко запруженной Охте к лесистому Медвежьему Стану или Муруну, к началу нынешнего Муринского проспекта, тогда еще полного зелени, любуйся природой. Любоваться же в первые дни приезда на завод Дмитрию Никифоровичу было чем. Птица «поднялась на крыло». Поутихли голоса соловьев и кукушек, но еще можно услышать песни горихвосток, пеночек, дроздов, варакушек и музыкальные напевы иволги. Коростель проскрипит на зорьке раз-другой. Ласточки о чем-то сердито посплетничают, усевшись на коньках крыш. Только жаворонок по-прежнему радостно не скупится на песни.

Благодать! Лесная земляника пошла на убыль, но полно под еловыми ветвями брызжущих темно-красным соком ягод черники. По влажным лесным прогалинам и опушкам поспевают малина. После теплых дождей пошли грибы: в тени леса - подберезовики, подосиновики, сыроежки, маслята, а по опушкам - боровики. Ну как упустить такую возможность, тем более, что лес-то рядом - прямо на заводе! В доме Дицев - соленья и варения. Что ни день, приглашение к обеду или чаю.

Между делами по службе Дмитрий Никифорович обживал новые места с учетом прежних своих ботанических, энтомологических и особенно орнитологических интересов. Бродил по заводским окрестностям и выискивал незнакомых птиц, насекомых, составлял гербарии, вел тщательные записи увиденного и услышанного. Старожилы тех мест часто вспоминали о высоком молодом человеке в форменной тужурке, бродившем по перелескам, примыкавшим к заводским зданиям. В руках его - неизменный широкий кисейный сачок и сумка с привязанной к ней папкой для интересных находок.

Да и сам Д.Н. Кайгородов с удовольствием вспоминает в своих автобиографических записках о времени, проведенном на Охтинском заводе: *«В летние сезоны я продолжал прилежно экскурсировать по заводской территории и ее окрестностям и в течении трех лет довольно основательно ознакомился с местной флорой и фауной. Расширению знакомства с местной орнитофауной немало способствовало два обстоятельства. Во-первых, сближение с одним из заводских рабочих, опытным птицеловом, с которым провел немало времени, поучительно участвуя в его птицеловских экскурсиях. И во-вторых, дружба с семьей Дицев. Трое сыновей Р. Э. Дица, как и он сам, были первоклассными мастерами всех видов охоты»*. Роберт Эрнестович Диц в лесном мире был свой человек. Он знаком был со многими известными лесоводами того времени, в том числе и с бывшим лисинским лесничим, впоследствии профессором и директором Земледельческого института Н.М. Зобовым. Со многими лесниками Диц встречался во время охоты. Охота друзей прибавила интереса к лесным делам и у Д.Н. Кайгородова.

«Многочисленный ряд охот, - писал он в своих автобиографических записках, - в которых я принимал деятельное участие (1860-1879), сильно обогатили мои фаунистические и биологические познания, а также содействовали развитию обостренной наблюдательности».

Уместно будет сказать, что с охотой в окрестностях столицы в то время было еще все в порядке. В «Лесном журнале» в заметках за подписью прапорщика Корпуса лесничих В. Гришнера, сделанных в середине прошлого столетия во время его поездки из Санкт-Петербурга в Выборг, сообщалось: *«На Поклонной горе по левую сторону от Выборгской дороги растут сосновые леса и идут они до Осиновой рощи. В лесах Осиновой рощи много всякой дичи, особенно болотной, но крестьяне, занимаясь охотой, уступают оную и посторонним. В 1843 году ее откупили англичане за 3000 рублей».*

«... В столичных пригородах тетеревов, куропаток, куликов, бекасов и прочей живности, - читаем в описании Санкт-Петербурга и Кронштадта за 1860 год, - водилось так много, что крестьяне, ловящие ее силками, предлагают ее часто за ничто».

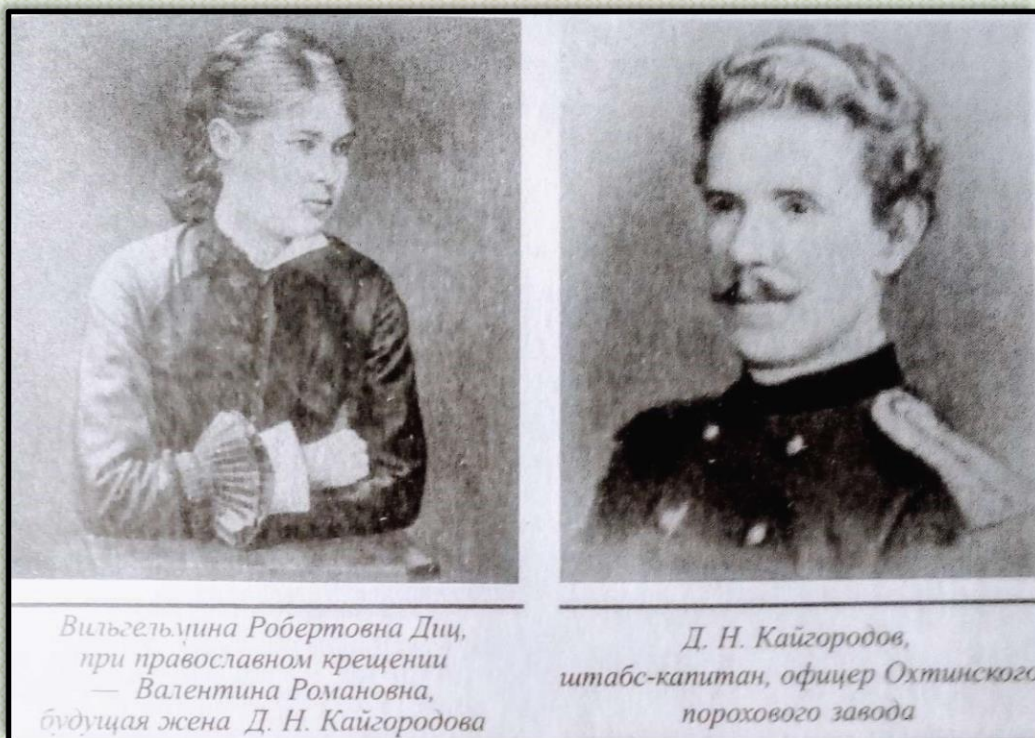
Охотничьи вояжи с Дицами сделали Кайгородова классным охотником. Он научится удачно брать дичь и профессионально выслеживать ее. Но уже тогда он становился больше, чем охотником, скорее - охотником-натуралистом. Дмитрий Никифорович стал реже стрелять, но больше и внимательнее наблюдать за повадками зверей и птиц. Это не осталось без внимания Роберта Эрнестовича Дица. Он многому научился на службе в Лисинском лесничестве и различал простой охотничий и научный интерес. Как профессиональный лесник Роберт Эрнестович во многом способствовал тому, что врожденная тяга юноши к природе приобрела научную целеустремленность. Об этом периоде своей жизни Дмитрий Никифорович впоследствии напишет: *«Переехав в Петербург, я продолжал ознакомление с миром птиц, преимущественно уже при помощи бинокля (стрелять было жаль), и лишь в редких случаях прибегал к помощи ружья».*

Лес становится частью жизни Д.Н. Кайгородова.

«Я страстно полюбил лес, - вспоминал Дмитрий Никифорович, - с тех пор как узнал его поближе, и чем больше узнавал его, тем больше любил. И это всегда так бывает: чтобы полюбить, надо узнать, не зная, нельзя любить» («Беседы о русском лесе»).

Добрыми друзьями и единомышленниками Д.Н. Кайгородова станут сыновья Роберта Эрнестовича - Александр, Константин, Владимир. С нетерпением ожидает Дмитрий Никифорович и приездов в дом Дицев юной белокурой смолянки - дочери Роберта Эрнестовича, Вильгельмины.

Любовь уже пришла к молодым людям, и они ожидали лишь окончаний учебы Вильгельмины в Смольнинском институте благородных девиц.

Прошло два года. Брата Дмитрия Никифоровича вскоре отправили в граничную командировку. Заведование заводской лабораторией и библиотекой возложили на Д.Н. Кайгородова. Дополнительные служебные обязанности расширили его кругозор. В свободное от службы время, а его было более чем достаточно, Дмитрий Никифорович продолжает путешествовать по заводским лесам, слушает птиц, составляет коллекции растений и много читает. В заводской библиотеке, которую Д.Н. Кайгородов после отъезда брата возглавил, был неплохой (на 1000 томов) подбор книг о природе: сочинения Россемера, Шпендера, Лейписа, Богданова.

Жизнь же шла своим чередом. Завод становился все лучше. Неплохо складывалась и жизнь у новых друзей - Дицев. Старший из братьев, Константин Робертович, пойдет по стопам отца - определится на завод, будет служить по пороховой части, останется таким же страстным охотником и неизменным товарищем Дмитрия Никифоровича по лесным его походам. Будет и наукой интересоваться. Через несколько лет полковник К.Р. Диц напишет книгу о совершенствовании производства порохов и станет старшим офицером Охтинского порохового завода. Младший из сыновей Р.Э. Дица - Владимир, по окончании пехотного училища окажется на войне, и после Сербско-Турецкой компании, в 1877 году, определится на службу в царскую охоту.

К началу революции дослужится до царского ловчего - по тем временам положения в служебной иерархии высокого - действительного статского советника. Ловчий в царской охоте после оберегермейстера - второй человек. Заведовал царской охотой в те годы светлейший князь Дмитрий Борисович Голицин - брат Бориса Борисовича Голицина, известного ученого, председателя Ученого комитета Министерства земледелия⁹. Александр Робертович служить будет по коммерческой части.

Закончилась и учеба Вильгельмины, или Линочки, как зовут дома самую младшую из Дицев. О своей любви они с Дмитрием Никифоровичем рассказали и без того давно уже обо всем догадавшимся родителям.

Штабс-капитанское звание Дмитрий Никифорович получил в точно положенные по выслуге сроки. Препятствий к свадьбе в общем-то нет ни от родителей, ни от начальства. Только мудрый Роберт Эрнестович знал, что офицер без имения и академического образования не имеет будущего. Служить на пороховом заводе Дмитрию Никифоровичу до отставки вряд ли позволят. Остается - бедность и вечные скитания по гарнизонам. Конечно, можно идти по пути брата - подать прошение о зачислении в Михайловскую артиллерийскую академию. Не сомневался Роберт Эрнестович в том, что старательный и умный Кайгородов закончит эту академию. А будет ли счастлив? Он-то видел, что другие интересы у Дмитрия Никифоровича. Что делать? Посоветовал Роберт Эрнестович Дмитрию Никифоровичу присмотреться к открывавшемуся Земледельческому институту. Сохранилось в нем и лесное отделение. Тем более, что институт недалеко от завода - в Лесном, а в консультациях по лесным делам полковник Корпуса лесничих Диц всегда готов быть полезным своему будущему зятю.

Начиная с 1867 года становится Дмитрий Никифорович постоянным гостем не только на Охте, но и на Выборгской стороне в кабинетах и лабораториях Земледельческого института. Об этом времени он напишет потом: *«В течении 3-х лет пройдены были все три курса Земледельческого института, по лесному факультету, лекции и кабинетные занятия которого мною усердно посещались то в тележке, то в санках, то верхом, а иногда и пешком».*

Согласие на брак с Линочкой получено, но свадьбу до получения диплома отложили на год.

Почти пять лет Д.Н. Кайгородов пробудет одновременно в Земледельческом институте и на Охтинском пороховом заводе. Все эти годы он будет исправно исполнять свои обязанности офицера-пороходелателя, слушать лекции в Земледельческом институте и заниматься наукой.

Кстати, заведование химической лабораторией во многом облегчит учебу Д.Н. Кайгородова в институте. Он напишет об этом в своих воспоминаниях: *«Прохождение химических лабораторных работ значительно упростилось тем обстоятельством, что на второй год моей заводской службы был назначен в лабораторию и библиотеку (за отъездом старшего моего брата в длительную заграничную командировку)».*

*Д.Н. Кайгородов с
женой Валентиной
Романовой,
в первые годы
супружеской жизни*

На Охтинском пороховом заводе начнется и преподавательская деятельность Дмитрия Никифоровича. Сначала как преподаватели и заводской пороховой школе, а затем и на публичных лекциях местного кружка просвещения. Уже первая просветительская лекции Д.Н. Кайгородова подтвердила незаурядный лекторский его талант и определила дальнейшую педагогическую деятельность, История сохранила нам ту первую его публичную лекцию. Вот она в изложении Д.Н. Кайгородова: *«Прежде чем начать мою беседу с Вами о цветке, я считаю себя обязанным сказать несколько слов о цели, е которой я за-думал эту беседу и для которой я решил занять на час Ваше внимание».*

Дмитрий Никифорович Кайгородов снял, потом снова надел очки и внимательно посмотрел на собравшихся в конторе завода рабочих. Они с интересом смотрели на молодого офицера, пригласившего их на необычную беседу о цветках. Многие пришли с женами и детьми, одетыми празднично, как в церковь.

«На дворе весна, - продолжал он. - Каждый более или менее с удовольствием ее встречает, каждый более или менее радуется весне; но есть люди, для которых эта радость удесятерится. Они ждут весну с замиранием сердца. Им весна приносит целый склад самых чистых наслаждений. Вся наша жизнь складывается из прямых или косвенных поисков наслаждений. Чем больше удовлетворяется их, тем счастливее представляется жизнь. Существует довольно распространенное мнение, что наука и поэзия противоположны, несовместимы друг с другом. Это заблуждение. Герберт Спенсер писал: "Люди, которые никогда не занимались научным трудом исследователя, слепы". Я хочу пропагандировать любовь к изучению природы вообще и растений в особенности. Кто из нас не рвал цветов, не любовался ими, однако далеко не каждый при этом пытался внимательно в них заглянуть. Нельзя иногда по грубой форме растения, например, подсолнуха, судить о красоте его цветка»»

Дмитрий Никифорович прервался, обвел глазами собравшихся. На лицах их был искренний интерес и даже некоторое удивление: как это им самим прежде не приходило в голову всмотреться в то, о чем говорил этот молодой офицер.

«Вглядимся еще раз в привычный нам цветок. Рассмотрев его внимательно, вы уже станете смотреть на него совсем другими глазами, будете радоваться встрече с ним, так же как встрече с человеком, которого прежде видели, познакомились и подружились. В вас зародилось чувство симпатии. Также и с цветком. Изучив его, вы всегда впредь встречаться с ним будете, как со старым знакомым, с приятным чувством первых приятных минут близкого знакомства с ним. Великие научные открытия в природе начинаются с первых шагов внимательных наблюдений за тем, что находится вокруг нас»¹⁰.

Свою первую публичную лекцию в кружке любителей просвещения при Охтинском пороховом заводе Д.Н. Кайгородов прочел 3 апреля 1872 года. Затем последовали другие, столь же интересные, привлекавшие десятки слушателей. Послушать «профессора» с порохового завода приходили и приезжали жители не только «Пороховых», но и Выборгской стороны.

Ставший Д.Н. Кайгородову родным пороховой завод на Охте просуществовал еще 40 лет. В 1914 году его взорвут, по сведениям военной разведки, диверсанты. На месте бывшего Охтинского порохового завода сейчас знаменитый Охтинский химический комбинат.

Заводские же охтинские леса, определившие судьбу Д.Н. Кайгородова как лесоведа, уже с 1868 года начнут отходить из военного ведомства в распоряжение Министерства государственных имуществ. Часть их в 1872 году вернется Охтинскому заводу. В 1874 году в них обоснуется Земледельческая немецкая колония. В 1893 году значительный кусок охтинской лесной дачи используют под объездную дорогу, в 1895-м часть дачи отдадут под ремесленную школу, приют и другие заведения.

*Валентина Романовна
с сыном Евгением*

В общей сложности, из дачи исчезнет почти тысяча десятин. Попытается прибрать к себе Охтинскую лесную дачу для учебных целей Лесной институт. Оснований для этого у него было более чем достаточно, поскольку все заграничные лесные школы имели при себе опытные и учебные леса. С 1870 года ее леса начнут осушать и заново обустривать. К этой работе привлекут студентов института под руководством А. Ф. Рудзкого и лесничего Августиновича. В 1876-1877 годах А.Ф. Рудзкий их опишет и даже будет какое-то время охтинскими лесами заведовать. Однако пройдет еще 25 лет, прежде чем в 1902 году дача окончательно перейдет к Лесному институту.

Охтинская лесная дача, находящаяся в окрестностях Петербурга и имеющая площадь 986 десятин, передана будет Лес-ному институту для создания Охтинского учебного лесничества с целью *«представления институту возможности улучшения обучения студентов лесному хозяйству»*. Общее управление учебным лесничеством передадут профессору М.М. Орлову и лесничему В.М. Емельянову.

После революции Охтинское лесничество увеличится до 6,8 тысячи га. В учебную базу Лесного института войдут соседние Парголовское, Лемболовское лесничества и еще 4 других.

Вот такая интересная историческая связь между первым местом военной и лесной службы известного русского лесоведа и бывшего штабе-капитана-пороходателя Дмитрия Никифоровича Кайгородова.

Земледельческий институт

Несомненно, что лес дает всю выгоду, какую он способен дать лишь там, где процветает сельское хозяйство. В свою очередь, оно очень нуждается в лесе, даже если и климат от него не меняется. Всего лучше убедиться в верности этого положения там, где леса нет, а значит, нет стройматериалов, поделочных материалов, топлива.

Н.К. Генко

Земледельческий институт располагался на Выборгской стороне Петербурга, в Лесном. И сейчас называют так эту северную нагорную часть петербургского пригорода, что расположена на оконечности парголовско-левашевской гряды, тысячу лет назад выступавшую береговым уступом в Финский залив. Гряда эта была под деревьями и кустарниками, перемежавшимися с огородами и садами малочисленных «чухонцев», как называли в то время местных финнов. И в начале XVIII столетия эти места оставались почти глухим болотистым лесом, перемешанным с вполне приличными сосновыми рощицами, раскинувшимися небольшими куртинами по невысоким всхолмлениям. Леса часто горели, и по образовавшимся пустырям расползались темные, заросшие чащобами, промоины. Места были глухие, разбойные. Не зря называли их местные жители «Перкале» - чертово место. От Перкале и пошло Парголово. Им заканчивалось Лесное. Центр же его в середине прошлого столетия был приурочен к нынешним Ланской улице и Исакову переулку, по правую сторону от дороги на Выборг. Представлял он собою что-то вроде неправильного пятиугольника, ограниченного Выборгской и Новосельской улицами, Старо-Парголовским проспектом и прямой линией от Яшумова переулку до 2-го Муринского проспекта и Выборгской дороги.

Народу в районе Лесного проживало тоже немного. Было по соседству в Спасской мызе имение графа И.И. Кушелева, рядом с ним имения Ланских, Безбородко. В 1787 году между Парголовым и Муринским проспектом построена была усадьба А.О. Закревского. У нынешнего академического парка, у Светлановского проспекта, находилась усадьба Новосильцевых. Но это все были поселения главным образом дачные – летние барские резиденции, в которых состоятельные владельцы останавливались на пару теплых месяцев.

В 1802 году в связи с предложением английского капитана Александра Давидсона появился проект устроить рядом со столицей показательную сельскохозяйственную «ферму для учреждения полного сельского хозяйства, состоящего наипаче в улучшении земледелия, в развитии и сохранении лучшей породы овец и рогатого скота, также разных овощей и кормовых трав, к скотоводству относящимся, и для употребления пригодных и усовершенствования земледельческих орудий».

*Е.Ф. Канкрин
министр
финансов*

*П.А. Валуев
министр государственных
имуществ*

Планы Давидсона нашли хорошую поддержку у тогдашних государственных деятелей страны, среди которых было немало ревностных англоманов. Поручительство за Давидсона и один из членов «Негласного комитета» юного императора, личный друг Александра I Н.Н. Новосильцев. Для организации английской фермы в Лесном Давидсону выделили на 23 года 1404 десятины, прирезав к казенным лесным землям часть имения Новосильцева, Кушелева и Безбородко.

Английская ферма протянулась до Поклонной горы, захватила всю Сосновку, подошла к берегам Большой Невки и к Полюстрову на Охте. На осуществление интересного Давидсоновского проекта по устройству английской сельскохозяйственной фермы император выделил огромный по тем временам кредит - в 305 тысяч рублей. Началось бурное строительство коровников, оранжереи, подсобных помещений, приобретение наиболее современных зарубежных машин.

К строительству привлечены были лучшие архитекторы и среди них А.Н. Воронихин, планировавший и перестраивавший главное здание фермы. Давидсон был честным человеком и искренне хотел доказать, что под Петербургом земледелие возможно не хуже, чем у него на родине. Только планам Давидсона не суждено было реализоваться: земли в Лесном были бедные, заболоченные, лето короткое, местного опыта не хватало. Недоставало рабочих. На территории фермы проживало всего 37 душ мужского пола и 42 - женского, из которых только 37 человек годились для работы. Доходов от фермы Давидсон получал не более 16 тысяч рублей в год, а расходы достигали 20. Мало того, подходило время расплачиваться и за полученные кредиты.

Просуществовала ферма Давидсона до 1809 года, после чего ее со всеми строениями и посевами вернули в казну и поручили графу Е.Ф. Канкрину попытаться хоть как-то возместить казне выданные Давидсону кредиты. Егор Францевич Канкрин - опытный финансист и предприниматель, разделил ферму на «лоты» и поставил на торг мелкими участками. Провозился он с этим поручением многие годы, убытки казны, однако, возместил, да и так привык к этим местам, что фактически стал чуть не постоянным их жителем. В город отъезжал только зимой.

Новосильцев как поручитель Давидсона неприятностей на этот раз избежал, но беда его нагнала позднее. Брат его был женат на Екатерине Владимировне Орловой - дочери главного директора лесов Владимира Григорьевича Орлова - одного из екатерининских любимцев. По его настоянию на лучшие участки распродававшейся английской фермы был переведен из Царского Села Лесной институт. Институт получил от фермы в нагорной части Лесного земли осушенные и вполне обустроенные, пригодные, по мнению Е.Ф. Канкрин, к *«постепенному обращению в лесной парк, который, по осушению болот, становится украшением местности, вместе с тем доставит воспитанникам Лесного института способ к практическим занятиям по части посевов и посадки лесов»*.

Надо заметить, что Е.Ф. Канкрин по отношению к лесникам был доброжелателен еще с молодых лет. Его отец в конце XVIII века хлопотал об устройстве в России Института домоводства и лесов. Симпатии отца к лесу, видать, перешли и к сыну. Что касается земель для устройства Лесного института в Лесном, то самые лучшие из них - 236 десятин оказались действительно хорошо обустроенными, а 26 бывших фермерских строений, принятых институтом под учебные цели, за ненадобностью бесплатно разобраны, а большей частью реконструированы и перестроены под учебные цели.

В 12 из них разместились учебные здания, столовые, квартиры и общежития. Только в 1822 году на эти цели Министерство финансов, которым управлял Е.Ф. Канкрин, выделило Лесному институту 50 тысяч рублей. Лесной институт превратился во вполне благо-устроенное учебное заведение. Своеобразной достопримечательностью его оказался институтский парк. Земли его осушили, проложили дорожки, посадили редкие растения. В эти годы он напоминал уже вполне благоустроенный европейский лес с рощами, приятными для прогулок и в то же время укромными для занятий совсем не мирного плана. Сюда из Петербурга все чаще стали съезжаться дуэлянты.

Осенью 1825 года к парку Лесного института подъехали две щегольских коляски. В одной из них находился племянник бывшего главного директора лесов В.Г. Орлова, купившего эти места для Лесного института, - флигель-адъютант Владимир Новосильцев, в другой - родственник будущего декабриста Рыльева, поручик Чернов. Стрелялись офицеры на условиях, оставлявших мало шансов на мирный исход дуэли, Новосильцев был убит наповал, Чернов упал замертво и скончался от смертельной раны на четвертый день. Убитая горем мать Новосильцева - Екатерина Владимировна Орлова возвела на месте дуэли сына церковь св. Владимира и богадельню. Примыкающую к ним улицу назвали Сердобольской.

Многие годы Д.Н. Кайгородов, человек глубоко верующий, будет старостой Владимирской церкви. От нее будут начинаться большинство его экскурсий по парку института со студентами и великими князьями, учителем которых Дмитрий Никифорович станет в начале 90-х годов. В храме этом в глубокой ночной молитве Д.Н. Кайгородов в 1923 году простудится и смертельно заболеет.

В 1932 году Владимирский храм разрушили, а в богадельне разместили хозяйственные службы, впоследствии переданные факультету обработки древесины. Даже плоские круглые камни, некогда обозначавшие позиции, откуда сходились дуэлянты, вряд ли кто нынче отыщет. Неравнодушны были к месту дуэли и влюбленные. Теперь об этом практически забыли. Мало кто помнит и о графе Орлове, главном директоре российских лесов, стараниями которого был сначала учрежден его собственный практический институт, а затем переведено из Царского Села в Петербург Лесное училище, превратившееся со слившимися с ним другими лесными институтами в первый в России форст-институт - нынешнюю Лесотехническую академию. В парке института, являвшемся детищем князя В.Г. Орлова, оборвалась одна из наследственных ветвей князей Орловых по женской линии, со смертью В.Г. Орлова прекратился и мужской род Орловых. Таковы превратности судьбы. Всесильная семья пятерых братьев Орловых в течение столетия растаяла, как дым.

Странно складываются человеческие судьбы. Надо же было так случиться, что самое большое горе Лесной принес именно тем людям, которые больше других способствовали его благоденствию. Еще более странно, что не бережем мы предания, легенды. А ведь они, по словам великого Рериха, украшают землю и жизнь.

Обустриваться Лесной стал интенсивно после того, как в нем были распроданы казенные земли под дачные участки. С 1827 года застройка Лесного шла уже по утвержденному плану, а после 1830-х годов Лесной становится модным дачным столичным пригородом. С 1844 года из него стали ходить в центр города баклашевские, или спасские дилижансы. Появились извозчицы биржи, ежедневная четырехразовая почта, строятся трактиры и разного рода увеселительные заведения. Лесной институт тоже отстраивался. После 1837 года он стал военным учебным заведением. Это добавило ему престижа и известности, а Лесному - привлекательности. Юные дачницы из не очень состоятельных семей в Лесном могли легко сыскать себе подходящих женихов из офицеров. С открытием в Москве Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии Лесной институт решили закрыть.

При Лисинском лесничестве организовали Лесную академию. Надобность в зданиях бывшего Лесного института для академии отпала. Для зимних семестров небольшому контингенту учащихся академии стали подыскивать небольшой частный дом в городе. В качестве вариантов рассматривались дома графа Кушелева и особняк португальского посла.

Однако случай решил дело по-иному. В Моршанском уезде Могилевской губернии закрылось первое высшее сельскохозяйственное учебное заведение России - Горы-Горецкий земледельческий институт. Созданный, кстати, опять же, как это свидетельствует закладная плита на его фундаменте, Е.Ф. Канкриным: *«Лета от рождения Христова 1837 мая 30 в 12 год благополучного царствования Николая I по распоряжению министра финансов генерала от инфантерии Егора Францевича Канкрин, под руководством Высочайше учрежденной строительной комиссии, положено основание здания Горы-Горецкой Земледельческой школы».*

По замыслу создателей земледельческой школы, она «должна была стать рассадником для всей империи людей сведущих в сельской науке, люстраторов, администраторов казенных, помещичьих имений-управителей-агрономов». Оказалась же она рассадником «бунтовщиков». Во время польского бунта часть студентов Горы-Горецкого института не только примкнула к восставшим полякам, но и похитила из институтской казны 15 тысяч рублей. Оставить без последствий такие проступки правительство не могло и Земледельческий институт, созданный на основе Земледельческой школы и уже успевший за 23 года своего существования выпустить немало толковых агрономов, был закрыт под предлогом перевода его поближе «к местам работы выпускников» - в Петербург! Если считать таким местом само министерство, то, наверное, резон был. Тем более, что некуда было девать высвобождающиеся «за ненадобностью» здания бывшего Лесного института.

Лесоводы хотя и не любят вспоминать этот период из жизни своего института, но Земледельческий институт многое сделал для того, чтобы институт Лесной, восстановленный на месте прежних своих помещений через 12 лет, впоследствии стал одной из лучших высших школ России.

Возглавлял Земледельческий институт в первые годы его существования лесовод и бывший лисинский лесничий Е.А. Петерсон - человек исключительной эрудиции. В 1871 году его сменил Никанор Васильевич Синявский. Е.А. Петерсон станет председателем Ученого совета Министерства государственных имуществ.

*Е. А. Петерсон — председатель
Ученого комитета Министерства
государственных имуществ*

*Н. М. Ламсдорф,
директор Лесного департамента
и Лесного института*

Преподавательский состав Земледельческого института сложился очень сильным. Из Горок в Петербург приехали Божанов, Целинский, Стебут, Шмидт, Баллион и Янсон. Преподавателями нового института оказались и петербуржцы Энгельгардт, Арнольд, Андреев, Беляев, Салов, Лачинов. Первым деканом агрономического факультета института избрали А.М. Божанова. В 1867 году его сменит Ф.К. Арнольд, а в 1868 году, после отъезда Арнольда в Петровскую земледельческую и лесную академию, - Андреев. Во главе ведущих кафедр института оказались замечательный ботаник С.П. Карельщиков и не менее известные химики профессора Н.П. Соколов и А.Н. Энгельгардт, минералог академик Н.И. Кокшаров, политэконом Ю.Э. Янсон, а также профессора А.П. Людаговский и А.С. Гусаковский, А.М. Божанов, Е.Н. Андреев, Советов, Стебут, Сомов. Из лесных кафедр в Земледельческом институте сохранилась лишь «энциклопедическая» кафедра лесоводства, но возглавлял ее прекрасный ученый и опытный практик, редактор газеты «Лесоводство и охота» Н.М. Зобов. Помощником его был Павел Андреевич Лачинов, доцентом - Эрнест Эрнестович Баллион, преподавателями - Д.А. Лачинов и И.П. Бородин. За время непродолжительной 12 -летней (1865-1877) работы Земледельческий институт закончил 391 человек, многие из которых оказались видными деятелями российского земледелия и лесного дела.

В институте учились будущий министр Государственных имуществ и земледелия А.С. Ермолов, известный почвовед П.А. Костычев - ученик А. Н. Энгельгардта. Сменив А.С. Гусаковского на кафедре растениеводства, П.А. Костычев создаст в Земледельческом институте одну из лучших кафедр почвоведения. Впоследствии на ней станут трудиться выдающиеся ученые России: П.С. Коссович, К.К. Гедройц, С.А. Захаров, П.В. Еремеев, Н.И. Кошкарёв, С.А. Яковлев. Выдвинутый П.А. Костычевым принцип всестороннего воздействия на свойства почвы с учетом условий и структуры сельскохозяйственного производства как важнейшего условия восстановления и сохранения плодородия почвы стал одним из основополагающих принципов современной агрономии. Эрудиция и авторитет П.А. Костычева были столь значительными, что министр Государственных имуществ Алексей Сергеевич Ермолов, однокашник Павла Андреевича по Земледельческому институту, предложит Костычеву возглавить в Министерстве департамент земледелия. Существенно лучше в бытность Земледельческого института стали кафедры ботаники, зоологии.

И все же «лесные корни» в Земледельческом институте окажутся более сильными, чем сельскохозяйственные. К основному, сельскохозяйственному отделению института приписываться станет студентов меньше, чем к лесному отделению. В конце концов Министерство государственных имуществ придет к выводу, что не стоит ломать лесные традиции в Санкт-Петербургском Земледельческом институте. Его перепрофилировали в 1877 году в Лесной институт. В московской же Земледельческой и лесной академии главным направлением сделают сельскохозяйственные дисциплины. Подготовку лесников в Москве сведут к минимуму, а затем и вовсе прекратят. Но это уже произойдет спустя пять лет после того, как Д.Н. Кайгородов впервые придет в Земледельческий институт.

Первая лекция и первая учебная экскурсия, которые посетил Д.Н. Кайгородов у С.П. Карельщикова, окончательно определили дальнейшую судьбу Дмитрия Никифоровича. Карельщиков, несмотря на тяжелую болезнь, был замечательным педагогом. Кафедра его была оборудована современными микроскопами, прекрасными гербариями, составленными по классам и видам растений, красочными рисунками. На увлекательные экскурсии С.П. Карельщикова приезжали даже студенты Санкт-Петербургского университета. Д.Н. Кайгородову многое потом пригодилось из экскурсионного опыта Сергея Петровича в его преподавательской работе.

Земледельческий институт в первые годы не был большим. 11 октября 1864 года состоялся первый ученый совет института. Учебный план определен был на 6 семестров: 3 «приготовительных» и 3 специальных.

*И. П. Бородин,
профессор Лесного института,
учитель Д. Н. Кайгородова*

*Л. А. Иванов,
преподаватель Лесного института*

Каждый из них составлял четыре месяца (с 15 августа по 15 декабря и с 15 января по 15 мая). Первый курс включал изучение физики, химии, ботаники, зоологии, минералогии, геодезии; второй - химии, ботаники, минералогии, механики, строительного искусства, технологии, политэкономии, статистики, земледелия, зоотехники и лесоводства. На последнем, третьем курсе продолжали изучать химию, строительное искусство, технологию, зоотехнику, лесоводство, земледелие, а также механику.

К занятиям со студентами в институте приступили в 1865 году. Учиться в нем в том году записалось всего 19 человек, в 1866 - 18 студентов и 17 вольнослушателей. В 1868 году посещать лекции изъявило желание 50 человек. Дирекция института была заинтересована в расширении контингента учащихся, в том числе и за счет вольнослушателей. Одним из них стал Д.Н. Кайгородов.

Тем не менее, со службы на Охтинском пороховом заводе Д.Н. Кайгородов уходить не спешил. Стипендию в институте получали не все студенты. Да и не ясно было, как сложится учеба. Кстати, и институтские профессора не всегда торопились, получив кафедру в институте, снять эполеты. Профессор А.Н. Энгельгардт по окончании артиллерийского училища несколько лет служил в арсенале, служил в арсенале, преподавал химию в артиллерийской академии. В 1864 году ему предложили стать профессором химии в открывавшемся Земледельческом институте. Предложение Энгельгардт принял, но в отставку с военной службы вышел лишь в 1866 году.

Прошение о зачислении вольным слушателем в Земледельческий институт Д.Н. Кайгородов подает осенью 1868 года. В следующем 1869 году в институте образовалось два отделения: сельскохозяйственное и лесное. Д.Н. Кайгородов оказался на лесном отделении, деканом которого стал Н.С. Шафранов, дружба с которым свяжет Д.Н. Кайгородова на многие годы.

Лекции Д.Н. Кайгородов посещает в свободное от службы время. Годом раньше, в 1867 году, студентами Земледельческого института стали П.А. Костычев и будущий директор Лесного департамента Н.В. Писарев. Будущий министр А.С. Ермолов и брат Э.К. Циолковского - А.К. Циолковский пришли в институт годом позже.

Особенно интересными представлялись Д. Н. Кайгородову занятия по ботанике у И.П. Бородина, лекции у лесоводов Н.М. Зобова и А.А. Длатовского. Самой же примечательной в институте была химическая лаборатория А.Н. Энгельгардта. Устроил он ее в 1864-1870 годы на первом этаже главного здания по южному и западному фасаду. Ничего подобного до этого в России не было. Светлые, просторные помещения лаборатории оборудованы были прочной красивой мебелью, современными приборами. Это была гордость института. Лабораторией любовались не только русские химики, приезжавшие со всех городов России, но и случайные гости из-за рубежа, которые подобное и дома не часто видели. Приходить в лабораторию можно было в любое время и опыты проводить как по институтской программе, так и сверх нее. В этом отношении А.Н. Энгельгардт во многом был единомышленником своего университетского товарища Н.Н. Соколова. Вы-дающийся химик Николай Николаевич Соколов (1826-1877) оставил после себя замечательную школу химиков. Наряду с органической он преподавал и аналитическую химию. С помощью А.Н. Энгельгардта Н.Н. Соколов устроил замечательную химическую лабораторию, где каждый желающий за небольшое вознаграждение мог заниматься интересующей его проблемой на прекрасном оборудовании и при консультации опытных руководителей. Впоследствии Н.Н. Соколов подарил свою лабораторию университету. Энгельгардт, как и Соколов, пользовался широкой известностью в университете и в Земледельческом институте. Публичные лекции его в Соляном городке на Фонтанке собирали до 2 тысяч слушателей. Казалось бы, непростые для понимания неподготовленной аудитории выступления А.Н. Энгельгардта о химии и земледелии воспринимались, благодаря ораторскому таланту лектора, с огромным интересом. Блестяще образованный, приятной наружности, непринужденный в обращении, он пользовался у студентов особой симпатией. С ним можно было завести разговор на самую, казалось бы, сомнительную тему по политическим и социальным проблемам.

Земледельческий институт от предшественника своего - Горы-Горецкого института - унаследовал немалые бунтарские традиции, но они существенно снивелировались благо-намеренностью бывшего Лесного института, работавшего с 1837 по 1863 годы по военному образцу. Да и до 1837 года в Лесном институте, готовившем чиновников, «способных и сведущих к исправлению должностей по лесной части», были порядки строгие. В отличие от московской Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии, в Земледельческом институте надо было и лекции посещать аккуратно, и экзамены сдавать своевременно. Однако традиционное студенческое вольнодумство присутствовало и в Земледельческом институте. Ищущее новых путей в жизни студенчество чаще всего собиралось в химической лаборатории Энгельгардта. Самыми страстными искателями истины в возникавших дискуссиях были братья Николай и Петр Чирвинские, В. Ковалевский, Гнедич, Котельщиков. Суть же искомой истины оказывается намного глубже, чем представляется с первого взгляда, а меры реализации совсем не такими простыми, как кажется недостаточно опытным молодым людям. О проблемах этих писал в своем письме к Александру II поэт В. А. Жуковский: *«Теперь дело идет уже о преобразовании политическом, не о разрушении вековых привилегий и создании исторических (это уже совершенно прежней революцией), а просто уничтожении различий между твоей и моей, или, лучше сказать, о превращении твоего в мое».*

В.А. Жуковский тогда имел в виду революционеров, которым нужно было уничтожить чужое, чтобы иметь свое.

«Весьма вероятно, - продолжал он, - что многие из них сами себя обманывают и, идя вперед со знаменами, на которых сияют слова нашего века: вперед, свобода, развитие, человечество, - сами уверены, что путь их прямо ведет в обетованную землю. И, может быть суждено им, как и многим из их предшественников, содрогнуться на краю дна той бездны, которая скоро под ними разверзнется».

Насколько же был прав тогда Василий Андреевич!

Политические темы студенческих дискуссий в Земледельческом институте не могли не беспокоить правительство. Кончилось все тем, что в декабре 1871 года в институт приехали генерал-майор Дурново и статский советник Горемыкин с обыском. Компрометирующих материалов они нашли немного, но дело получило огласку.

А.Н. Энгельгардта, его помощника П.А. Лачинова, а с ними еще 30 студентов арестовали, допросили и ... выпустили. А.Н. Энгельгардту после ареста посоветовали оставить институт и уехать в свое имение под Смоленском, пятерых студентов сослали домой на пару лет под надзор родителей и полиции. Одного из Чирвинских даже этапировали на 1 год в Вологду. Потом, правда, все уладилось. Не случайно говорили, *«кто в молодости не радикал - у того нет сердца, а кто в старости не консерватор - у того нет ума»*. Время лечит молодость от экстремизма. Психология студента-забастовщика перерождается в психологию карьериста-чиновника, адвоката-наживалы, коммерсанта или в лучшем случае в психологию жреца науки, стоящего, якобы, вне политики, а на самом деле мещанина от науки. Так случилось и в тот раз. Петр Чирвинский через несколько лет стал крупным чиновником в Министерстве путей сообщения, Николай Чирвинский – профессором Петровско-Разумовской академии, Ковалевский - товарищем министра финансов, а Котельщиков - чиновником в этом министерстве. Гнедич вышел в директора государственного банка. П.А. Лачинов, после ухода А.Н. Энгельгардта, возглавил химическую лабораторию и кафедру своего учителя, а сам Энгельгардт разъезжал в подаренной правительством пятитысячной карете.

Химические направления в институте оставались привилегированными на протяжении многих лет. После смерти П.А. Лачинова кафедрой станет заведовать М.Г. Кучеров, прославивший впоследствии родной институт своими замечательными открытиями в области органической химии. К Земледельческому институту он, как и Д.Н. Кайгородов, приписался в 1871 году, уже по окончании кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища. В речах как офицер приучен был быть более воздержанным, но тоже не избежал соблазна вольнодумства, что, впрочем, не помешало и ему стать профессором. Благодаря профессиональным знаниям химии, приобретенным на пороховом заводе, Д.Н. Кайгородов воспринимался преподавателями института почти на равных. В 1871 году он успешно сдает экзамены по всем прослушанным дисциплинам и получает диплом магистра сельского хозяйства и лесоводства. Подтверждается к этому времени и педагогический талант Дмитрия Никифоровича.

О своих увлечениях лесными науками Д. Н. Кайгородов делился с товарищами по службе на Охтинском пороховом заводе. Роберт Семенович Диц, прослушав один из кайгородовских рассказов, посоветовал выступить с лекцией перед любителями природы завода и пороховскими жителями. Подумав, Дмитрий Никифорович согласился. Беседа эта не только укрепила решение Д.Н. Кайгорова перейти на службу в лесное ведомство, но и утвердила его авторитет, в том числе и в институте, как специалиста.

В земледельческом институте всегда внимательно следили за первыми самостоятельными шагами своих воспитанников.

В июне 1872 года он по-прежнему бывает в Земледельческом институте, проводит опыты в институтской лаборатории. Ему уже присвоена ученая степень кандидата сельскохозяйственных и лесных наук. Успехи в учебе и общая подготовка штабс-капитана Кайгородова были столь заметными, что ученый совет института по предложению его директора Н.М. Зобова делает представление о направлении своего выпускника на заграничную стажировку¹¹. В своем представлении Н.М. Зобов сообщает, что Д.Н. Кайгородов во время занятий в институте уже успел сделать в Лесном обществе сообщение о производстве уксусной кислоты и показал себя вполне достойным для продолжения учебы за границей. Он владеет французским и немецким языками, знаком с педагогической частью, поскольку преподавал в пиротехническом училище. Как молодой ученый, подающий надежды, в дальнейшем он может стать дельным преподавателем.

Лесной департамент по первому представлению института дал отказ, так как средства на заграничные стажировки, предусмотренные сметой, израсходованы, а кандидат еще не служит по Корпусу лесничих. Через несколько месяцев все эти препятствия оказались позади. Открылась новая смета, и в 1873 году штабс-капитан Д.Н. Кайгородов, не дождавшись 4 месяцев до очередного капитанского звания, выходит в отставку. Закончилась его служба на Охтинском пороховом заводе.

По выходе в отставку с военной службы Д. Н. Кайгородов получает чин титулярного советника по Корпусу лесничих и звание младшего запасного лесничего.

Лесные знатели из Европы

Русский народ, по природе своей, свободен от парадной исключительности, способен понимать и любить человека как такового, независимо от народности, и кое-какие проявления народной нетерпимости едва ли вытекают из русского народного источника.

В.В. Розанов

Высочайшие взлеты русской культуры связаны с освоением, ассимиляцией достижений других народов. Россия никогда не чуждалась доброжелательной помощи из-за рубежа. Смешно и нелепо считать, что ты способен все изобрести сам. Не смешно и трагично пренебрегать тем, что уже знают другие. Принимаясь за всякое новое дело, государственные люди в России внимательно вглядывались в опыт соседей.

Важнейшим источником становления российской цивилизации была византийская культура. Изучение ее истории, быта, искусства многое дало для культуры российской. Вместе с тем, высочайший взлет ее связан и с освоением, ассимиляцией достижений других народов, особенно западноевропейских стран.

В области технических, в том числе лесных, наук продолжительное время для России примером оставался научный и практический опыт стран Европы. Передовые люди в этом видели большую пользу для государства. Говорил об этом и учредитель московского Общества сельского хозяйства Н.Н. Муравьев на одном из первых заседаний Общества 16 марта 1818 года: *«Англичане, а потом и все образованные народы, кроме России, увидели, что применение естественных наук и химии к земледелию необходимо для усовершенствования оно́го, но между русскими существует народное мнение, что хлебопашество в России усовершенствовать не можно, а между дворянами вкрался предрассудок, что многие опыты с улучшением хозяйства были неудачны потому, что здесь другой климат, другая почва. Такой предрассудок существует и насчет машин, что они не годятся для России. Эти невежества и предрассудки происходят более от того, что дворяне помещики находятся на службе, а имения управляются безграмотными бургомистрами и старостами, которых познания в хлебопашестве не выше крестьянского»¹².*

Учиться вести хозяйство с учетом опыта иностранного на Руси начали с XVI столетия. Немецкие мастерские жили в Москве уже при Иване IV.

Царь Алексей Михайлович имел целые полки, укомплектованные иноземными ратниками, и немало специалистов различных ремесел. В армии у сына его, Петра I, служило 80 полковников из немцев.

XVIII век для России - время больших перемен. Страна создает собственный флот, реформирует армию. Промышленное производство возрастает в 7-10 раз (промышленных мануфактур было 20-30, стало 200). В начале XVIII века на Урале построено 180 заводов. За 30 лет (1767-1800) выплавка чугуна в России увеличилась вдвое. Россия заняла во второй половине XIX столетия первое место по вывозке чугуна в Англию.

Переустройство России, начатое Петром I, нуждалось в передовом опыте и в людях, которые способны были бы реализовать его на практике применительно к российской действительности. В этих огромных работах, конечно же, была немалая доля зарубежного опыта. Лесное дело не было исключением.

Справедливости ради нельзя не сказать, что первые технические рекомендации по лесному делу в России сделаны на основе работ немецких лесоводов Гартинга и Котты, а также Пфейля, который ввел в них научные технические коррективы. Краеугольным камнем лесной политики, с которой начиналось практическое лесное хозяйство, оказался размер пользования, т.е. вопрос о том, сколько, где и чего можно взять из леса. Его рациональные для своего времени параметры ввел уже 300 лет назад немецкий лесовод Флеминг. Другой немецкий ученый - Гартинг дал убедительные доказательства о необходимости равномерного пользования лесом. Расчет же пользования по площадям (а не по массе древесины), который лежит и в современных расчетах лесопользования, сформулировал немецкий лесовод Котта. «Железный закон местных условий», без которого также не может обойтись ни один лесовод в своих предварительных расчетах продуктивности леса, без малого 200 лет назад предложил основатель Лесной академии в Эберсвальде профессор Пфейль.

Зарубежные специалисты в Россию ехали охотно, поскольку при Петре I иностранный специалист получал жалование втрое больше отечественного, даже если тот и пре-восходил зарубежного коллегу в знаниях. При Елизавете Петровне его уменьшили, но и в последующие времена иностранным «знателям» жилось и служилось у нас легче. Немцы, французы, англичане и иные иностранцы управляли в России тысячами имений, фабрик, заводов. В начале XIX столетия вошла мода на английских управляющих имениями.

Ф.В. Ростопчин в своей книге «Плуг и соха, писанное степным дворянином» (1806) заметил по этому поводу: *«Английский фермер столь же начинает быть нужен многим русским дворянам, как французский эмигрант, итальянский оркестр и скаковая лошадь в запряжке».*

Кстати, до XVIII века немчинами, то есть немцами, не понимающими русского языка, называли всех иностранцев. Хотя, как известно, были среди них и французы (Бенуа), итальянцы (Тома де Томон), датчане (Даль), шотландцы (Барклай-де-Толли). Придворный банкир Бирона - Липман - был еврей. Есть предположения, что и сам Бирон был им. Что же касается истинных немцев (аллеманов, тедесков, германцев, дейчеров и других проживавших в Германии народов), то их в России в XIX столетии действительно было больше других, затем шли англичане, итальянцы, французы и другие. Особенно заметной была эмиграция в Россию из Западной Европы в 1857-1877 годах, достигшая 105 тысяч человек. В период с 1878 по 1885 годы она снизилась до 82 тысяч, а с 1886 по 1888 - до 26 тысяч, в последующие пять лет - с 1889 по 1893 - до 16 тысяч человек. В 1894 году в Россию приехало эмигрантов больше на 13 тысяч человек, чем уехало.

Немецкие землячества особенно заметную роль играли в медицине, аптекарском, ювелирном и часовом деле. Колбасные производства в крупных городах практически целиком состояли из немецких цеховиков.

Русский интернационализм известен. Как правило, относились к иностранцам на Руси хорошо. Известный же наш писатель и философ, кстати, сын ветлужского подлесничего В.В. Розанов писал: *«Честь пожать руку этих честных людей (немцев), этих добросовестных работников, значит вырасти на несколько аршин кверху».*

«Человек - мое имя, немец - мое прозвище», - говорил выдающийся немецкий педагог Фридрих Адольф Вильгельм Дистервег (1790-1886), подчеркивая свою приверженность интернационализму.

Слова Дистервега могут не убедить в абсолютном неприятии немцами шовинизма, но в их честности и добросовестности вряд ли кто усомнится. Честность и искренность немцев на российской службе доходила до курьезов. Генерал Карл Иванович Бистром (кстати, немцы всегда старались русифицировать свои имена в новом отечестве), ближайший сподвижник Николая I, считал себя настолько близким к русским, что осердясь говаривал императору:

- Ваше Величество, этот русский Салтыков просто ужасный немец. Очень плохой человек!

Служили иностранцы в России на совесть, нередко даже стыдясь за тех своих земляков, которые чувствовали себя в России временщиками. Каждый третий русский офицер уже в начале нынешнего столетия имел если не немецкое происхождение, то родственников среди немцев. В предательстве практически никто из них уличен не был.

Немало иностранцев приезжали в Россию с искренним желанием сделать ее своей новой родиной. Многие принимали православие, брали русские имена и фамилии. Вспомним немца Генриха Иоганна Фридриха Остермана, ставшего в России российским канцлером Андреем Ивановичем Остерманом, или сына немки и датчанина Иоганна Христиана Даля, принявшего православие и известного любому россиянину как Влади-мир Иванович Даль. Он для России сделал больше многих русских. Сколько их было - брюлловых, клодтов, нессельродов и других, прославивших Россию русских немцев, англичан, французов! В качестве примера добросовестной службы иностранцев в России можно привести следующий пример.

В 1766 году Вольное экономическое общество объявило конкурс с наградой в тысячу червонцев на тему, предложенную Екатериной II: *«Что полезнее для государства, чтобы крестьянин имел в собственности землю или только движимое имущество и сколь далеко на то и другое его право простирается»*.

Предложено было 162 проекта, из которых только 7 русских. Остальные на французском, а более на немецком языках. Призером оказался француз Беарде-де-Лаббей.

Поистине примером для россиян служили немцы-колонисты, которые при Потемкине с 1787 года стали селиться между Бугом и Днепром. Кроме этих потемкинских деревень, немецкие поселения появились под Петербургом, на Волге и других, еще плохо обжитых, но хорошо пригодных для жизни местах. В России насчитывалось до 3,5 тысяч немецких деревень с кирхами, школами и полным немецким обустройством. Окрестные крестьяне охотно перенимали от немцев-колонистов все то доброе, что те привезли на новую родину. Кстати, лесные посадки в степи впервые широкое распространение в нашей стране получили благодаря немцам - меннонитам, гонимым у себя на родине и радушно принятым в России.

Далеко не с каждого русского можно было брать пример, как с немца. Дмитрий Никифорович Кайгородов уже потом, будучи за границей, узнал о своем соученике по Земледельческому институту, старшем брате лисинского лесничего Д. М. Кравчинского Сергее, принявшем псевдоним Степняка-Кравчинского. Институт Сергей бросил и уехал учиться за границу. Только чему!

Вот он как сам об этом говорил: *«За участие в миланской демонстрации сидел я в тюрьме в течение нескольких месяцев в обществе калабрийских бандитов и нескольких бравы, от которых и научился хорошо владеть кинжалом... Я вырвал из себя сердце, мускулатуру и у меня не дрогнет рука».*

Она у Кравчинского действительно не дрогнула, когда он зарезал проходившего по Михайловской площади генерала Мезенцева.

Так что не будем категоричны, когда говорим о прошлом и о наших соседях. Хотя не следует забывать по этому поводу и иные слова: *«Русские дворяне служат государству, а немецкие - нам»*, - говорил Николай I. Трудно не согласиться с этим утверждением, если раскрыть рескрипт Петра II о заслугах Эрнста Иоганна фон Бирона: *«Так похвально поступал и такую совершенную верность и ревностное радение к нам и нашим интересам оказал, что его особливые добрые качества и достохвальные поступки и к нам показанные многие верные, усердные и полезные службы не иначе как к совершенности всемилостивейшей благоугодности нашей касаться могло»*¹³.

Некоторые иностранцы, прожив в России всю жизнь, так и считали себя в ней людьми временными: языка не знали, привычек не меняли. Профессионализм их нередко подменялся корпоративностью. Удобной формой его становилось масонство.

Не все одинаково хорошо относились к иностранцам, но это скорее касалось отдельных личностей, а не нации в целом. Даже Петр I, при всех своих симпатиях к иностранным специалистам, всегда обращал внимание на использование собственных национальных кадров и при удобной возможности менял иностранных специалистов на собственных. В 1705 году он прямо признавал, что стоившими дорого наемными офицерами возможного достигнуть невозможно, и следует относиться более строго при зачислении иностранцев на русскую службу. Да и вообще, как писал В.О. Ключевский, не следует преувеличивать тягу Петра I к западной культуре: *«Хорошо перенимать у французов науки и художества, - говаривал он, - и я бы хотел видеть это у себя; а в прочем Париж воняет».*

Дочь его, Елизавета Петровна, кстати, наполовину немка, к иностранцам относилась, в отличие от своего батюшки, совсем сурово. Это по ее повелению 17 января 1742 года в Петербурге на улицах появились глашатаи и при барабанном бое громко объявили жителям, что 18 января в 10 часов утра на площади перед зданием 12 коллегий последует публичная казнь врагов Российского государства, разных чинов немецкой нации, бывших правителей Миниха, Остермана, Левенфольда, Менгдена и других. Все так и случилось. Указанных «врагов» выводили на эшафот, клали их головы на плаху, а затем читали царские помилования и отправляли в сибирскую ссылку.

Таким образом «дщерь Петрова» отметила свое отношение к иностранцам в начале своего царствования после смерти «западника», брата, Петра II.

Екатерина II - немка, также относилась к иностранным специалистам сдержанно, поскольку напугана была французской революцией и опасалась проникновения ее идей в Россию через заезжих иностранцев.

Вместе с тем императрица была явной приверженкой западных идей. Она любила говорить: *«В России все порют, одна я крою»*. Императрица имела в виду дела государственные. Между тем, большинство проектов екатерининского переустройства России основывалось на западных «выкройках». Наброски «Наказа» императрицы, составленные, как она полагала, для будущей российской конституции, уже имелись в книгах Вольтера, Дидро, Д'Аламбера, Гримма, Монтескье.

Практически до второй половины XIX столетия французский язык был не только салонным, но и казенным языком русских чиновников. Переписка в Министерстве иностранных дел, даже внутренняя, велась на французском языке. Отменил ее только Александр III.

«Перехлестов» в этих иностранных симпатиях также было более чем достаточно.

Трудно назвать другую страну, в которой с такой жадностью, безоглядностью впитывали чужой опыт и подчас с убытком для себя, как Россия. *«Чуть мы выучили человека из народа грамоте, - писал Ф. М. Достоевский, - тотчас заставим его нюхнуть Европы, тотчас начнем обольщать его Европой, ну хоть бы утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев, - словом заставим его устыдиться своего прежнего лица и квасу, устыдиться своих древних песен»¹⁴*.

Так из «всемирной отзывчивости» вытекает стихия самоотречения, в которой можно видеть нашу чрезмерную самокритичность, беспомощность, самосуд.

Русская знать где-то раболепствовала перед иностранцами, а где-то и кляла их. *«Мне наскучило, - писал А. С. Пушкин, кстати, тоже не чистокровный русак, - что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому юнцу-англичанину, научившемуся щеголять среди нас своей тупостью и своей тарбарщиной»*. Впрочем, и Александр Сергеевич, как и все российские дворяне, при случае напоминал о своих зарубежных корнях и предках.

В «Бархатной книге» дворянских родов России за исключением Рюриковичей не было ни одного чисто русского рода. Все наезжие в Русь - иноземцы.

В XVI столетии в особом почете оказалась татарская знать. Борис Годунов - потомок мурзы Чета. После Петра I в хлынули царские вельможи с запада.

Не надо забывать и о том, что прабабушка А.С. Пушкина, жена Абрама Петровича Ганнибала, была немка Христиана-Регина фон Шеберх. Так что в жилах великого русского поэта текла не только африканская, но и немецкая кровь.

Талантливые произведения Терпигорева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина прекрасно показали, что одной из причин русского помещичьего «оскуднения» все же послужили немцы-управляющие, ловко умевшие убеждать своих хозяев в незыблемости западно-европейских технологий и вытягивавшие из них последние соки на реорганизацию их имений на иностранный лад.

Полагаться исключительно на иноземных «знателей» в повседневной службе было явно неразумно. Вместе с хорошим и действительно полезным иностранцы завозили в Россию чуждые ей идеи и приемы хозяйствования. Однако отказываться от чужого опыта и умения еще более неразумно. Лесоводы неоднократно убеждались в том и другом.

Среди специалистов, приглашаемых в те времена из-за рубежа для устройства «всяких полезных занятий», было немало «лесных знателей». С их помощью Россия использовала зарубежный опыт ведения лесного хозяйства. Зарубежные «лесные знатели» обследовали значительные площади российских лесов, подготовили многих специалистов лесного дела из числа местных жителей. Потенциал иностранных специалистов, тем не менее, использовался не полностью. Успеху дела мешал языковой барьер. Чужой язык плохо учили и хозяева, и гости. Первый директор Царско-сельского лесного училища Штерн русскому языку так и не выучился. Его преемник, директор Лесного института Ф.Л. Брейтенбах, возможно, и талантливый человек, написавший в период с 1800 по 1810 год в Германии 30 научных работ, в России почти за 20 лет службы в Лесном институте в науке ничем себя не проявил. Говорить по-русски он тоже не умел. И это не было исключением. О трудностях этих известно было еще Петру I. В указе «О бесполезности приглашения немцев на службу» 1724 года отмечалось, что *«они (немцы) прежде должны были русскому языку обучаться, на что уже много лет требуется, следовательно, прежде» нежели от них успехов получить можно, они состариваются и потом отъезжают в свое отечество*». Вклад иностранных специалистов в развитие лесного дела России оказывался весьма скромным. Иностранные знатели, которые должны были обследовать и привести в известность российские леса, с задачей своей не справились.

Как отмечал Н.В. Шелгунов, *«один только форстмейстер Фогель оставил память о своем пребывании, высчитав число толстых и топких деревьев и Выборгской провинции и сделал «Описание естественного состояния растущих в Северных Российских странах лесов».* Свои отечественные специалисты, будь они хоть семи пядей во лбу, нередко при иностранцах так и оставались «подсобниками» на вторых ролях не только в науке, но и на производстве. Относились к ним зарубежные «знатели» нередко с явным неуважением, считая их малограмотными и мало на что способными людьми.

Очень нужны были свои профессионально подготовленные специалисты. Большие надежды возлагались на учрежденную в стране первую лесную школу. Открыли ее 19 мая 1803 года в Царском Селе под Петербургом. Школа была небольшая, всего на 20 человек. В 1805 году в 15 верстах от города Козельска Калужской губернии возникает еще одна лесная школа. Названа она была Лесным институтом с числом воспитанников в 30 человек. Его задачей было определено *«заниматься переводом лесных книг для способствования и обучения тех, кои иностранных книг читать и в таковые институты являться не могут».* Официально Козельский лесной институт именовался Императорским форст-институтом.

Окончательным становлением высшего лесного учебного заведения в России считается 1811 год, когда Царскосельское училище, объединившись с другими лесными учебными заведениями, обосновалось в Петербурге и стало именоваться Санкт-Петербургским форст-институтом. Занималось в нем 30 воспитанников. В 1813 году к ним присоединились и студенты Козельского лесного института. Институт стал Санкт-Петербургским практическим лесным институтом. В нем училось уже 50 воспитанников. Штаты института состояли из 2 профессоров, 3 учителей и 2 инспекторов. Задачи у преподавателей института были прагматичные. В манифесте о создании его Александр I писал: *«...чтоб ближайшими средствами приобрести знающих в лесоводстве людей, кои бы с вящею пользою могли быть употребимы при лесном управлении... и для того полагается, чтобы все наставления до сохранения и развития лесов и до прочих частей лесной науки относящиеся преподаваемы были отчасти теоретически, а более на самом опыте».*

Однако и для выполнения этой скромной задачи не хватало «знателей». Лесной институт первую половину XIX столетия практически ориентировался на иностранных специалистов и переводные учебники. Был не небольшим: в 1829 году насчитывал в своих стенах 108 студентов, обслуживало которых 17 преподавателей.

С 1803 по 1836 год Лесной институт окончило всего 238 человек. Для огромной лесной России, конечно же, это мало! В 1837 году институт военизируется, к нему присоединяют межевые роты топографов и называться он стал Лесным и Межевым. В положении об институте сказано: *«образуя по примеру военных учебных заведений и имеет целью образование чиновников для лесной службы и подготовки гражданских топографов для размежевания казенных лесов».*

За последующие 35 лет институт подготовил еще 854 специалиста. Из приведенных цифр нетрудно представить дефицит, который ощущало лесное ведомство в специалистах. Пополнять их приходилось за счет иностранных кадров.

Постоянный дефицит специалистов и их низкий профессиональный уровень обуславливал большие экономические потери страны. Покупатель всегда стремится приобрести дешевый необработанный товар, а продать дорогой обработанный. Необработанное бревно в этом отношении идеальный случай такой невыгодной торговли. Товары, выработанные из него, стоят в десятки раз дороже. Заграничные клиенты испокон веков: стремились покупать в России бревна, баланс, а поставлять на ее рынки *«сущие безделушки, необходимость в которых еще обходима»*, как писалось в «Лесном журнале» в середине XIX столетия.

Германия определила таможенную пошлину на 1 кубический фут досок 66 копеек, а круглого леса - в 1 копейку. Пошлина на обработанные материалы, поставляемые из России, имела практически запретительный характер. Не отставали от нее и другие импортеры.

В чем России не было отказа на экспорт, так в продуктах сухой перегонки древесины - смолы и дегтя. Причем шли на них прекрасные деревья. В 1898 году Россия экспортировала смолу и деготь на 571 тысячу рублей. Только в одной Костромской губернии продавали их на внутреннем и внешнем рынке на сотни тысяч рублей. Канифоль же для пропитки нескольких тысяч пудов российской бумаги приходилось закупать за рубежом, поскольку сами ее делать не умели.

Правительство пыталось ограничить вывоз необработанного леса таможенными сборами, чтобы поощрить собственное производство. Однако мерами фискального порядка проблемы решаются плохо. Тем более, что российское производство и не готово было делать качественную готовую продукцию. Хотя и не модно нынче цитировать печатные труды В.И. Ленина, но был он прав, когда писал: *«...берет верх тот, у кого величайшая техника, организованность, дисциплина и лучшие машины ... без машин, без дисциплины жить в современном обществе нельзя, или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным»¹⁵.*

Нужная техника и знающие специалисты в Европе и Америке были. В России стали появляться свои умелые лесоводы, а нужных машин и специалистов по лесной промышленности не хватало по-прежнему. Некому было организовывать лесозаготовки, пилить доски, варить бумагу, делать мебель. Опять пришлось приглашать зарубежных «знателей». Для подготовки их в Австрии открылись 3 лесных высших школы; в Германии работала лесная академия в Эберсвальде (факультет берлинского университета), лесная академия в Таранде (факультете Дрезденского университета), институт в Мюнхене; Франция имела высшую лесную школу в Нанси; лесные школы были в Италии, Испании, Швеции, Швейцарии, Англии. В Саксонии лесной институт появился раньше, чем в России, в Баварии (г. Аснаффенбург) - в 1807 году, лесное училище в Мариенбрунке (близ Вены) - в 1814-м, Тарандская лесная академия - в 1816-м.

Санкт-Петербургский Лесной институт с 1803 года в течение почти тридцати лет не мог работать нормально, как того требовала российская экономика. В огромной лесной стране по-прежнему не хватало преподавателей и учебников. Первый учебник лесоводства для русских лесоводов был составлен только в 1831 году Павлом Андриановичем Перельгиным. Специального лесного образования Перельгин не имел, необходимого опыта - тоже. При составлении учебника ему пришлось пользоваться иностранными книгами. Учились по этому учебнику несколько десятилетий. Лесной институт был вынужден поддерживать постоянные связи со своими зарубежными соседями, а нередко и заимствовать их научные новинки.

Особенно много было пробелов в подготовке специалистов по лесной технологии, то есть по изучению свойств древесины, способов ее обработки и переработки. В Западной Европе лесная технология уже выделилась в самостоятельное направление, а в России по-прежнему значилась второстепенной дисциплиной.

В качестве учебного пособия по лесной технологии студенты пользовались переводными книгами. В 1840 году для этой цели перевели извлечение из книги Фелькера: *«Руководство к техническому употреблению продуктов и изделий из древесины, изданного Христофором Френцелем Для лесоводов, экономов и ботаников»*. Перевод сделал Егор Шведер. Рукопись была обширная, на 193 рукописные страницы с описанием деревьев и кустарников, пригодных к эксплуатации в Германии. Книга включала также сведения об обжиге угля, опять же применительно к Германии, была в ней и глава о получении поташа, выжигании и употреблении смолы, скипидара.

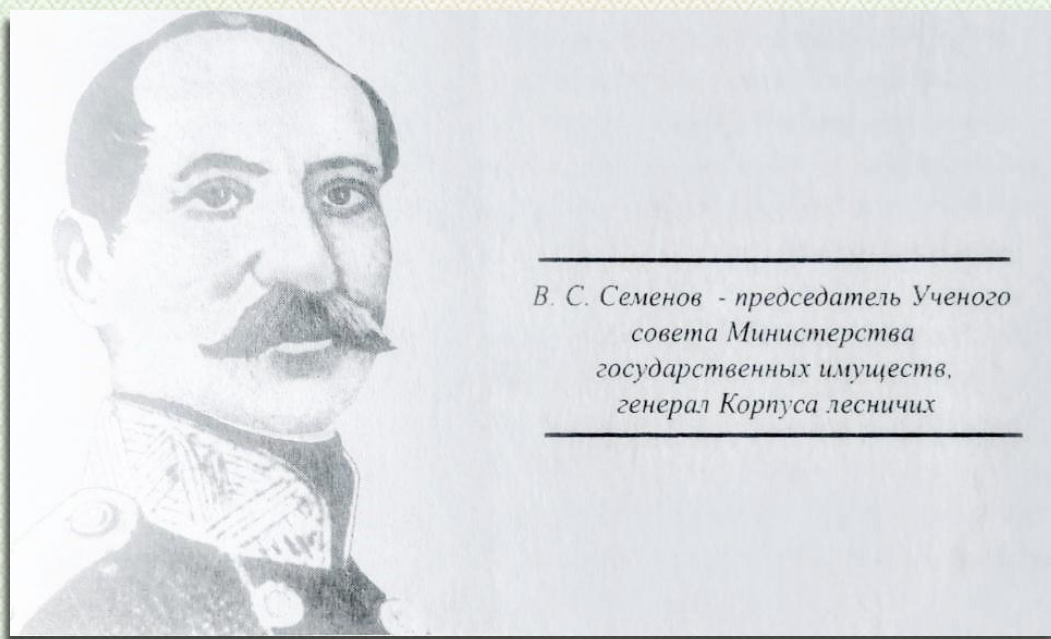
*Н. В. Шелгунов — лесничий
Лисинского лесничества,
преподаватель Лесного института,
полковник Корпуса лесничих*

*М. К. Турский — лесничий Лисинского
лесничества, профессор
Петровско-Разумовской
земледельческой и лесной академии*

Имелись и другие, менее удачные, иностранные переводы по лесоэксплуатации и переработке древесины, но опять же применительно к условиям Западной Европы. На основе этих книг приступили к преподаванию курса лесной технологии в Москве в Петровской земледельческой и лесной академии. Как самостоятельный предмет лесную технологию начинал вести Николай Егорович Попов. Однако он в 1870 году на 34-м году жизни умер, прослужив всего два года в должности экстраординарного профессора кафедры лесоводства Петровской академии. Перед смертью Н.Е. Попов все же успел совместно с Ф.К. Арнольдом сделать перевод с французского языка на русский книги Е.А. Россмесслера «Лес», присоединив к ней свои замечания по лесной технологии применительно к российским условиям. Написал он и «Руководство по технической и химической обработке дерева» (1871). Закончил Н.Е. Попов и первый в России самостоятельный труд - книгу «Лесная технология» (издана в 1871 году).

В Земледельческом институте лесная технология как самостоятельный предмет вообще не читалась. Сведения о заготовке и переработке леса входили в общий курс технологии, который вел профессор Е.Н. Лебедев, выпускник Санкт-Петербургского университета. Он состоял из 2 лекций в неделю в 3-4-м семестрах и 3 лекций на 5-6-м семестрах. Особое внимание в лекциях Е.Н. Лебедева уделялось сахарным, винокурным, маслоделательным заводам и сельскохозяйственному оборудованию.

Лесная технология в его курсе лишь упоминалась. Она имела свой раздел и в общем курсе лесоводства, читавшегося Зобовым. Кроме лесной технологии, в обширный курс лесоводства входили также лесоустройство (организация лесного хозяйства), лесная таксация, учение о закладке лесных насаждений, об уходе за ними, об использовании их. К курсу лесоводства присоединялись и предметы, не имевшие никакого отношения к лесовыращиванию. Это - инженерное искусство: о сооружении зданий, дорог, устройстве речных путей. По этим важным темам в качестве учебных пособий предлагались переводные и некоторые русские книги. По лесной технологии стали появляться статьи в периодической печати. Но все это появлялось разрозненно и в наспех обобщенном виде.

Таким образом, хотя и много было леса в России, но специалистов и учебных пособий, достаточных для практической организации дела по заготовке и переработке леса, явно не хватало. В результате леса использовались примитивно, нерационально. Хвойные и дубовые древостой по причине неумелых рубок сменялись мягколиственными, огромное количество древесины шло в отходы.

После 1861 года, с развитием капитализма в России, промышленное производство пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий в экономике страны произошли изменения, занявшие за рубежом целые столетия. Все производства нуждались в древесине: она была нужна на топливо, на строительство, на экспорт.

Однако недостатки в лесном деле ощущались с каждым годом все больше. Простые деревянные поделки в виде мебели, картинных и зеркальных рам и тем более бумагу россиянам приходилось завозить из европейских стран. Лесное хозяйство страны уже не могло ориентироваться исключительно на естественные силы природы и кустарные, плохо организованные лесоэксплуатации и деревообработку.

Стало очевидным, что в Россию следует завозить не чужих специалистов, а готовить своих. Пусть даже с помощью зарубежных знателей и у них же дома.

Заграничная командировка.

Истинное просвещение должно быть основано на совместном развитии разума и нравственных чувств, на согласовании европейского образования с национальной самобытностью.

В.О. Ключевский

Русская наука никогда не держала под спудом своих удач и в то же время внимательно изучала мировой опыт. Принимаясь за всякое новое дело, государственные люди в России внимательно вглядывались в удачи соседей (Ех oriente lux), зачастую убеждаясь в том, что не все, что хорошо для заграницы, годится для России; а то, что для России годится, может оказаться и для заграницы полезным. Знали об этом и зарубежные соседи и охотно шли с Россией на деловые контакты. Тем более что за полезную помощь, в том числе и в обучении стажеров, российское правительство платило щедро.

XVIII столетие открыло эпоху постоянных частных путешествий. Россия была в числе самых многочисленных вояжеров. Ездили по большей части мир посмотреть те, у кого средства позволяли. Затем стали посылать и за счет казны. В 1697 году по указу Петра I в Италию к венецианскому дожу Сильвестру Валерио с грамотой (от 25 февраля) было отправлено две группы по 19 человек молодых дворян (спальников и стольников) для обучения разным искусствам.

В 1711 году Петр I реорганизовал царский двор, учредив Пажеский корпус. В нем училась дворянская молодежь из семей 1-3 класса, то есть из высшей российской иерархии. Из 6 учебных лет 4 уходило на изучение немецкого и французского языков, геометрии, истории, естествознания или натуральной истории, архитектуры, механики, физики, статистики, обучению музыке, фехтованию, рисованию, военным наукам, верховой езде. На два года пажи ехали за границу совершенствоваться в науках.

Лесное хозяйство не оказалось исключением. В странах Западной Европы, уже давно успевших повырубить свои леса, надобность в упорядочении пользования лесами и своевременном их восстановлении появилась намного раньше.

Еще в 1721 году, отправляя с посольскими поручениями Михаила Петровича Бестужева, Петр I наказал ему *«посылать в Россию разных искусных мастеров, а именно: по причине лежащих под одним параллельным кругом городов Стокгольма и Петербурга, - садовников, землевладельцев, людей искусных в знании и хождении за лесом»*.

Приезжавшие из-за границы привозили не только зеркала и картину но и книги, в том числе специальные. В XVIII столетии в стране начали переводиться и издаваться большими для того времени тиражами научные труды по лесной ботанике, технологии и другим разделам науки и производства. Не оказались в стороне и лесные дела. При описании, таксации лесов особое внимание уделялось рекомендациям по «Лесной математике», изданной в Германии в 1740 году. Переводные книги легли в основу первых российских вальдмейстерских и форстмейстерских инструкций. С помощью иностранных специалистов в 1732 году в России был издан первый лесной учебник: *«Инструкция или устав о заводе и о севе, для удовольствия Ея Императорского Величества, вновь лесов»*. В 1766 году под руководством Фердинанда Габриеля Фогеля вышло руководство по организации ведения лесного хозяйства: *«Описание естественного, состояния растущих в северных российских странах лесов с различными примечаниями, наставлениями, как оные разводить»*. По своему времени инструкция эта считалась неплохой, но искушенные чиновники российской адмиралтейств-коллегии, в управлении которых находились леса, понимали, что без грамотных специалистов она останется для государства книгой малополезной. Поэтому каждому приглашенному «знателю»-форстмейстеру давались 6 учеников, а также работники из расчета по 2 человека на каждые 2 500 десятин «посевных пространств». Работников своих иностранным специалистам надлежало содержать на особом жаловании и со временем переводить себе в ученики, а учеников назначать мастерами. Только усердия при такой подготовке кадров заезжие «лесные знатели» проявляли мало. Да и сами они, скопив капиталец, отъезжали на родину.

С конца XVIII столетия Россия стала ориентироваться на создание собственных кадров лесных специалистов. В 1773 году при обер-егермейстерской канцелярии открываются четырехлетние форстмейстерские курсы для обучения десяти ягд-пажей из дворян охоте и «форштмейстерским делам». Трудно сейчас судить об эффективности этой попытки. В 1799 году предпринимается очередное усилие приобщиться к зарубежной лесной науке и мировой практике ведения лесного дела, но опять же не путем приглашения зарубежных специалистов в Россию, а командированием на учебу российских подданных в европейские лесные хозяйства.

В тот год четыре воспитанника Морского корпуса, и числе которых упоминаются Тихонов и Горбунов «под усмотрением Его Преподобия отца Смирнова» поехали в Англию учиться, «как разводить корабельный лес». Вернулись они на родину в 1806 году и полу-чили звание первых российских форстмейстеров. На этот раз попытка удалась: зарубежные стажеры стали преподавать в первом российском форст(лесном) - институте. Следующая партия российских лесников поехала в Германию в составе Озерского, Вейхенталя, Гильдемана, Шеля. После них зарубежные командировки российских лесников уже становятся делом привычным, хотя и не регулярным. Посылали в них, по правилам 1858 года, лучших выпускников высших учебных заведений после годичной практики на родине.

По Положению от 28 октября 1859 года, Министерство государственных имуществ, в которое входил Лесной департамент, получило возможность направлять на учебу за границу ежегодно по 2-3 человека продолжительностью на 1-3 года с ежегодным содержанием стажера по 1000-2500 рублей в год, в зависимости от его чина. Земледельческий институт возможность эту всегда использовал. Стажеры его направлялись в наиболее известные школы мира.

Дмитрий Никифорович Кайгородов в 1872 году оказался в числе лучших выпускников Земледельческого института и удостоен был права зарубежной командировки. О том, что представлял собою Д.Н. Кайгородов в те годы, можно судить по его же словам, которые он прилагал к прошению о зачислении его в Корпус лесничих: *«Трудолюбив. Могу прекрасно и много работать не спеша. Работа, "висящая на вороту", меня нервирует и не доставляет удовольствия. Любознательность самая широкая. Наблюдательность развита довольно тонко, в особенности относительно природы. Способность к самоусовершенствованию. Отсутствие смекалки. Математические способности schwach (плохие). Находчивость, как у Ж.-Ж. Руссо, хорошо играл бы в шахматы по почте... В спорах слаб. Терпелив слушать чужие речи. Отсутствие административных способностей. Глубокая апатия к всяким заседаниям, комиссиям. Полная неспособность к председательствованию в каких-либо собраниях. Недюжинные музыкальные способности (и даже творческие). Застенчив. Вообще не вспыльчив, но нередко раздражаюсь. Ужасно не люблю лукавых и неискренних».*

Характеристика искренняя, хотя, как показала жизнь, и излишне самокритичная. Особенно касательно административных способностей. Человек с «отсутствием административных способностей» не смог бы создать на Охтинском заводе прекрасную лабораторию и при отменных ежегодных аттестациях начальства еще и кончить вольным слушателем институт.

А затем создать в стране самую большую в мире фенологическую сеть, построить первый в России завод по сухой перегонке древесины в Лисинском лесничестве, организовать две новых кафедры в Лесном институте. И совсем уж необъективное свидетельство «об отсутствии смекалки» у человека, изобретшего впоследствии несколько уникальных приборов для исследования древесины и написавшего полтора десятка прекрасных книг.

Выбор места заграничной стажировки определялся с учетом предстоящей работы стажера. Лесоводы, работавшие в более южных регионах России, считали полезным пройти 2-годичный курс обучения во Франции, в г. Нанси.

В числе первых студентов Нанси в 1833 году был Стеблов, в 1861-м - Вереха, Попов, Рудзкий, Щербина, Лашкевич, Бронковский, в 1864 году за границу поедет Писарев, в 1865-м - Волосатов, Чепурин, Матерп, Шафранов, в 1866-м - Запольский, Поздняков, в 1884-м - Тихонов, в 1886-м - Керн, в 1888-м - Сычев и Яшнов, в 1890-м - Орлов, в 1900-м - Марченко.

Не меньшей популярностью пользовались немецкие высшие лесные школы в Таран-де (под Дрезденом) и в Эберсвальде (под Берлином). Д.Н. Кайгородов выбрал основным местом своей зарубежной стажировки Тарандскую лесную академию (сейчас это лесной факультет Дрезденского университета). В курс обучения входили общеобразовательные предметы: математика, физика, метеорология, механика, химия, минералогия, ботаника, зоология, политическая экономия, законоведение, сельское хозяйство, охота, рыбоводство, первая помощь при несчастном случае. В специальном курсе предусматривались дендрология, фитопатология, прикладная зоология, лесоохранение, почвоведение, лесоводство, лесопотребление, лесная техника, построение лесных дорог, лесная съемка и черчение, древесиноведение и лесная статистика, лесоустройство, лесоуправление, государственная лесная политика, история лесов. На все это уходило 5 семестров, но поскольку иностранные стажеры приезжали уже подготовленными, они могли сосредотачивать свое внимание на тех предметах, которые представляли для них особый интерес.

Практически все известные российские лесоводы стажировались за рубежом. Удостоился этой чести и Д.Н. Кайгородов.

Поездка его началась 9 июля 1873 года. Ехал он не один, а с женою и маленьким сыном, поскольку недавно похоронил своего друга и отца жены - Роберта Эрнестовича Дица. Путешествием за границу он намеревался хоть как-то умерить горе молодой женщины.

*Д. Н. Кайгородов во время
зарубежной стажировки
в Германии*

Путь их лежал в Германию. Там предстояло пробыть чуть больше года и еще столько же в Австрии, Франции, Швеции. Местом первой остановки стало предместье Дрездена, где находилось одно из лучших заведений в мире - Тарандская лесная академия.

Академия приняла русского стажера доброжелательно. С истинно немецкой пунктуальностью ему предложили программу обучения, включавшую в себя европейские технические новинки лесного дела. Д.Н. Кайгородов принимает участие в учебных экскурсиях профессора Юнега, посещает лекции у профессора Юдейка, знакомится на практике с работой саксонских лесных фабрик и заводов.

Молодой русский ученый своей эрудицией, большим научным интересом и серьезностью отношения к делу привлекает симпатии немецких профессоров, у которых было чему поучиться. Прекрасным «лесным диагностом» был профессор Гайер. Замечательно знал вопросы лесовосстановления профессор Котта.

В Эберсвальде Д.Н. Кайгородов познакомился с работами профессора Данкельмана и там же, на лесной опытной станции, осмотрел интересные опыты профессора Шваппаха. Большую пользу получил Д.Н. Кайгородов от общения с профессором Майером. Прослушал и курс лекций в Нанси. Изучил лесные хозяйства окрестностях Страсбурга, Штутгарта, десятки лесничеств в Гессене, Саксонии, Баварии, Пруссии, Швейцарии.

В 1874-1875 годах Д.Н. Кайгородов в Цюрихе, где слушает цикл лекции по лесной технологии на лесном факультете Цюрихского политехнического института у профессора Ландорфа и знакомится с его 57 лекциями - книгой «*Лесопотребление и лесное дело*». Это был обстоятельный труд, включавший в себя основы лесозаготовки (лесозаготовки, транспортировки древесины, в том числе сплав по рекам), складского хозяйства, побочного пользования лесом (использование древесной коры, хвои, листьев, сенокошение и пастьба скота в лесу, сбор ягод и лекарственных растений, заготовка торфа, минералов, песка, сельское хозяйство в лесу). Переработка древесины составляла особый раздел лекций Ландорфа. В них он рассказывал в способах обработки заготовленных лесоматериалов, о средствах защиты их от гниения (обугливанием, пропиткой, окраской). Подробно рассматривалась технология выжигания древесного угля и смолы. Лекции сопровождалась учебными поездками в лесничества, где демонстрировались канатные установки и устройство обычных лесовозных дорог¹⁶.

Среди преподавателей Цюрихского политехнического института Д.Н. Кайгородову запомнились занятия с профессором Иоганном Шерром. О встречах с ним Д.Н. Кайгородов оставит интересные воспоминания. В том числе и о добром отношении Шерра к России. Он считал Россию великой собирательницей восточных земель и призывал соотечественников всячески помогать русским в нелегком их труде, если Германия рассчитывает обезопасить себя с востока. Шерр отдавал должное русской культуре в целом и литературе в частности. Ивана Сергеевича Тургенева называл великим писателем эпохи¹⁷.

В июле 1874 года Д.Н. Кайгородов с женою и сыном побывал в Стокгольме¹⁸, где также имел возможность познакомиться с лучшими лесопромышленными предприятиями. В одной из своих поездок он познакомился с сыном известного лесоведа, бывшего строгановского крепостного Е.А. Теплоухова - А.Е. Теплоуховым. Добрые дружеские отношения их сохранятся на всю жизнь¹⁹.

По тем сотням писем, которые сохранились в фондах Д. Н. Кайгородова, легко проследить его творческие интересы в зарубежных стажировках. Они были разносторонними и касались как вопросов технологических, так и лесоводственных.

Поездка на заграничную стажировку, конечно же, многое дала Д.Н. Кайгородову как специалисту. Единственное, что его озадачивало, так то постоянная нужда в деньгах. Двухсотрублевого жалования едва хватало на самое необходимое. *«Непрестанно жду обещанных 150 рублей. Прожить с женой и маленьким сыном на жалование титулярного советника, тем более в вилле, куда нас поселили, трудно»*, - писал Д. Н. Кайгородов 28 октября 1873 года²⁰.

Задачи заграничной командировки Д.Н. Кайгорода были завершены успешно. Вопросы лесной технологии он освоил в совершенстве. Кроме изучения лекционных теоретических материалов по заготовке, переработке и транспортировке древесины, Дмитрий Никифорович сумел выполнить в зарубежных лесных хозяйствах и на деревообрабатывающих производствах обширные исследовательские работы по испытанию технических свойств древесины, по сухой перегонке дерева и лесному товароведению. Не выпадают из его интереса и те природоведческие вопросы, с которыми Д. Н. Кайгородов сталкивался за рубежом. Тем более, что на Западе в это время вырабатывались новые методы исследований, проводилась реорганизация преподавания естествознания. В своей биографии, составленной впоследствии для академика Б.Г. Райкова, он напишет, что в Тарандской академии, а затем и на лесном факультете Цюрихского политехнического института он *«прилежно изучал фаунистические определители»*. Знания эти Д.Н. Кайгородову очень пригодятся в его дальнейших фенологических исследованиях. Ими, как известно, он стал увлекаться еще до отъезда в командировку.

По возвращении из Германии 17 октября 1875 года Д.Н. Кайгородов прикомандировывается к Земледельческому институту для чтения лекций по лесной технологии. В 1877 году его вновь командируют на 2 месяца в Германию к профессору Нордлингеру для изучения приборов по испытанию физических свойств древесины. После возвращения в институт Д.Н. Кайгородов не только усовершенствовал эти приборы, но и наладил их изготовление, за что получил денежную награду от Лесного департамента.

По штату 1880 года Лесной институт, реорганизованный из института Земледельческого, получил 10 кафедр: богословия, химии, ботаники, общего законовещения, лесоводства, лесной таксации, лесоустройства, лесной технологии, инженерного искусства и геодезии.

19 июля 1882 года были утверждены в должности профессоров Д.Н. Кайгородов, А.Ф. Рудзкий и П.Н. Вереха.

Практически они вошли в тогда еще очень ограниченный коллектив профессоров Лесного института, заложивших основу российской лесной науки и профессионального образования. Всех их связывали искренняя личная дружба и постоянное сотрудничество в делах.

*Императорский охотничий дом в поселке Лисино.
В настоящее время одно из зданий Лесотехнической академии*

Особенно близкими добрыми друзьями Кайгородовых оказались семьи Н.С. Шафранова и П.А. Костычева. В письме к матери 22 декабря 1887 года Д.Н. Кайгородов пишет: «Профессор Павел Андреевич Костычев, большой любитель и знаток математики, сам предложил заниматься с Женей (сыном Д.Н. - Р.Б.) этим предметом»²¹. Павел Андреевич и жена его Авдотья Николаевна были людьми исключительно интеллигентными. В их маленькой квартире собирались известные художники - Маковский, Перов, Ге. Бывали у них в доме врач С.П. Боткин и академик А.Н. Веселовский.

Труды Д.Н. Кайгородова почти за полувековое сотрудничество с Лесным институтом имели пять основных направлений: по лесной технологии, лесному хозяйству, созданию фенологической сети, педагогике и литературной деятельности. Каждое из них достойно особого рассказа. Что и попытаемся мы сделать в нижеследующих главах.

Лесной институт

*Скромная работа лесовода, свободная от
тирании эгоизма, незаметно создает счастье
отдаленного потомства. Слава героя и поэта
в сравнении с заслугой лесовода тускнеет. Я
хотел бы быть лесоводом.*

Ф. Шиллер

Лесной пригород столицы в середине XIX столетия был поистине лесным. За Лесным институтом собственно город и кончался. Там было уже Парголово с порубленными и пожженными еще недавно дремучими лесами, с пустырями, изрытыми оврагами. Мало чем украшали их и небольшие озерца в топких сырых берегах. Много еще понадобится труда, прежде чем превратятся те места - «*приют убогого чухонца*», да и сам Лесной - сначала в дачные, а затем и городские столичные пригороды.

Оживленнее и благоустроеннее стал Лесной во второй половине XIX столетия. Особенно после того, как Лесному институту присвоили статус военного училища. Начальство, да и сам император, стали сюда наезжать чаще, а значит, и городская управа больше хлопотала о благоустройстве и ладной застройке Лесного. Нарезанные еще при графе Е.Ф. Канкрине дачные участки на месте неудавшейся английской фермы Давид-сона пошли у петербуржцев нарасхват. Вокруг дачников богатели и местные парголовские чухонцы, в изобилии снабжавшие приезжих молоком и овощами. Лесной менялся на глазах, хотя и оставался по-прежнему лишь петербургским пригородом. Добираться до него из города было не близко - верст 15. Дилижанс от Муринского к Гостиному двору ходил один-два раза в день. Помещалось в дилижанс 12 персон и билет в один конец стоил 25 копеек. Для состоятельного дачника или институтского профессора деньги, может быть, и небольшие, а для студентов - дороговато. Да и тащился Дилижанс мед-ленно: часа два. Так что легкая на ноги молодежь поутру в город часто отправлялась пешком, а возвращалась вечером едва волоча ноги. Худо было и студентам-репетиторам, подряжавшимся натаскивать детей состоятельных петербуржцев к экзаменам где-нибудь на Васильевском или Петроградской. За урок платили два пятиалтынных. Их хватало на обед и булку к утреннему чаю. Платить за извозчика было не с чего. Туда и обратно «гуляли» пешком.

Впрочем, без надобности в город отправлялись нечасто. Жили своей небольшой колонией. Студенты большей частью в институтском общежитии, размещавшемся здесь же в институтских домах по одному реже три человека в комнате. Такса за проживание составляла по 30 рублей в год с «окна», поскольку критерием размещения постояльцев в комнатах было одно окно на одного жильца. Правда, редко кто за общежитие платил, поскольку стипендиаты от уплаты освобождались, а с малоимущих деньги не брали. Кому места не хватало, те снимали углы у местных жителей или определялись в сторожа к дачникам, замерзая в длинные петербургские зимы в продуваемых летних домах у крохотных печурок-буржук.

При институте имелась студенческая столовая, в которой за двугривенный можно было плотно пообедать, а при совсем стесненных обстоятельствах за пятак похлепать наваристых щей, приносимых в горячих чугунах местными бабульками. Были в ходу и котлеты из конины, которые завозили к столовой татары-коновалы. Утром и вечером приносили в институт «льготные» хлебцы и булки. При наличии стипендии можно было жить совсем неплохо, но ее получали один из десяти. При скромной домашней материальной поддержке студентам в Лесном также было жить полегче, чем студентам других столичных институтов. Не имевшим материальной поддержки было хуже, поскольку единственным их заработком были копеечные репетиторские уроки, на которые нередко приходилось тратить вечера и выходные.

С городскими развлечениями у студентов Лесного было сложнее, поскольку до театров и иных увеселительных заведений, в отличие от студентов университета и других институтов, добираться было далековато. Особенно в оперу, в Мариинский театр, куда билеты непросто было купить и в те времена. Приходилось кассиршам театров делать подношения в виде цветов и конфет. Студенты - во все времена студенты. Как говорилось в самодельных студенческих виршах:

*Искусством много увлекались:
Ходили в оперу, в балет
И пред талантом преклонялись
Студенты с первых своих лет.*

Институтские же профессора в городе бывали частыми гостями. Да и в столице это были люди весьма уважаемые и известные. Пропустить театральную премьеру, художественную выставку для таких людей считалось поступком непонятным.

Выставки же устраивались и концерты иностранных и российских знаменитостей давались чуть ли не еженедельно. На все надо было успеть - на обязательные и дополнительные занятия, на посещение студенческих общежитий, библиотек, выставок, концертов, а еще не забыть сделать визит к товарищу и начальству, сходить в гости к родственникам и коллегам, где за ломберным столом обсуждались последние городские и институтские события, музицировали, смотрели, как веселится молодежь, и строили планы на их будущее.

В доме Д. Н. Кайгородова прибавилось семейство. В октябре 1878 года рождается второй сын - Анатолий, а четырьмя годами позже, в августе 1882 года, дочь Тамара. Однако это не мешает Кайгородовым принимать многочисленных гостей. Притягательность его дома - в благодущии хозяина и доброжелательности милой супруги его Валентины (Лины) Романовны. А еще - незаурядный музыкальный и литературный талант и глубокая искренняя интеллигентность Дмитрия Никифоровича. В 1880-х годах он уже автор по меньшей мере 80 музыкальных произведений (черновые записи их хранятся в архиве Всероссийского географического общества)²². Вот некоторые из них: «*Девушка у колодца*», «*Шествие весны*», «*Роза*», «*Торжественный марш*», «*Полночь Немая, холодная*», «*Счастье в сне*», «*Ноты для скрипки*», «*Песня без слов*» для рояля, «*Утка и стакан воды*», песенки - «*Ах, барыня-сударыня*», «*Кряква*», «*Вальс*», «*Голубенький, чистенький*» (на слова Майкова), симфоническое скерцо, ноты для скрипки.

В 1891 году издана первая нотная тетрадь романса Дмитрия Никифоровича на слова А.Н. Апухтина «О Боже, как хорош прохладный вечер лета». В 1894 году издательство «Бернард» выпускает романс Д.Н. Кайгородова на стихи Майкова «Из темных долов этих». Можно найти в музыкальных библиотеках ноты кайгородовских романсов «Тихо, тихо все вокруг» на стихи чешского поэта Ганка, «Она была твоя» на стихи Апухтина, «Очей твоих прелестных» на слова Г. Гейне, «Цветик цвел в садике» и другие.

Дмитрий Никифорович охотно садится за фортепьяно. И не только, чтобы развлечь гостей. Он убежденный эстет, который искренне верит в облагораживающую силу музыки.

«В музыке и поэзии, - признается он в письме к брату Нестеру, - можно укрыться от всех превратностей судьбы, от тягот жизни и горя. Роль ее в жизни человека в высшей степени сложна (увеселяющая, ободряющая, впечатляющая, смягчающая нравы, облагораживающая и прочие, и прочие), самое же главное: музыка как всякое другое художество - и не только, а даже по преимуществу, обладает драгоценным для человечества свойством споласкивать с души налипшую на нее грязь ежедневной жизни, мелких интересов, забот, злословия etc., etc., и так же очищает, освобождает, просвещает, приподнимает от земного, вдохновляет и приближает к источнику светлого и чистого, к источнику вечной красоты... В этом истинное, великое значение музыки как искусства»²³.

Литература, художественное творчество и особенно творчество музыкальное - любимые темы бесед и выступлений Д.Н. Кайгородова перед коллегами и студентами.

«Музыка, мелодия, красота музыкальных звуков - важное средство нравственного и умственного воспитания, источник благородства сердца и чистоты души, - напишет Дмитрий Никифорович в своих воспоминаниях. - Музыка открывает людям глаза на красоту природы, нравственных отношений, труда. Благодаря музыке в человеке пробуждается представление о возвышенном, величественном, прекрасном не только в окружающем мире, но и в самом себе. Музыка - могучее средство и самовоспитания. Сыграйте в день хотя бы по одной сонате и вы уже никого попусту не обидите, не сделаете дурного поступка».

Студенты же Лесного института, как и все студенты, ходили на лекции, влюблялись, мечтали о будущем. Еженедельно в Лесном институте устраивались вечера, на которые приходили студенты из Технологического института и Военно-медицинской академии. Приглашались и девушки из соседних гимназий и училищ.

Для вечеров отводились лучшие в институте комнаты, нанимались таперы для танцев, устраивались буфеты с недорогими 2-3-копеечными бутербродами и чаем. Для любителей поговорить в соседних с танцевальным залом комнатах организовывали диспуты. Студенты этими вечерами были довольны:

Какие дивные балы в Лесном у нас

Тогда бывали.

Те, кто знавал их, как и мы,

На них без устали плясали.

Особенно многолюдно бывало на вечерах музыкальных. Душою и достопримечательностью их оказывался профессор Д.Н. Кайгородов. Собирались на вечера загодя. По воспоминаниям современников, часам к 6 вечера к главному входу института начинали подходить веселые шумные стайки студентов-первокурсников в новеньких студенческих тужурках с блестящими «цацками» на плечах. Следом за ними небрежно, заломив фуражки на затылки, попыхивая папиросами появлялись студенты второго-третьего курса. Ближе к семи являлись и самые старшие - будущие выпускники. Зеленые фуражки их небрежно сдвинуты набок, вместо полагавшихся студенческих листьев на околышах уже поблескивают пока еще незаконные кокарды. Звонкой частой дробью звучит первый звонок. Толпа двигается к подъезду, на ходу снимая шинели.

Недостатка в исполнителях в институте не было. Более того, почтеннейшему Петру Михайловичу Доброву - управлявшему студенческим хором, а заодно и всей музыкальной частью института, - приходилось проявлять немалую изобретательность, чтобы необидно отвести от участия в концертах особенно молодых и еще очень самонадеянных юношей скромных дарований.

Основу концерта, как всегда, составляли вокалисты: Скитский, Семенов, Чаплин, Кортнев. Неизменным на протяжении всех четырех лет учебы в конце 80-х был духовой оркестр с Шабакон, Падашенко, Станкевичем, Кноре и Юргенсоном. Царевский, Суходольский, Будаков, Вишневалт очаровывали присутствующих скрипичными миниатюрами.

Репертуар определялся возможностями выступающих, вроде бы и без участия институтских профессоров, но при незримом их присутствии. Наиболее авторитетным было мнение Д.Н. Кайгородова. С присущей ему Дипломатичностью он соглашался со всеми предложениями выступающих, но окончательном утверждении программы в ней оказывались главным образом произведения классические. Нередко концерт открывался маршем Жрецов из «Волшебной флейты» Моцарта.

Студенческий оркестр Лесного института

За ним следовал хор Вильбоа под управлением П.М. Доброва. После восторженных оваций на сцену выходил любимец публики Володя Кортнев. Грустно звучала в его исполнении под аккомпанемент фортепьяно и виолончели мелодия романса «Если слезами» Страделлы. Когда стихали аплодисменты, Кортнев с улыбкой обводил глазами зал и объявлял:

- Господа, с огромным удовольствием я бы хотел предложить вам новое произведение нашего профессора Дмитрия Никифоровича Кайгородова.

Зал взрывался овацией.

Редко какой институтский концерт обходился без новых произведений Дмитрия Никифоровича.

Проводились в Лесном институте и художественные выставки, в том числе и картин самодельных художников из числа студентов и преподавателей института. Были на них и прекрасные пейзажи Дмитрия Никифоровича. Это и не удивительно! Справедливо заметил К.А. Тимирязев: «Все великие ученые были в известном смысле великими художниками: человек, не обладающий воображением, может собирать факты, но не сделает великого открытия»²⁴.

В обширной институтской библиотеке можно было найти новые книги на всех европейских языках. Имелись в ней столичные газеты и журналы. Студентам предоставлялась возможность высказаться по интересующим их проблемам, причем не только научным и техническим, но и экономическим, социальным.

Прилагалось максимум усилий для всестороннего воспитания студентов. Наиболее интересные вопросы обсуждались на Совете института. Для этого отводили последнюю неделю месяца. Выбирали, как правило, субботний день. В диспутах принимали участие профессора и все желающие. За три дня до диспута на дверях самой большой аудитории вывешивались тезисы обсуждаемого вопроса, «дабы желающие что предпринять заблаговременно подготовиться могли».

По уровню учебного процесса Лесной институт не уступал лучшим столичным учебным заведениям. В институте имелось 13 прекрасно укомплектованных учебных кабинетов, а в них 25 тысяч наглядных учебных пособий.

В кабинетах Д. Н. Кайгородова по лесной технологии и инженерному искусству размещалось 2,5 тысячи экспонатов. Сам же он по праву считался одним из лучших профессоров института. В немалой мере тому содействовала и природа. Высокий, худощавый блондин с голубыми большими глазами, с всегда открытым доброжелательным лицом, сохранивший военную выправку, в то же время чуть застенчивый Дмитрий Никифорович был изящен и аристократичен. Говорил он сначала неважно, порою тянул и заикался. Но когда воодушевлялся, что случалось особенно на открытых для всех желающих лекциях, то все недостатки эти исчезали.

Д.Н. Кайгородов совершенно овладевал аудиторией: поражала яркость сердечного порыва, соединенная с огромной культурой и с особой широтой интересов его к предметам, казалось бы, и не имеющих касательства к преподаваемым дисциплинам.

Материал лекционный он знал превосходно, но задачу свою видел не только в обстоятельной передаче его своим слушателям. В каждом из студентов Дмитрий Никифорович видел будущего лесничего, важного государственного чиновника, гражданина, отца семейства, наконец. Такими он и хотел их сделать, общаясь на лекциях и в жизни. И во многом по части духовного, нравственного, культурного их воспитания преуспел.

С 1887 по 1891 год кроме заведования двумя кафедрами он исполняет еще и обязанности помощника директора Лесного института²⁵, а с мая 1891 года избирается членом хозяйственного комитета института. На этих административных должностях должен был быть именно такой человек, как Д.Н. Кайгородов: высокой культуры и эрудиции, пользующийся авторитетом у сотрудников института и студентов, способный стать примером для подражания. Дело в том, что с отменой крепостного права уровень культуры студенчества в Лесном институте стал заметно снижаться. Как бы ни расценивался потенциал революционной энергии 1860-х годов, но нельзя не отметить их критического поворотного момента в истории экономического и культурного развития России. 1861 год был началом промышленной эры для России. В России появился пролетариат, а вместе с ним и средний класс, у которого оказались возможности посылать детей на учебу в любые учебные заведения. В Лесном институте появились не только дворяне, но и дети предпринимателей, купцов, духовенства, мещан, зажиточных крестьян. Вспомним тургеневского Калиныча, который имел денег достаточно, чтобы послать сыновей учиться, да не хотел, пока свободу не дадут. В 1861 году свобода появилась, а вместе с ней и новые хозяева жизни из «податных сословий». Дворянская прослойка в Лесном институте в 80-х годах сократилась вдвое - до 13,6 процента. В Михайловском училище, где учился Д.Н. Кайгородов, она превышала в эти годы 60 процентов. Студентами Лесного института оказывались в лучшем случае дети обер- и штаб-офицеров, то есть чиновников, еще не дослужившихся до потомственного дворянства, состоявших на государственной службе, но не настолько состоятельных, чтобы дать своим потомкам достаточное домашнее образование (11 процентов из них успели получить почетное гражданство) и, тем более, передать культурные традиции, характерные для дворянской культуры. Почти половина (43,5 процента) студентов были детьми мещан, 19 процентов - крестьян, 7 процентов - купцов и около 1 процента - духовенства.

Гимназистов поступало в Лесной немного - 15-17 процентов. Среди абитуриентов начинают преобладать в Лесном институте выпускники реальных, земледельческих училищ, семинаристы из духовных, технических, коммерческих училищ.

Лесной институт существенно демократизировался. Особенно после того, как были отменены вступительные экзамены и институт перешел к отбору студентов среди абитуриентов по конкурсу аттестатов. Детей же лесных чиновников независимо от их подготовленности принимать будут вообще без конкурса. Общеобразовательная подготовка их соответствовала предъявляемым институтом требованиям, а вот общая культура уступала уровню студентов университета и других столичных учебных заведений. Это очень беспокоило профессорско-преподавательский состав института и особенно старых профессоров из сословных семей, успевших привыкнуть к студентам своего круга.

Старые профессора опасливо и неприязненно взирали на безнравственные «шалости» своих воспитанников, «Шалости» же становилось все менее пристойными. Трактиры на Ланском и Удельной все чаще становились свидетелями пьяных дебошей лесников. Случалось, что в трактирах вышибали рамы и двери, на улице выворачивали фонарные столбы, устраивали потасовки с дворниками и городовыми, не давали проходу соседним девочкам-белошвейкам, а девицы легкого поведения институтских общежитиях разгуливали без всякого стеснения.

О студенческих нравах тех лет ходили стихи:

*Житье в Лесном не сладкое, не сладкое житье,
Тоска и флирт с кухаркою, да хмельное питье
А «Звездочка» с «Венецией» [трактиры] полны прекрасных дам
Манят огнями яркими,, как сказочный сезам,
Придешь, напьется вдребезги, ох, вдребезги кутнешь
И жизнь с ее превратностью до дна, до дна поймешь.*

В общем, традиции института, существовавшие в годы учебы Дмитрия Никифоровича и сохранявшиеся еще с той поры, когда Лесной институт находился на положении кадетского корпуса, менялись явно не в лучшую сторону. Дирекция института была этим обеспокоена чрезвычайно. Тем более, что Министерство государственных имуществ постоянно напоминало об инструкции 1829 года «О нравственном воспитании» которую пока никто не отменял. В параграфе 224 этой инструкции четко определялись задачи института о «характере образа жизни, нравственных чувствах, страхе Божьем и благочестии, чувстве долга, преданности августейшей особе, уважении к законам, повиновении начальству, почтении к родителям, уважении к старшим, признательности, любви к ближнему и нравственным качествам».

Да и без инструкции было понятно, что выпускникам института высокая нравствен-ность и культура необходимы в дальнейшей их жизни и службе. Тем более, что конец XIX столетия страна встречала расцветом экономики и нарастающими политическими волнениями. К столичным студентам спрос по части дисциплины повысился, а в Лесном даже больше, чем в других институтах. После полицейского обыска и ареста студентов в 1899 году возникло мнение перевести Лесной институт из столицы куда-нибудь в провинцию. Министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов в докладе на Высочайшее имя от 26 апреля 1899 года вынужден был просить перевести Лесной институт в Пензу. Официальным поводом к тому послужило, якобы, отсутствие у института учебной базы (учебное Лесинское лесничество находилось в 70 верстах от Петербурга). Император возражать не стал, но и денег на переезд не дал, возложив все хлопоты на самого Ермолова. Тот и на это согласился, поскольку пензенский губернатор предложил для размещения Лесного института в Пензе здание Духовной семинарии. Пообещал министру помощь и харьковский губернатор. Он намеревался выделить под переезд Лесного в Пензу полмиллиона рублей при условии, что Ермолов примет местный харьковский ветеринарный институт на содержание Министерства земледелия с последующим перепрофилированием его в институт сельскохозяйственный.

Остальные суммы Ермолов рассчитывал выручить от продажи 18 петербургских институтских зданий и 150 десятин институтской земли. Однако продать Лесной институт в Петербурге не удалось: не нашлось состоятельного покупателя. Воспротивились переезду и институтские профессора. В «Новом времени» появилась (не без участия Д.Н. Кайгородова) сердитая статья о невозможности ссылки старейшего столичного института в провинцию. Старый товарищ А.С. Ермолова профессор П.С. Коссович заверил министра, что студенческое инакомыслие вполне можно успокоить за счет улучшения учебной части и целенаправленной воспитательной работы с молодежью. Ермолов согласился и «покорнейше» просил императора сдать в архив первоначальное свое предложение о пере-воде Лесного института в Пензу, поскольку *«невозможно передать здания Института в ведение какого-либо другого ведомства с возмещением стоимости институтских зданий и принадлежащих ему земель, что делает невозможным осуществление предложенного Министерством проекта относительно возведения на счет вырученных этим способом сумм Лесного института на новом месте в городе Пензе»*²⁶.

Институтское инакомыслие, конечно же, само по себе не зарождалось. Искры его раздувала общероссийская политическая борьба. В стране было еще далеко до всеобщего, всенародного благополучия, хотя российская экономика и уверенно развивалась на основе свободного рынка и свободного труда. Тем не менее, в политическом плане Рос-сии было еще далеко до Великобритании и других западноевропейских стран. Она была монархией с ограниченными свободами и сильными феодальными пережитками, что не могло не возмущать наиболее социально активную часть населения страны. Об этом, конечно же, знали в институте. Профессорско-преподавательский персонал института, да и вся либерально настроенная интеллигенция пытались противодействовать политическим движениям культурными программами, надеясь на постепенное обретение западных свобод и справедливо полагая, что *«вольность без просвещения не благо, а зло»*.

«Все «проклятые вопросы» русской жизни, если поразмыслить непредвзято, могут быть решены только одним путем - повышением общеобразовательного уровня народа», - утверждал В.В. Розанов. И он был прав!

Лесной институт стремился несмотря ни на что идти в ногу со временем. Многие хорошее ему удавалось благодаря прекрасному сложившемуся профессорско-преподавательскому коллективу института. Нельзя не отдать должное его руководителям и выдающимся профессорам, проложившим мост в будущее новым поколениям российских лесоводов.

Директорами Лесного института после реформирования Земледельческого института были Пастельс, Шафранов, Керн, Орлов, Коссович, Фан дер Флит. Долше всех в директорской должности - почти 20 лет - прослужил Николай Семенович Шафранов. Преподавали ботанику (на протяжении 25 лет) - И.П. Бородин, лесоустройство - А.Ф. Рудзкий, таксацию П.Н. Вереха, геодезию — И.И. Померанцев, законоведение - С.В. Ведров, почвоведение - П.А. Костычев, П.А. Лачинов и

П.С. Коссович, политэкономия - Л.В. Ходский, химию - М.Г. Кучеров, лесоводство - сначала В.Я. Добровлянский, затем - Г.Ф. Морозов, частное лесоводство (лесовосстановление) - Соболев, а после его смерти В.Д. Огиевский. Д.Н. Кайгородов заведовал своими кафедрами более 30 лет. Именно он оказался у истоков инженерных лесных профессий в Лесном институте. Умело используя достижения мировой науки, Д.Н. Кайгородов и его последователи сумели найти самобытные пути развития лесного дела в России.

О том, что им удалось сделать и какие проблемы так и остались нерешенными в их годы, пойдет речь в следующем рассказе.

Профессор лесной технологии

Наука может занять принадлежащее ей по праву место в демократической стране только при условии, что ее труд, ее знание получат самое широкое распространение и оценку.

Ф. Тимирязев

В отличие от «каменного» европейского Запада, Россия была страной «деревянной». В конце XVIII века крупных по тому времени городов со 100-тысячным населением насчитывалось не более 50. В них проживало 2 процента населения. Крестьяне составляли большинство россиян. Горожане жили большей частью в домах деревянных. В Петербурге в XVIII столетии при императрице Елизавете Петровне из имевшихся 4554 домов каменных было лишь 400. Спустя полтора столетия по данным за 1870 год в Петербурге числилось 4337 домов, из которых каменных - 1525. На охтинских окраинах столицы, где в это время жил Д.Н. Кайгородов, было 3 каменных дома. Что уж говорить о российской глубинке. В деревнях все постройки были сплошь деревянными. В городах - по большей части. Как элемент конструктивный дерево - сырье исключительно легкое и удобное. Дом из бревен и за несколько дней сложить можно, только век его короток: 30-40 лет. Если такой дом не сгорит, то станет добычей вредных насекомых и гнилостных грибов. На строительные нужды расходовались сотни миллионов кубометров древесины. Еще больше леса вырубалось на дрова. К началу XX столетия подвоз дров только в Санкт-Петербург составлял 3,4 миллиона кубометров. Развитие добычи каменного угля в Европе помогало решать в середине XIX столетия топливную и энергетическую проблему. Годичная добыча каменного угля к концу XIX столетия достигла 3606 миллионов пудов (на земном шаре 5166, или 10 пудов на человека). В России добывали всего 743,5 миллиона пудов, или 1,3 пуда на душу. По данным Н. Штейнфельда, на древесное топливо приходи-лось 90 процентов, на каменный уголь - 7,3 процента, на нефть - 2,5 процента и на торф - 0,2 процента. Энергетика в России была «деревянной».

И тем не менее, в силу природно-климатических причин, лес - основное природное богатство России. На жителя в ней приходится 3, в США - 0,8, Швеции - 2,9, в Финляндии - 4,1 и только в Канале 10,5 гектара лесной площади.

Леса хватает, а для сельского хозяйства такие земли в убыток. Хочешь - не хочешь, обходишься тем, что лес дает, Что же он давал? Согласно обзору 1888 года, в 1855 году десятина леса в среднем по Европейской части России давала 1 копейку дохода, в 1878 - 8,6 копеек. Чуть побольше - в южных и центральных губерниях. В Московской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Калужской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Харьковской губерниях лесной доход составлял 164,4 копейки. В 1893 году валовой доход от казенного леса составлял 22,3 миллиона рублей, а чистого 15,9. В 1903 году последний возрос до 51,2 миллиона рублей, то есть втрое. Чистый же доход с десятины казенных лесов в среднем по европейским странам составлял в 1903 году 1 рубль 15 копеек, а в России менее 10 копеек. Вот так использовалось наше лесное достояние!

Не все лесные доходы, разумеется, учтены, поскольку половина лесов находилась у частных владельцев.

Крестьяне тоже считали лес «божьим даром» и на протяжении многих веков пользовались им бесплатно.

На основании статьи 171 Лесного устава, в многолесных губерниях крестьянским хозяйствам специально прирезали участки леса. В Архангельской губернии эти прирезки составляли до 15 десятин на душу мужского пола. Лес становился как бы продолжением крестьянского надела.

Крестьянские общины имели и собственные леса: надельные, купчие, арендованные, аульные, станичные, подсечные, въезжие, податные, переселенческие и т.д. Таких лесов насчитывалось более 10 миллионов десятин. Крестьяне и помещики были в своих лесах полными хозяевами. Рубили лес на дрова и хоромы. В год до 300 миллионов кубометров.

Никто не препятствовал и зарубежной торговле лесными изделиями. Самыми главными экспортными товарами были пушнина, мед, поташ. После экспедиции англичан Уиллоби и Ченслера к устью Северной Двины и установления прочных морских торговых связей с Западом пошла на рынок и древесина. В XVIII столетии, после того как царь Петр «прорубил окно» в Европу, лесной экспорт оказался ведущим в заграничной торговле. Вспомним строки из «Евгения Онегина»:

...Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по балтийским волнам
За лес и сало возит нам.
.....
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет,

Только как тяжело доставался лес простому крестьянину! Ленин был недалек от истины, когда писал в книге «Развитие капитализма в России»: *«Земледелие составляет побочный источник дохода» хотя во всех официальных данных вы найдете, что народ занимается хлебопашеством. Все, что получает крестьянин, существенные свои надобности, зарабатывается им на заготовке и сплаве леса у лесопромышленников. Занимающийся лесной промышленностью скорее бурлак; зиму он проводит в стенах лесной труппы..., а на весну, по отвычке от домашних дел, его уже тянет на сплав и сгонку дров; одна только страдная пора сенокосов заставляет его сделаться оседлым».*

Рубили лес в России тяжело, примитивно, производительность труда на лесозаготовках была низкая. В качестве иллюстрации лесозаготовок тех лет можно привести отрывок из «Лесного журнала» за 1843 год (ч. 1, кн. 2, с. 134): *«Найдя дерево требуемых размеров и качеств, разгребают около оногo пня снег и подрубают его с четырех сторон, чтобы вырубить самую репку или сердечко. Срубив годное дерево и очистив с него кору, артельные дают знать о том товарищам, и в то же время прокладывают на лыжах дорогу к ближайшей речке или ручью, сколь возможно прямее». По ней лошадьми и людьми волокут дерево к сплаву.*

Готовили бревна в лесу топорами. К пиле Петр I начал приучать земляков с 1701 года. Даже издал указ *«О приручении древесоков к распиловке дров»*, в котором предписывалось постепенно переходить от топорной к пильной заготовке лесоматериалов. Предписывалось также хотя бы одну сажень из десяти распиливать *«с тем, чтобы в течении двух лет работные люди изготавливались и пиленю дров научились»*. На внедрение этого «технического новшества» ушло двести лет. Еще в середине прошлого столетия лесное ведомство Пензенской губернии убедительнейше просило Министерство государственных имуществ продать имеющиеся в лесничествах пилы, поскольку *«рубить лес сподручнее и достаточно одного мужика, а не двух»*.

Лесоруб с ручной пилой и топором за день выработывал не более четверти кубической сажени (2 кубометров) древесины. Производительность взрослого человека с лошадей и подростком в течение лесозаготовительного сезона на вывозке древесины из леса не превышала 20 кубических сажений, или 160-170 кубометров. На заготовку древесины для собственных нужд у российского крестьянина уходило ползимы.

И тем не менее, уже к XVIII веку лесные богатства в обжитых губерниях стали оскудевать. В XIX столетии, особенно с развитием капиталистического уклада экономики, начавшемся после отмены крепостного права, потребность в лесоматериалах резко возросла, поскольку древесина входила во все производства.

Экономика лесопользования теперь уже решала экономику хозяйства страны. Известный лесовод Ф.К. Арнольд писал по этому поводу: *«Потребность землевладельцев после 19 февраля (отмены крепостного права) сделалась больше, а бюджет для удовлетворения их значительно сократился. Лес понадобился за границу, на сахарные заводы, на разные фабрики, - почти вся новая промышленность начиналась с того, что рубили и жгли лес ... не продавать лес было невозможно».*

Рыночная экономика выдвинула на первый план предприимчивость производитель-ность труда, качество товаров и их конкурентоспособность. Решать эти проблемы теми же методами, что и при крепостном праве было уже невозможно. В этом русские предприниматели убедились очень скоро. Нехватку дешевой рабочей силы они сразу же попытались решать казалось бы, самым прогрессивным европейским путем - за счет механизации. Многие поспешили обзавестись всякого рода зарубежными новинками. Только ожидаемого результата это не принесло. Обманутые рекламой, «новинки» они приобретали без надлежащей проверки и учета российских условий. Вводимые «новшества» разоряли технически неподготовленных предпринимателей.

Нужда же в лесоматериалах продолжала возрастать. Особенно много леса требовалось на экспорт. К концу XVIII столетия из Архангельского порта вывозилось лесных материалов больше, чем на 1 миллион рублей. За период с 1749 по 1804 год лесной экспорт из России возрос с 203 до 350 тысяч кубических сажень и достиг 1217 тысяч рублей. В 1861-1865 годах он уже составлял 6,9 миллиона рублей, или 3,5 процента общероссийского экспорта.

Процесс первоначального накопления капиталов в России решался путем торговли природными ресурсами и, прежде всего, сельскохозяйственными и лесными.

Возможности для этого были. Имелись значительные запасы древесины за Уралом и на европейском Севере. Только непросто было его взять оттуда, да никто толком и не знал, сколько в тайге леса. Приблизительно считали 300-500 миллионов десятин. Практика показала, что больше.

Предлагали северный лес лесопромышленникам почти за бесценок. В 1891 году купец Серебряков купил в виде опыта 10 тысяч бревен с 25-процентной скидкой - по 1 рублю за бревно. В казенных дачах Кандалакшинской губы и на севере Кольского полуострова товарищество *«Петр Беляев и К^о»* купило 288 000 бревен за 397 440 рублей.

В тот же год Альфред Либке из Швеции обязался на таких льготных условиях заготовить 1 820 000 бревен длиной до 12 аршин по 1 рублю за сосновое и лиственничное бревно и 60 копеек за еловое. За более длинные бревна доплачивалось по пятаку за 1 аршин. Казенные лесные дачи по бассейну реки Печоры и в Вологодской губернии площадью почти 9 миллионов десятин до 1896 года практически не эксплуатировались. В 1898 году Министерство земледелия и государственных имуществ предложило Карлу Гаасу, жителю Баварии, право их рубки на 15 лет: еловой древесины - по 7-12 рублей, березы - по 4,5, осины - по 1,5 рубля за кубическую сажень. Торги шли очень вяло, хотя казенные лесничества предлагали лесопромышленникам скидки. В 1896 году согласились даже на продажу 140 тысяч бревен, вместо положенных 4 тысяч, сроком на 13 лет. Древесина на собственное строительство лесопромышленника практически не учитывалась.

Судьба подарила России богатства, в которых она не могла даже толком разобраться! Рубить же, вывозить к местам потребления и перерабатывать древесину она не научилась, хотя веками занималась лесным промыслом.

Неумение рационально переработать лес ставило Россию в исключительно невыгодное положение на мировом рынке: страна по низким ценам вывозила первосортные бревна и втридорога закупала изделия из них же.

Технические новинки приживались на Руси трудно. Обиднее всего то, что россияне прежде других узнавали о них. Как свидетельствуют историки, ближайший помощник Петра I светлейший князь Меншиков, приступая к строительству на болотистых берегах Невы новой столицы, знал и о пилах, и о пилорамах. Под его руководством заложили на Васильевском острове, на месте зданий Академии наук, десять лесопильных мельниц. До этого уже упоминалось о трех других пильных мельницах, работавших с 1691 года в районе нынешнего Архангельска. Таким образом, российской лесной промышленности в прошлом столетии уже было никак не меньше 200 лет.

Тем не менее, и доски в России все эти 200 лет в больших объемах готовили топорами. Кололи бревна вдоль и тесали. До сих пор сохранилось в российском обиходе слово «тес», то есть тесаные пластины-доски. Впоследствии бревна стали пилить, но опять же, при отсутствии пилорам, вручную. На высоченные трехаршинные козлы клали бревно и приступали к лесопилению: один «оператор» тащил пилу вверх, другой - вниз. Чуть легче, чем топором, но производительность труда почти втрое выше и половина бревна не отлетала щепой.

Большая же часть лесопильных заводов месяцами не работала, поскольку лесорубы-сезонники разъезжалась весною по домам. Сплав бревен по рекам (доля его при лесо-заготовках достигала 52 процентов) этой же причине также прекращался.

Еще хуже обстояло дело с бумажным производством. Его начало в России относится, по разным источникам, ко временам Ивана IV, одновременно с введением книгопечатания. Находили грамоты и более старые. Например, договорная грамота великого князя Симеона Гордого датированная 1340 годом, и рукописная книга «Поучения Исаака Сирина» - 1381 годом. Завозилась ли бумага для этих документов из-за рубежа или производилась на каких-то собственных кустарных производствах, сказать трудно. На грамотах же Ивана Грозного уже имеются личные водяные знаки царя. Археологи считают, что бумагу для царских грамот с 1576 года «терли» в 30 верстах от Москвы люди Федора Савинова. В 1641 году в Москве работала бумажная фабрика Василия Бурцева. Всего же в столице в XVI-XVII веках насчитывалось с десяток «бумажных мельниц». При Петре I Федор Салтыков представил на имя царя уже целую программу развития бумажной промышленности, в которой «изъявлялось»: *«Повелеть во всем государстве, во всякой губернии учинять бумажные заводы и под те заводы выбирать места на реках, где сыщутся какие к тому подобные, а на тех заводах велеть бумагу делать разных рук и величеств, сиречь александрйская, нищая, почтовая, картузная, серая, синяя»*. В 1799 году в 24 российских губерниях работало 59 бумажных фабрик.

От китайцев россияне в производстве бумаги отстали на полторы тысячи лет, от европейцев - не более чем на век. Но бумага была дорогая - «тряпочная». Что же касается массового выпуска бумаги из дешевого сырья (соломы), то богородицкие и красносельские бумажники оказались даже впереди зарубежных соседей. В 1840 году россиянин Ф.Г. Келлер изобрел способ изготовления самой дешевой бумаги из древесины и предложил для истирания древесины в бумажную массу «точильные камни». В 1847 году Г. Фельтер изобрел уже настоящий дефибрер для приготовления древесной массы, «аппарат же для приготовления бумаги из дерева» русский инженер Усачев запустил первым в мире, в 1860 году, а Л.П. Жерестов в 1894 году уже полностью отработал технологический процесс изготовления «деревянной бумаги». Тем более обидно, что имея и опыт и неограниченные ресурсы для производства бумаги, Россия бумаги своей практически не делала. Производительность собственных «древотерочных» целлюлозно-бумажных заводов в конце прошлого столетия составляла 1 600 пудов, или 4 фунта бумаги на 1 человека.

Вклад бумажной промышленности России составлял менее 3 процентов мирового производства. Недостающую бумагу в объеме 1 940 000 пудов на сумму в 2,5 миллиона рублей завозили из-за рубежа.

В мебельно-столярном производстве в России на долю кустарей приходилось до 90 процентов всей мебели. После льна, пеньки и хлопка кустарная деревообработка значилась на втором месте.

Прекрасные мастера-краснодеревщики трудились в русских деревообрабатывающих артелях, но большую часть дорогой мебели везли из-за границы.

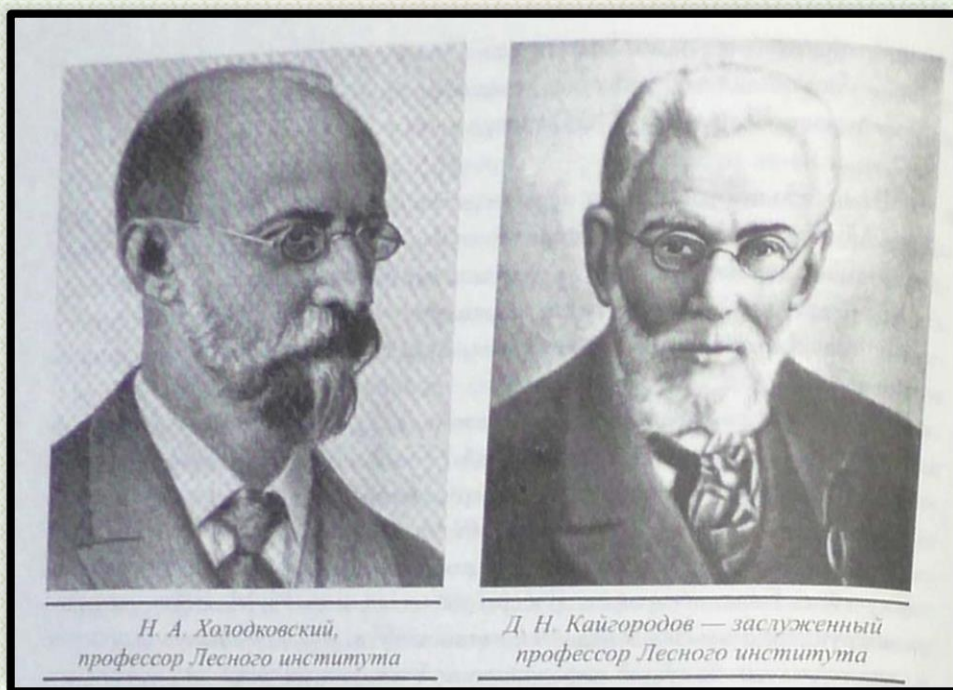
Примерно в таком состоянии находилась российская лесная промышленность в то время, когда Дмитрий Никифорович Кайгородов вернулся с зарубежной стажировки на кафедру лесной технологии сначала Земледельческого, а затем Лесного института.

Выбор для столь непростого дела выпал на Д.Н. Кайгородова не случайно. Бывший профессор кафедры лесоводства Н.М. Зобов докладывал руководству Земледельческого института, что более подходящей кандидатуры для будущей кафедры лесной технологии он не видит, поскольку *«Д.Н. Кайгородов, состоя на службе на пороховом заводе по технической части, нашел время с успехом пройти курс Земледельческого института. Владеет французским и немецким языком, знаком с педагогической частью, потому что преподавал в пиротехническом училище. После окончания занятий в институте занялся преимущественно лесной технологией и сделал уже сообщение в Лесном обществе о производстве уксусной кислоты»*.

Д.Н. Кайгородов ко времени начала его зарубежной стажировки был не только хорошим лесоводом, но и опытным инженером. Знания, полученные в артиллерийском училище и пороховом заводе, оказались очень кстати.

После двухлетней стажировки в Германии, Швейцарии, Швеции, Франции Д.Н. Кайгородов оказался в числе прекрасно подготовленных специалистов лесного дела. 17 октября 1875 года он становится преподавателем кафедры лесной технологии Земледельческого института.

Путь в науке, как и на любой государственной службе, имеет четкую иерархическую последовательность. В дореволюционной России она начиналась с ассистента, затем следовала должность вольного преподавателя - приват-доцента. По заведенным правилам, прежде чем стать преподавателем, изыскатель должен прочесть 2 пробные лекции. Одну тему выбирал он сам, а другую назначал факультет. Если лекции одобрялись Советом института, кандидат становился преподавателем - приват-доцентом.

В тех случаях чаях, когда в штате института преподаватель не числился, за свои лекции и практические занятия он получал не жалование, а повременную оплату.

Все эти ступени Д. Н. Кайгородов прошел в течение двух лет. В феврале 1878 года его зачислят преподавателем института по лесной технологии и лесному инженерному искусству.

Выполнив магистерскую работу, доцент становится полноправным помощником профессора, а после защиты докторской диссертации получает право на звание профессора: сначала экстраординарного, затем ординарного. Впрочем, в связи с изменением названия института для Д.Н. Кайгородова, так же как и для других преподавателей Земледельческого института, порядок этот был изменен. В Лесной институт в 1880 году их зачислят исполняющими обязанности профессоров, а в 1882 году по представлению Министра государственных имуществ М.Н. Островского статский советник П.Н. Вереха, коллежский советник А.Ф. Рудзкий, надворные советники Д.Н. Кайгородов и Н.С. Шафранов станут ординарными профессорами Лесного института²⁷. Д.Н. Кайгородов становится заведующим кафедрой лесной технологии, а затем и лесного инженерного искусства.

Напомним, что профессиональной науки в современном ее понимании в то время еще не было. Техническими и научными руководителями развивающихся производств чаще всего оказывались учебные заведения. Именно таким руководителем нарождающейся лесной промышленности и оказалась кафедра лесной технологии Земледельческого института.

Через два года Земледельческий институт снова станет Лесным с четырехлетним сроком обучения. Ведущими окажутся кафедры богословия, химии, ботаники, общего законовещения, лесоводства, лесной таксации, лесоустройства, лесной технологии, инженерного искусства, геодезии. Две из них - лесной технологии и инженерного искусства - предложат Кайгородову. В лесную технологию, как и прежде, войдут заготовка и переработка древесины, а в инженерное искусство - водный, сухопутный транспорт леса и строительство. Этими кафедрами Д.Н. Кайгородов будет руководить в течение 30 лет. За это время он подготовит сотни прекрасных лесных технологов и создаст совершенно новое для Лесного института научное и практическое направление лесной отрасли. Д.Н. Кайгородов будет много заниматься вопросами использования древесины. Он исследует ее технические свойства, в том числе их зависимость от условий произрастания лесов.

Читая лекции по древесиноведению, Кайгородов глубоко изучал вопросы жизни растений, их физиологию и анатомию. На основе самых последних зарубежных и отечественных данных, а также результатов собственных исследований, он выпускает в 1885 году учебное пособие по ботанике. По замыслу автора, оно должно было дать учащимся более полное представление о растениях, а в случае поступления их в сельскохозяйственный или лесной институт - облегчить понимание изучаемого предмета. Его книга «Краткий обзор растительного царства по климатическим поясам», составленная для городских училищ, выдержала 7 переизданий.

Художественные очерки и научно-популярные книги Д.Н. Кайгородова отодвигают на второй план его лесоинженерные работы. Вместе с тем, они достойны самой высокой оценки специалистов. Д.Н. Кайгородов опубликовал в «Лесном журнале» несколько десятков прекрасных работ по лесоэксплуатации и деревообработке. В их числе: «Добывание уксуснокислой извести древесного порошка, как предмет мелкой заводской промышленности» (1882), «Несколько слов о машинах для обработки дерева на Венской всемирной выставке» (1874), «Заводская пропитка телеграфных столбов» (1875), «Утилизация древесных опилок», «О соотношении между плотностью древесины и шириной годичных колец» (1897), «Разработка лесных сортиментов в Чернышевской лесной даче гр. Уварова» (1879), «О некоторых технических свойствах древесины» (1878) и др. К числу ценнейших пособий для лесных инженеров следует отнести «Лесотоварный словарь», изданный Д.Н. Кайгородовым в 1883 году с посвящением его памяти В.И. Даля. В словаре Кайгородова 450 лесных терминов, не попавших в словарь Даля. Словарь получил награду Лесного департамента и быстро стал настольной книгой не только российских лесничих, лесоторговцев, лесопромышленников, но и вообще, как писал А.Е. Теплоухов, всех читающих людей в России.

Под руководством Д. Н. Кайгородова с участием мастера Шапиро в Лисинском лесничестве строится первый показательный завод по сухой перегонке древесины. Опыт бывшего офицера-пороходельца и заведующего заводской химической лабораторией оказался Д. Н. Кайгородову очень кстати и в этом деле.

В 1877 году Д. Н. Кайгородов снова командирован в Германию на два месяца. Он познакомится у профессора Нордлингера с приборами для исследования физических свойств древесины. По возвращении в институт Д. Н. Кайгородов не только усовершенствует прибор, но и изготовит свой, еще более точный, за что получит денежную премию Специального лесного комитета Лесного департамента. Прибор этот и сейчас используется в научных исследованиях.

Д. Н. Кайгородов опубликовал около 300 работ. Значительная часть этих трудов посвящена древесиноведению и лесной технологии.

Тесно соприкасалось с лесной технологией и строительное дело, или, как оно тогда называлось, «инженерное искусство».

В 1884 году Д. Н. Кайгородов выпускает курс лекций по инженерному искусству. В нем рассматривались все лесоинженерные вопросы, включая гражданское строительство и строительство дорог. Лекции разделены были на две части: «Основание строительного искусства» и «Лесные пути сообщения».

На 133 страницах убористого рукописного текста шел обстоятельный и в то же время популярный рассказ о том, чем и как строить здания, как прокладывать лесные грунтовые, лежневые, подвесные, узкоколейные дороги. В предисловии к конспекту лекций Дмитрий Никифорович напишет. «В деятельности лесничего очень часто встречаются случаи, когда требуется познание из области инженерного искусства. Нужно ли построить курилку в лесу или смолокурную печь, небольшую лесопилку, дом для лесного сторожа или улучшить сплавную речку, загороженную в двух или трех местах порогами, или укрепить берега, подмываемые водою, проложить лесовозные дороги, без которых значительная часть лесов осталась бы вне эксплуатации, нужно ли осушить болото для той или иной цели - для всего этого лесничему необходимы познания из области инженерного искусства»²⁸.

Обращаться при каждой подобной работе к техническим специалистам в лесном ведомстве было не принято. Лесничие должны были уметь справляться с несложной строй-кой сами. В простой и убедительной манере Д.Н. Кайгородов рассказал своим студентам об основах инженерного искусства на лесных работах.

Кафедры, руководимые Д.Н. Кайгородовым, способствовали развитию лесопромышленного дела в стране. Благодаря специалистам, заканчивавшим Лесной институт, Россия преодолевала отставание от зарубежных стран. Лесная промышленность ее развивалась динамично с использованием передового опыта. В немалой мере тому способствовали выпускники Лесного института - ученики Д.Н. Кайгоро-дова.

Российское правительство с конца XIX века всячески поощряло развитие отечественной лесной промышленности. В 1865 году Лесной департамент выделил первые 10 тысяч рублей для организации лесозаготовок в лесничествах. Ассигнования эти ежегодно увеличивались. Лесничие стали осваивать профессию лесопромышленных подрядчиков и показывать пример образцовой организации лесозаготовок.

За период с 1864 по 1913 год капитальные вложения в лесную промышленность России увеличились с 4 до 162 миллионов рублей. Оборачиваемость их приближалась к единице. Ни одна другая отрасль хозяйства подобного не имела. В стране работало уже 49 крупных акционерных и паевых лесных товариществ, да еще множество мелких подсобных артельных и частных лесных предприятий при заводах, помещичьих имениях и лесоторговых учреждениях. Промышленные деревообрабатывающие объединения были, в основном, крупные, с числом работающих более 50 человек, с мощностью используемых двигателей бо лошадиных сил и более, объемом выпускаемой продукции на 100 тысяч рублей.

Ежегодный прирост производственных мощностей на них превышал 2 процента. Число лесопильных заводов в стране за время работы Д.Н. Кайгородова в Лесном институте увеличилось до 1272. На них работало уже 61 тысяча рабочих. Заводы выпускали более чем на 1 миллион рублей пиломатериалов. Производительность труда на лесопильных заводах возросла в 2,5 раза. Несомненная заслуга в этом была и преподавателей Лесного института, готовивших специалистов лесного дела.

Большое развитие получали в стране также кустарное производство и различные лесные промысловые артели. Хорошо развивались артели смолокуров по выработке смолы из пней и валежной хвойной древесины. Создавались производства мебельные, обозные. По данным земской статистики, кустарным промыслом по обработке дерева в европейской России в конце XIX столетия было занято полмиллиона человек. По данным Военно-статистического сборника за 1864 год, в 50 губерниях европейской России действовало всего 270 лесопильных заводов, главным образом, на водяных двигателях (на паровых двигателях работало всего 26 заводов) с 4 тысячами рабочих. В среднем на заводе было занято 14 рабочих, которые выпускали в год продукции на 15 тысяч рублей. По данным Э.Э. Керн, в 1887 году в России было уже 567 лесопильных заводов, на которых работало 15 тысяч человек. Они давали продукции на 17 миллионов рублей. Через десять лет производство возросло до 70 миллионов рублей²⁹. По данным фабрично-заводской статистики, в 1900 году в России существовало уже 1430 предприятий механической обработки древесины с 73 964 рабочими, в число которых входило около 55 тысяч рабочих лесопильных заводов. Стоимость пиломатериалов, выпускавшихся в России в 1901 году, уже составляла 62 процента от общей стоимости лесной продукции.

Увеличивается и лесной экспорт. К 1903 году он составлял 66 миллионов рублей, или около 8 процентов от стоимости всего российского экспорта. К 1913 году лесной экспорт возрос до 165 миллионов рублей, или 10,8 процента российского экспорта. За период с 1800 по 1913 год при общем увеличении экспортных поставок с 71 до 1520 миллионов рублей экспорт российского леса увеличился в 126 раз, а экспортная продажа хлеба - в 44. Англия покупала в России лесных материалов на 87, Германия - на 42, Голландия — на 26 и Франция - на 10 миллионов рублей. Древесина была одним из главных источников валютных поступлений, необходимых для закупки за рубежом машин и оборудования для создававшейся промышленности.

Д.Н. Кайгородов - постоянный эксперт и консультант создаваемых лесопромышленных производств. В 1889 году он выезжает в Казанскую губернию для исследования разработки дуба, в 1890 году участвует в новгородской кустарной выставке. Поездки на производство становятся частью его институтской работы.

В конце XIX - начале XX века российская лесная промышленность далеко шагнула вперед. Однако впереди предстояло еще сделать очень многое. Из общего объема заводского производства в начале XX столетия в 7,7 миллиона кубометров около 4,5 уходило за границу. Для внутренних нужд страны оставалось только 3,2 миллиона кубометров. Подавляющая доля потребности внутреннего рынка в пиломатериалах покрывалась за счет продукции, выпускавшейся вручную все на тех же «козлах».

Деревообрабатывающая промышленность страны в 1908 году имела всего 7584 строгальных, круглопильных, ленточных, токарных и других станков и 2913 специальных станков для производства клепки, древесной шерсти и другой продукции.

Деревообрабатывающих станков не хватало. Только треть заготовленной древесины перерабатывалась в фабрично-заводских условиях. Вместе с тем 1 пуд обработанного леса стоил 44 копейки, а необработанного - 28 копеек. Россия теряла на плохой переработке своего леса более 40 миллионов рублей в год. Балансов для варки бумаги продавали на 12 миллионов рублей, а завозили той же бумаги на 40 миллионов рублей. Свое машиностроение было еще плохо развито. Приходилось за деньги, вырученные от продажи бревен и досок, покупать зарубежные станки: быстроходные фрезерные, копировально-фрезерные, с гусеничной подачей и мощные строгальные (Инсен и Даль), пилорамы и оборудование фирм Вадкин, Райман, а также заточное оборудование, гвоздезабивочные автоматы и многое другое, что пока еще российская промышленность не выпускала. И тем не менее страна с оптимизмом смотрела в будущее. Годы, предшествовавшие Первой мировой войне, подтверждали реальность промышленного развития страны, о чем мы еще вспомним в последующих главах.

Д.Н. Кайгородова справедливо считают искренним другом леса, его «певцом». Дмитрию Никифоровичу принадлежат замечательные слова: *«И лес, весь лес, во всей своей совокупности, говорит нам о бесконечной мощности жизни, о безграничной ценности ее. Я хорошо знаю, почему снимаю шляпу, когда вхожу под свод леса. Как храм, стоит перед нами лес, неслышимый шум несетя из глубины его к нам, к тем высям, куда медленно, но верно поднимается жизнь».*

И вместе с тем, профессор кафедры лесной технологии Д.Н. Кайгородов не сомневался в том, что лесное хозяйство и лесная промышленность - составляющие единого общего дела, Подтверждал это и сотоварищ Д.Н. Кайгородова по Лесному институту профессор М.М. Орлов: *«Лесное хозяйство, - писал он, - возникает и развивается лишь при наличии потребления лесными ресурсами, при которых появляются заботы о необходимости иметь равенство между производством и потреблением. Основным экономическим фактором лесного хозяйства является потребность в лесных ресурсах, Прежде всего необходимо считаться с потребностями того населения, которое ближе к лесу. Наличие лесных ресурсов и потребность в них определяют принцип управления лесами. Без лесной промышленности не может быть лесного хозяйства»*³⁰, М.М. Орлов убеждено настаивал, чтобы съезды лесоводов и лесопромышленников проводились одновременно и создавали при этом смешанные общества и союзы.

Единомышленником Д.Н. Кайгородова и М.М. Орлова был их коллега по Лесному институту профессор А.Ф. Рудзкий. В своей книге «Руководство к устройству русских лесов» он писал, что *«леса становятся хозяйственными лишь с той поры, когда увеличивается народонаселение и с развитием промышленности является опасение за неистощительность их в будущем»*.

Лес по красоте своей и жизненной пользе, конечно же, «храм», но он и «мастерская», в которой люди должны быть работниками, работниками умелыми, рачительными. Этому учил замечательный русский ученый, основатель лесоинженерного дела в России и известный лесовод Д.Н. Кайгородов.

Ученый-лесовод Д.Н. Кайгородов

История науки - не история идей, а история людей, личностей, олицетворяющих идеи.

Н.И. Вавилов

Россия - страна лесная. С начала заселения ее территории славянами на протяжении почти тысячелетия у населения ее не было проблем с лесными продуктами. Народ смотрел на лес, как на собственность: каждый пользовался лесом там, где хотел, и так, как ему заблагорассудится. В XV-XVI столетиях на городских рынках в изобилии продавали лесные товары: дрова, лубье, дрань, лес, тес, доски, срубы, колодцы, колья, рогожи и даже гробы³¹. Н.И. Костомаров сообщает, что *в городах устраивались специальные лес-ные пристани и лесные рынки. Иностранцы же путешественники с удивлением замечали, что из лесных товаров, завозимых на лесные рынки, можно было построить целый город* (Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862).

С течением времени это необузданное пользование лесом, вернее, истребление его, конечно, ограничивалось государственной властью, но ограничение это было большей частью фиктивное, лес же на протяжении целых столетий продолжал таять все более и более. Результаты такого вольного пользования лесом ощутимо начали сказываться в XVII столетии. Население страны к этому времени сильно увеличилось и потребность в древесине резко возросла, тем не менее и тогда еще многие россияне надеялись быстро разбогатеть от продажи леса.

Казалось бы, вроде и хлопот никаких. Стоит только поехать в лес, прихватив с собою топор, навалить сколько потребуется деревьев, наготовить из них бревен, сплавить или свезти, куда следует, и продать. На деле оказывалось все значительно сложнее. Прежде чем положить в карман первый рубль прибыли, приходилось немало потрудиться, да со знаниями и навыками, которые имелись далеко не у каждого, построить дороги, определиться с рынком сбыта и если не переработать, то хотя бы обработать древесину. После рубки и о будущем лесе следовало подумать, поскольку вместо прежних ценных дубрав, сосновых боров и других ценных древесных лесов на вырубках появлялось дешевое мягколосье, а то и вообще - пустыри и болота.

Восстановление леса при неумелой рубке съедало большую часть полученной прибыли, расставаться с которой желания ни у кого не было. В результате всех этих причин на протяжении более двух веков (1695-1917) европейская Россия утратила почти третью часть своих лесов. В год страна теряла в XVIII веке от 203 до 233 тысяч а первой половине XIX - по 164 тысячи гектаров.

Правительство понимало, что если и дальше дело пойдет так, то через сто лет страна рискует остаться без своей богатой лесной шубы. Стало очевидным, что без науки, без специалистов невозможно толково распорядиться лесом. Таким образом, лесная наука и лесное образование в стране появились в результате насущной жизненной потребности государства. Уже в 1723 году в первой, изданной еще по указанию Петра I, вальдмейстерской инструкции предлагалось леса, приписанные к казенным уральским заводам разделить на 25 равных частей с таким расчетом, чтобы каждую часть рубили в течении 4 лет. При таких рубках через 100 лет уже можно было возвратиться на вырубку столетней давности со спелым лесом.

Правительство считало не занятые поместьями и крестьянскими общинами леса своими, казенными, и в первую очередь пыталось упорядочить в них пользование, а затем уже и приступить к расширенному воспроизводству лесов с помощью агрономических мер. Начало этих работ (упорядочение лесопользования) относится к XVIII столетию. В 1803 году в России было создано первое лесное учебное заведение, преподаватели которого готовили специалистов лесного дела и разрабатывали приемлемую для российских условий научную систему лесного хозяйства. Начальный период становления отечественного лесоводства занял несколько десятилетий. Достаточно сказать, что к плановому описанию лесов приступили в России только в 1840 году, когда было закончено лесоустройство Лисинской лесной дачи, закрепленной за Лесным институтом в качестве учебной. В 1842 году проводить лесоустроительные работы стали и в других казенных лесах, и лишь в 1845 году опубликовали первую лесоустроительную инструкцию, подготовленную Ф.К. Арнольдом. Называлась она *«Инструкция для таксационных работ в лес-ных дачах, избираемых для ведения правильного лесного хозяйства»*.

К этому времени относится и публикация первых, главным образом, переводных лесных учебников. Первые русские лесоводы учились оценивать леса по учебнику лесной таксации Баура и Кенига и по учебнику древоизмерения Кунца. Неприменимость зарубеж-ных методов хозяйства и учета леса для наших необозримых таежных лесов скоро стала очевидной. Неплохими считались книги немецких авторов в переводе Н.С. Шафранова *«Основание лесоводства»* Котты (1831), *«Лесовращивание»* Карла Гийера (1854), *«Посев и посадка леса»* Буркгарда (1876) и другие.

Но это были книги для Западной Европы, где лесные дачи практически просвечивали насквозь - с опушки на опушку. В России они хороши были для самых западных лесов. Так что в первой половине XIX века все лесоводственные знания, составлявшие при том достояние лишь весьма немногих русских людей, заимствовались из Германии и почти без всякой переработки переносились на русскую почву. Пришла настоятельная необходимость выработки своих собственных научных концепций и принципов в лесном хозяйстве. Следует отметить, что разработка их шла на фоне всеобщего подъема научной мысли в России.

Шестидесятые годы были годами расцвета науки. *«Во всей истории естествознания, - писал К. А. Тимирязев, - не найдется других 10-15 лет, в пределах которых изучение природы сделало бы такие дружные, одновременно и колоссальные шаги. Добавим к этому, что самые выдающиеся представители научного движения выступали сами со своими открытиями перед широкой публикой, положив начало небывалой до той поры популяризации науки»³².*

В 1894 году на IX съезде естествоиспытателей и врачей Тимирязев скажет: *«Небывалый, внезапный дружный подъем русской мысли, начиная с шестидесятых годов, в области точного знания..., в которой русские ученые не только догоняют, но уже поравнялись, а порою ведут за собою своих европейских собратьев, гораздо раньше их вышедших на работу»³³.*

История научного отечественного лесоводства в России сравнительно невелика. Фактически ей не более полутора столетий, если не считать предпосылок, заложенных еще при М.В. Ломоносове.

Первопроходцами российской лесной науки оказались замечательные наши ученые Арнольд, Варгас, Зобов, Собичевский, Семенов, Генко, отец и сын Теплоуховы, Рудзкий, Вереха, Шафранов, Добровлянский, Турский, Кайгородов, Силантьев и другие. Уже к концу XIX столетия им удалось заложить прочный фундамент самобытного российского научного лесного дела, на котором быстро стало воздвигаться стройное здание прикладной науки, основанной на непреложных законах наук естественных, математических и политико-экономических. Лесное хозяйство трудами русских ученых определилось как самостоятельная отрасль, производящая древесину и организующая эксплуатацию накопленных древесных запасов на основе восстановительных процессов. Их труды явились теми корнями, на которых выросла современная лесная наука и практика. Они оказались учителями и научными наставниками нового поколения управленцев, ученых, производственников, определявших российское лесное дело XX столетия.

Это те, кого мы называем сейчас своими учителями, корифеями современной лес-ной науки: Г.Ф. Морозов, М.М. Орлов, Г.Н. Высоцкий, В.Д. Огиевский, В.Н. Сукачев, М.Е. Ткаченко и другие. Ученые эти положили начало изучению русских лесов, по существу своему вытекающему из учения современных для их времени научных достижений в лес-ной, сельской и других смежных отраслях науки, в том числе работ В.В. Докучаева, К.А. Тимирязева и других российских и иностранных деятелей науки. Они усовершенствовали методику оценки лесов, дали теоретическое обоснование лесоразведению, уходу за лесом, лесной экономике и лесоэксплуатации. Русская научная лесная школа исходила из географических, климатических и экономических особенностей России. Особенно актуальными были географические и климатические особенности российского леса, обладающего большим разнообразием биологического потенциала. В отличие от западноевропейских лесов, на территории России присутствуют ареалы очень низкой, низкой, пониженной, средней, повышенной, высокой и очень высокой продуктивности.

Для каждого из этих ареалов надлежало разработать свою систему хозяйствования. Кстати, на это обратил внимание при фенологических своих исследованиях Д.Н. Кайгородов. Фактически он одним из первых высказал мнение о том, что лес - понятие географическое. Более обстоятельно и глубоко впоследствии исследовали эту проблему ученики Д.Н. Кайгородова - Г.Ф. Морозов и В.Н. Сукачев.

Высказывал Д.Н. Кайгородов и мнение о различиях в биологической продуктивности в пределах климатических и географических зон. Ель, так же как и сосна, может быть ветровальной и ветроустойчивой в границах одного участка леса. Теневыносливость деревьев тоже понятие относительное. Уже в 80-х годах XIX столетия лесоводы заметили, что на недостаточно влажных почвах ель становится настолько требовательна к свету, что о ее теневыносливости и речи не может быть. Светлюбивая же сосна, как писал Рудзкий, в условиях жаркого климата Бузулукского бора сторонится солнцепеков и растет хорошо по затененным склонам. На открытых же местах самосев ее погибал от излишка света³⁴. В заслугу Д.Н. Кайгорода как ученого лесовода (о вкладе Дмитрия Никифоровича в лесоинженерное дело мы говорили в предыдущей главе) следует отнести разработку лесоводственных принципов лесопользования. Острота этой проблемы в XIX столетии определялась прежде всего чрезмерными рубками, не соответствующими лесосырьевым запасам отдельных регионов. По этому вопросу Д.Н. Кайгородов высказывался и на съезде лесных хозяев и лесничих в 1882 году: «Какие можно было бы рекомендовать Правительству меры, немедленное принятие которых, хотя бы отчасти, могло задержать быстрый ход лесоистребления и отворотить те бедственные последствия, которыми оно угрожает благосостоянию России. В первую очередь это:

1. Немедленно выявить особо ценные леса.
2. Передать их в собственность государства.
3. До издания Лесоохранительного закона запретить рубку в ценных лесах.
4. Приступить к лесовосстановлению лесоохраняемых лесов.
5. Запретить отчуждение лесов из государственной собственности».

В своих работах Д.Н. Кайгородов неоднократно упоминает и об экономических аспектах лесопользования, в том числе о том, что, пользуясь лесом, иногда приходится допускать какие-то погрешности, но при этом важно знать, во что впоследствии они обойдутся. Ущерб следует свести к минимуму, иначе расходы на восстановление естественной продуктивности леса окажутся больше полученной от продажи древесины выгоды. Указывал Кайгородов и на экономическую взаимосвязь рубок с лесовосстановлением: лес, выросший в хороших условиях произрастания, дает больше лесного товара, но и лесовосстановление в таком лесу может оказаться намного дороже.

Примечательны слова Д.Н. Кайгородова о тех трудностях, которые ожидают лесовода в его намерениях изменить естественную продуктивность леса, поскольку, по его словам, *«ландшафт стремится возвратиться к прежнему своему состоянию»*. В определенной мере подтвердил это и известный русский ученый Тимирязев, отмечавший, что земледelec, намеревающийся удвоить урожай на своем поле, должен позаботиться о том, чтобы удешевить на нем капиталовложения. Применительно к лесу эти выводы ученых подтверждали необходимость рационального использования тех лесных продуктов которые уже лес произвел. Надежды на получение лучшего урожая в следующем поколении окажутся реальными только при значительных дополнительных затратах на лесовыращивание. Наука призвана сделать труд более производительным.

Несомненную ценность представляют научные работы Д.Н. Кайгородова по древесиноведению. Как инженер-технолог он интересовался качеством древесины в зависимости от породного состава, условий произрастания насаждений, места древеси-ны в дереве. Лучшими породами деревьев для построек считаются сосна и ель, но сосне отдавалось предпочтение Лиственница и дуб ценились за прочность древесины, но они тяжелы и трудны в обработке. Их следует применять там, где требуется особая прочность. Однако даже в одном лесу нет деревьев с одинаковыми биологическими и техническими свойствами. Даже в пределах одного ствола качество древесины неоднородно.

Дмитрий Никифорович видел глубинную органическую взаимосвязь между логикой исследователя природы и эстетическим чувством ценителя ее красоты. Впоследствии это подтвердит К.А. Тимирязев в своей статье «Наука», в которой он дал анализ всякой плодотворной, сознательной научной деятельности. Она, по его мнению, слагается из трех элементов: творчества поэта, диалектики философа и искусства исследователя. Но если и поэтическое творчество опирается на обширный запас наблюдений, то это несомненно характерно и для научного творчества. Только на основе фактов можно прийти к обоснованному научному выводу.

Не случайно Д.И. Менделеев не испытывал без «поэтической струи жизни» ни полно-ты счастья, ни удовлетворенности своей научной работой.

Д.Н. Кайгородов в одной из своих статей напишет, что леса приносят пользу обществу не только своими продуктами, но и влиянием на климат и плодородие почвы, они способствуют росту и развитию других видов культур, обладают социальным значением. Тем самым Кайгородов предопределил развитие нескольких направлений современной лесной науки и практики: лесной экологии, защитной роли леса, агролиорации, лесной рекреации.

Д.Н. Кайгородов считался одним из лучших лекторов Лесного института. Постоянно выступал он с лекциями и на Бестужевских курсах, и в Педагогическом музее и других общественных аудиториях. Для профессора Лесного института это было очень важно. Дело в том, что события, о которых идет речь, происходили еще в то время, когда в России немало было экономических проблем. Минерального топлива в расчете на 1 жителя Россия потребляла в 8 раз меньше, чем Германия, и в 17 раз - чем Англия и Америка. Главным же недостатком российской действительности, препятствующим ее хозяйственному и культурному развитию, по-прежнему оставалась малограмотность народа. Число обучающихся в средних учебных заведениях хотя и росло из года в год, но в пересчете на 1 тысячу составляло всего 21 человек. Среди стран, относящих себя к просвещенным, показатель этот был, пожалуй, одним из самых низких. По данным на 1902 год³⁵, на 1 тысячу жителей в США училось 230 человек, в Швейцарии - 167, в Германии - 158, в Англии - 155, во Франции - 146, в Италии - 89, в Болгарии - 52 человека.

Одно из важнейших направлений приобщения населения страны к знаниям передовые люди России видели в контакте со слушателями. В «народ» шли лучшие представители дворянства и разночинной интеллигенции не с призывами к свержению правящего строя, а со словами любви и справедливости. *«Культура начинается там, где начинается любовь, где возникает привязанность, где взгляд человека, неопределенно блуждавший повсюду, на чем-нибудь останавливается и уже не ищет отойти от него, - утверждал писатель и философ В.В. Розанов. - Предметом любви может быть все, в меру духовных даров того, в ком культ. Им может быть земля, с любовью и вниманием возделываемая, когда человек смотрит на нее, как на «кормилицу» свою, детей своих, своих предков, когда бесплодие земли он считает себе наказанием Божьим; и напротив, человек дик, бескультурен относительно земли, когда поступает с ней, как хищник, ворующий ее дары и с ними убегающий на другое поле, чтобы также обокрасть и его, обесплодить и бросить»³⁶.*

Только знания и культура могут создать народу условия для нормальной жизни. Овладев ими, народ сам найдет способы, как улучшить экономическое и нравственное свое состояние,

«Все «проклятые вопросы» русской жизни, если поразмыслить непредвзято, могут быть решены только одним путем - повышением общеобразовательного уровня народа», - считал В.В. Розанов. Д.Н. Кайгородов полностью разделял эту мысль.

Среди первых российских просветителей были многие известные писатели, поэты. В.Ф. Одоевский своими опубликованными в «Сельском чтении» в 1840 году статьями фактически открыл эпоху российского просветительства. Желающих выступить перед народом с публичными лекциями и беседами о последних достижениях науки, искусства с каждым годом становилось больше. Был среди них и Д.Н. Кайгородов, После первой публичной лекции 1872 года он выступает постоянно, а с 1878 года читает их в лучших просветительских аудиториях Соляного городка. Среди архивных документов тех лет сохранились разрешения на кайгородовские лекции. В январе 1891 года Санкт-Петербургский градоначальник уведомил директора Педагогического музея, что Министерство внутренних дел согласно с предложением сельскохозяйственного музея о прочтении Д. Н. Кайгородовым цикла лекций «*О явлениях весеннего прилета и осеннего отлета птиц*» по прилагаемой программе³⁷, В 1898 году Министерство внутренних дел сообщает губернатору о том, что не встречает со своей стороны препятствий к удовлетворению его ходатайств о разрешении прочесть профессору Д.Н. Кайгородову лекции на тему «*Наши знакомые пернатые гости*» в Педагогическом музее и просит сообщить об этом его директору.

Вместе с тем, самая большая научная и просветительская работа Д.Н. Кайгорова связана с его фенологической деятельностью.

Отец русской фенологии

Судьба народа определяется природой, поскольку пользование ею и есть жизнь.

В.О. Ключевский

Общение с природой есть самое аффективное средство для приобретения знаний.

Д.Н. Кайгородов

Как не вспомнить героя Франсуа Рабле Гаргантюа, который, тщетно попытавшись найти истину с помощью учителей-схоластов, в конце концов ушел от них и сам стал наблюдать природу, совершая прогулки по полям и лесам, собирая растения и составляя гербарии. Почерпнул он при этом для себя больше, чем в беседах с учеными наставниками. *«Природа единственная книга, - писал Гете, - каждая строка которой полна глубокого содержания»*. Изменения в ней сопровождают нас с настойчивой постоянностью. Один сезон года меняет другой, а вместе с ними меняются температура воздуха, сила ветра, долгота дня, количество выпадающих осадков. Вся жизнь идет по заранее определенному кругу. В определенное время и в установленной природой очередности зацветает в центральной европейской России мать-и-мачеха, через неделю после нее - ольха, спустя 10 дней - белая ветреница, через 20 дней - сурепка и одуванчик. С той же очередностью прилетают и улетают птицы, пробуждаются от зимней спячки животные. Все идет в соответствии с *«законом постоянства в порядке сезонных явлений»*, хотя, возможно, и с некоторым смещением по срокам на несколько дней. Проследив этот *«сезонный порядок явлений»* на протяжении какого-то продолжительного времени, затем уже можно вполне уверенно, с ошибкою в несколько дней, предугадать, когда грачи прилетят, жаворонки запоют и земля будет готова к закладке очередного урожая. Появились на полях белые трясогузки - значит, скоро освободятся реки ото льда. Прилетят черные стрижи - жди приближения теплого воздуха. Начали летать деревенские ласточки - готовься к посеву яровых. Через 70 дней после прилета грачей зацветет, запылит сосновый бор. Цветет осина - бери корзину и отправляйся в лес за сморчками. Заколосилась рожь - в лесу проскочил первый слой белых грибов. Калина обрядилась щитками соцветий - нерестится лещ.

Зацвела липа - значит, вершина лета, самое теплое время года, идет второй слой белых грибов. Подернулся розовыми лепестками вереск – значит лету, скоро конец. И так для каждого времени года! В обыденной жизни для многих из нас четыре сезона года, весна, лето, осень и зима. Для тех же, кто связан с сельским и лесным хозяйством, их могут быть десятки. В Подмосковье, например, земледельцы выделяют 14 подсезоний года: снеготаяние, оживление весны, разгар весны, предлетье, начало лета, полное лето, спад лета, начало осени, золотая осень, глубокая осень, предзимье, перевозимье, коренная зима и перелом зимы. У каждого из этих подсезоний свое лицо: свои погодные условия и свои условия жизни растений и животных.

Для горожан сезонные изменения в природе, возможно, не более чем привычные детали уикенда, конца рабочей недели, а для сельских жителей - факторы, определяющие саму жизнь. Земледельцу важно знать, когда следует ожидать весну и начинать сельскохозяйственные работы, когда наступит время созревания трав и хлебов, наступят лучшие сроки уборки урожая и время возможного появления вредных насекомых. Во всем этом помогут систематические наблюдения над природой. Информация, полученная при таком наблюдении, помогает определиться со сроками внесения в почву удобрений и борьбы с сорняками. Интродукция - расширение ареала произрастания растений - также планируется с помощью предварительных наблюдений за сезонными изменениями в жизни природы

По образному выражению знаменитого полевода Терентия Семеновича Мальцева, растениеводство - это своеобразная игра с Природою в шахматы. Первый ход всегда за Природой. Она определяет «игру» неожиданностями с погодой: температурой воздуха, почвенным температурным режимом, количеством осадков, их распределением по временам года. Природа - хозяйка положения. Она ставит земледельца перед самыми, казалось бы, безвыходными обстоятельствами: заморозками, засухами, переувлажнениями, ветрами. *«Нигде, быть может, ни в какой другой деятельности, - писал К.А. Тимирязев, - требуется взвешивать столько разнообразных сведений, нигде увлечение односторонней точкой зрения не может привести к такой крутой неудаче, как в земледелии»³⁸.*

Вся хозяйственная деятельность складывается под влиянием многочисленных и разнообразных условий, из которых важнейшую роль играют условия местности и климата. От них зависят в значительной степени возникновение и развитие местных промыслов и установление связей между отдельными производствами и формами промышленности. Экономическое положение страны определяется прежде всего ее естественными условиями. Склад народнохозяйственной жизни держится на них и даже характер народа образуется под их воздействием.

Непростую «игру» приходится играть человеку с Природой! Преимущество его в этой игре если и есть, то в знании ее законов, в умении предвидеть «каверзы» природы и профессионально отражать всякого рода природные неожиданности. В среде у лесоводов знание законов Природы особенно важно, поскольку промежутки между ходами в «шахматной партии с Природой» при лесовыращиванию особенно велики и, ошибившись с принятием решения, придется ждать десятилетия для исправления ошибки. Возможность очередного хода может оказаться уже не у них, а у их преемников. Поэтому изучать законы природы лесоводам приходится еще более добросовестно, чем обычным земледельцам.

Профессиональное умение в сельском и лесном хозяйстве начинается с изучения климатических, почвенных, гидрологических условий, в которых специалистам приходится работать. Изменения же в погоде важно знать всем. От этого любое производство и самочувствие людей.

Погодные явления, между тем, имеют определенную периодичность. Неожиданности в погоде случаются редко. Случайные изменения в температуре воздуха, почвы, количестве выпадающих осадков и другие погодные факторы обусловлены скорее климатической зоной и аномалиями в атмосфере, чем сезоном года. В умеренных широтах повышение или понижение температуры, увеличение силы ветра и его направление, количество выпадающих осадков происходят, с некоторыми колебаниями, ритмично в зависимости от времени года.

Собственно, наблюдением и изучением природных явлений и занимается наука, именуемая фенологией, «Фен» - явление, «логия» - наука, в научном определении, фенология - это раздел биологических наук, изучающий закономерности характера и темпов годового цикла живой природы. Она рассматривает связанные с ними периодические явления жизни растений и животных. Погодные явления - главная составляющая фенологии. С позиций современной биоценологии фенологию можно определить как науку о закономерностях сезонного развития биоценозов и их компонентов (растений и животных) в связи с изменением климата и под влиянием экологических факторов: эдафических (почвенно-грунтовых), биотических (растений и животных) и антропогенных (человеческих).

Погода - главная составляющая фенологии. По определению ученых, это состояние атмосферы в рассматриваемом месте в определенный момент времени. Погода характеризует совокупное значение метеорологических величин: атмосферного давления, температуры, влажности воздуха, облачность, направление и силу ветра, количество атмосферных осадков, продолжительность солнечной радиации и других метеорологических факторов. От них зависит рост растений. Они определяют климат, который, опять же по заключению ученых, есть многолетний режим условий погоды, свойственный той или иной местности и обусловленный ее географическим положением.

Став существом разумным, человек уже начал вникать в ход развития фаз окружающих его растений. Не могли уйти от внимания человека и периодические явления из жизни птиц и зверей. Тысячи лет назад уже следили за природой египетские и китайские жрецы. Они внимательно следили за периодичностью разливов рек, наступления засух. Накапливая наблюдения из поколения в поколение, обнаруживали определенные закономерности в жизни природы.

Сохранялись сведения о важнейших природных явлениях в народной памяти - в его фольклоре, в древних записях. Летописцы отмечали время распускания листьев у деревьев, начало цветения, созревание трав, начало полевых работ и сенокосения, прилет птиц, первую песню соловья, жаворонка, вылет пчел.

Стремление увязать время года с фазами роста растений и жизнью животных характерно для старинных сельскохозяйственных китайских календарей. Славянские календари, кстати, тоже основаны на фенологических наблюдениях.

У славян апрель - цветень (цветение садов), май - травень (обильный рост травы), июнь - червень (краснеют вишни), июль - липень (цветение липы), август - серпень (жатва серпом хлебов), сентябрь - зарев (ревут олени, начало гона). В названии каждого месяца нетрудно угадать основную особенность того или иного времени года - его фенологию.

Даже политики отдавали должное важности природных явлений в повседневной жизни народа. Один из руководителей Великой французской революции Жильберт Ромм (1751-1795), тот самый Ромм, который был первым воспитателем юного графа Павла Александровича Строганова, а затем «осужденный за то, что стоял на революции» и, чтобы избежать казни, проткнул себе сердце карманным ножом, до этих трагических событий изобрел фенологический календарь. В основу республиканского календаря Национального конвента Жиль-берт Ромм взял природные явления: жерминаль - месяц прорастания, флореаль - месяц цветения, прериаль - месяц лугов, мессидор - месяц жатвы, термидор - месяц жары, фрюктидор - месяц плодов, вандемьер - месяц сбора винограда, брюмер - месяц тумана, фример - месяц заморозков, нивоз - месяц снега, плювиоз - месяц дождя и вентоз - месяц ветра.

Многие тысячелетия наблюдали люди за природными явлениями, не задумываясь об их научных истоках, полагая, что на все есть воля Божия.

Систематические научные наблюдения за сезонными природными явлениями начались в XVIII столетии. К числу первых фенологов в Англии относят семью Маршам. Она следила за перелетом птиц с 1737 года. С 1769 года в Германии фенологией занимается Готфрид Рейтер. В числе основоположников науки фенологии считают Ренэ-Антуана Реомюра (1683-1757) - французского физика, основателя научной термометрии. Он положил начало наблюдениям за развитием растений в зависимости от температуры. Благодаря ему появился в фенологии математический критерий объективных фенологических исследований.

Дело Реомюра продолжили ботаник М. Адамсон (1727-1806) и аббат Котт (1740-1815). Через 50 лет к учету «суммы температур» независимо пришел Г.Э. Розенталь (1745-1815). Много занимался изучением «суммы температур» основатель научной агрономии Буссенго (1802-1887). Ботаник Гризенбах (1814-1879) основал географию растений при определении климатических границ методом «суммы температур». А. Декандоль (1806-1893) подробно развивал учение о «сумме температур».

В России начало фенологии как науки, то есть осмысленного подхода к наблюдениям за природными явлениями, можно отнести также к началу XVIII столетия. Тогда Петр I сделал для А.Д. Меншикова специальное предписание: *«Когда деревья станут раскидываться, тогда велите присылать нам листочки оных, понедельно наклеивавши на бумагу, с подписанием чисел дабы узнать, где раньше началась весна».*

Случилось это в 1721 году, то есть на 27 лет прежде, чем швед Кард Линней приступил в Упсальском саду к наблюдению за развитием растений и ходом погоды. И все же оставим приоритет начала фенологических наблюдений за Карлом Линнеем, поскольку, в отличие от А.Д. Меншикова, он все же был в проводимых исследованиях последовательнее светлейшего князя. К тому же Линней работал уже не один. Он успел раньше других создать фенологическую сеть из добровольных корреспондентов которые в разных местах страны отмечали сроки распускания почек, цветения, созревания плодов и опадания листьев. Свои взгляды на периодические явления Линней изложил в знаменитом труде «Философия ботаники».

Тем не менее, русские ученые внимательно относились к фенологическим наблюдениям. К числу начинателей российской фенологии нельзя не отнести и Андрея Тимофеевича Болотова. Живя подолгу в тульской деревне, он внимательно следил за изменениями, происходящими в природе, изложив их в трех больших рукописях. Первая «Письма о красотах природы» посвящена ранней весне: первой тали (проталине), оживлению трав, прилету птиц. Вторая рукопись включает снеготаяние, третья - остальное время года. В каждой из них А.Т. Болотов подчеркивал связь вегетации растений с сезонными изменениями в природе.

Нельзя не назвать среди корифеев отечественной фенологии директора петербургского Аптекарского огорода И.П. Фалька и академика П.С. Палласа, регулярно наблюдавшего за сезонной «ритмикой» в природе уже с 60-х годов XVIII столетия. В XIX веке фенологические наблюдения в России получают глубоко научное осмысление. Преподаватель Московской земледельческой школы, автор одного из первых учебников по лесоводству Н.И. Анненков, наблюдая за растениями в Подмоскowie, отмечал сроки облиствления, появления первых бутонов и цветов, отцветание, плодоношение, пожелтение и опадение листьев и вторичное цветение. Сведения Анненкова получили известность и за рубежом.

Призыв к установлению широких наблюдений за природными явлениями в России был опубликован в «Журнале садоводства» в 1838 году: *«Пусть любители садоводства по разным климатам примут на себя легкий труд - наблюдать развитие произрастания растений...»*

При сборе данных о сезонном развитии московской флоры академик В.И. Палладин (1859-1922) установил в нашей фенологической науке основную ее задачу - выявление зависимости между развитием растения и ходом температур, необходимых для годичного цикла роста их и развития, то есть прохождения полного вегетационного цикла. Продолжительность была установлена индивидуально для каждого вида растений.

Ход погоды в году непременно отразится на сроках наступления фенологических фаз. Фазы развития наступают лишь после усвоения растениями определенного количества солнечной энергии. При обилии тепла фазы начинаются быстрее, при недостатке - медленнее. Черемуха может зацвести и в середине мая, а при холодной весне ее цветы могут опоздать на неделю-две и даже месяц. Единственно, что постоянно, так это последовательность и очередность наступления фенологических фаз. Черемуха зацветет никак не раньше, чем на 28-й день после пыления орешника-лещины.

При учете «суммы температур» и сейчас не все до конца изучено. Уже в середине прошлого столетия Ю. Сакс обращал внимание на серьезные погрешности этого показателя. Критиковал его и наш российский ученый Н.А. Максимов, который тоже считал, что необходимо уточнение научной сущности показателя «суммы температур», поскольку теория развития организмов исходя из этого показателя решается не полностью. И все же наблюдения эти имели неоспоримое практическое значение для земледельцев.

Таким образом, фенология как наука имеет право отметить в нашей стране даже более чем двухвековой юбилей. Тем не менее, официальной датой начала фенологии в России считают 1845 год. Академик В. П. Каппен, много наблюдавший за сезонным развитием растений в Крыму, в тот год обратился в Академию наук с предложением о создании в России сети регулярных наблюдений. Весною 1847 года член Географического общества, профессор политической экономии Петербургского университета В.С. Порошин предложил организовать сбор сведений по географии сельскохозяйственных культур и периодических явлений в природе, определяющих условия земледелия. В 1848 году уже появилась подробная инструкция по сбору фенологических сведений, составленная А. Кегле, которые публиковались в ботанических бюллетенях в России и за рубежом.

Появились энтузиасты сбора фенологических данных: в Кишиневе - А.Д. Денгинк, в Умани - В. Поггенполь, в Петербурге - Ф. Гердер и К. Линсер. В становлении научной фенологии участвовали Боде, Могульский, Мерклин, Гердер. Нельзя не назвать также имена русских ученых: Клоссовского, Броунова, немало сделавших для развития фенологии в России. Большой вклад в ее развитие внес известный русский ученый А. И. Воейков, который в своих трудах настойчиво проводил мысль о взаимной связи метеорологических и фенологических наблюдениях.

После доклада В.С. Порошина о необходимости проведения и сбора фенологических наблюдений, Русское географическое общество направило в 1848 году в российские губернии программу фенологических наблюдений по гидрометеорологии, ботанике, зоологии, сельскому хозяйству, а с 1851 года начало их публикацию. С этого же времени в российской печати появляются систематические сообщения и научные статьи по этому вопросу. Среди них особенно интересной была работа В.П. Каппена анализировавшего значимость проводимых наблюдений для российской науки и практического земледелия.

Начиная с 80-х годов XIX столетия к фенологическим наблюдениям подключилась Метеорологическая комиссия Российской академии наук. Начали создаваться добровольные метеорологические станции. В 1889 году одна из них была организована и в Лесном институте, а несколько позже - и в опытных лесничествах.

В стране создавалась фенологическая сеть. Сначала в ней состояло 40-50 корреспондентов. Для огромной страны, да еще с таким суровым климатом, как в России, это, конечно же, очень мало³⁹. Вместе с тем, известно, что чем суровее климат, тем точнее, предметнее должны быть знания о жизни природы в конкретной местности. Для России, где треть территории страдает от засухи, а треть - от недостатка тепла, фенологические исследования и сложны, и трудоемки. Они нуждаются в огромном числе наблюдений, неоднократно проверенных сведениях. Для получения их необходим огромный физический труд, терпение, готовность делать черновую научную работу, изучать и накапливать факты. Однако изучая, экспериментировав, нельзя оставаться на поверхности фактов. Необходимо проникать в тайну их возникновения, искать законы, ими управляющие. Таким образом, воплощать фенологические исследования в науку в России из-за огромных территорий сбора наблюдений и дефицита квалифицированных наблюдателей-исследователей оказалось значительно труднее, чем в западноевропейских странах. Установить наблюдения на обширных российских пространствах удастся только с помощью огромного числа опытных, квалифицированных и преданных делу ученых-энтузиастов.

Наука может занять принадлежащее ей по праву место в стране при условии, что ее достижения получают самое широкое распространение в народе. Именно профессору Лесного института Д. Н. Кайгородову удалось в области фенологии сделать науку массовой, приобщить к ней тысячи простых граждан страны. С 1883 года он становится одним из главных организаторов и исполнителей фенологических наблюдений в России.

С их помощью на протяжении всей своей сознательной жизни Д.Н. Кайгородов стремился глубже понять природоведческие принципы как надежную основу как ориентир для построения цельного и стройного учения о природных явлениях. Фенолог - прежде всего ученый исследователь, а не любопытный наблюдатель. Он должен вступать в общение с природой силою своего ума, логики, попытаться получить ответы на свои вопросы, понять тайны природы, с помощью которых легче станет противостоять произволу стихии, вызывать, прекращать, видоизменять или направлять жизненные явления в интересах дела. Свою задачу в сборе фенологических данных Д. Н. Кайгородов видел в точном описании этих явлений, в стремлении объяснить их и по возможности воспользоваться своими знаниями в хозяйственной деятельности.

Кроме того, наблюдение за природными явлениями является прекрасным средством познания жизни. Без естествознания, писал Герцен, почти невозможно воспитать действительно мощное умственное развитие. *Между логикой исследователя природы и эстетическим чувством ценителя ее красоты*, писал Тимирязев, *имеется внутренняя связь*. Так что предпосылок для массовости, всенародности занятий фенологией более чем достаточно. Д.Н. Кайгородов умело их использовал. Благодаря его научной проницательности и исключительным организаторским способностям фенология в нашей стране сравнительно в короткий срок по уровню научного обеспечения, а главное, размаху работ, количеству наблюдателей природных явлений оказалась ведущей в мире. Фенологическая комиссия, которой руководил Д.Н. Кайгородов, усовершенствовала программу наблюдений. В российских губерниях появляются фенологические центры, увязывавшие свою работу с главным петербургским центром.

Началу создания кайгородовской фенологической сети положила публикация Дмитрия Николаевича в 1883 году в газете «Новое время» с просьбой присылать сообщения о фенологических наблюдениях и сроках перелета птиц. Аналогичные объявления появились затем в журналах «Русь», «Родина», «Нива». Публикуются замечательные книги Д.Н. Кайгородова из жизни зеленого и пернатого царств, которые также привлекают к нему симпатии и вызывают желание к сотрудничеству.

Конечно, все это смог сделать только очень одаренный, талантливый человек. К многочисленным дарованиям Д.Н. Кайгородова можно отнести его организаторские способности. Именно они дали ему возможность привлечь к своему делу огромное количество добровольных помощников и превратить науку фенологию в общенародное дело.

Всенародное дело

Даже обычные фенонаблюдения - это начало творчества. Много маленьких людей во многих местах могут сделать большое дело.

Д.Н. Кайгородов

Д.Н. Кайгородов был исключительным энтузиастом фенологии. Он лично провел десятки тысяч наблюдений.

Фенология для Д.Н. Кайгородова была частью его жизни. Для нее у него не было ни часов занятий, ни времени отдыха. Вот письмо его к брату Нестеру Никифоровичу от 25 мая 1889 года из Севастополя, где в то время Дмитрий Никифорович проводил отпуск: *«В Байдарской долине спугнул около дороги две небольшие стайки зябликов. Видел их одинокими и парочками. Наблюдал черных дроздов у репейников; пролетали и немного щебетали щеглы; показалась сойка; чирикали возле жилья воробьи. На днях схожу на Херсонский маяк узнать, не начался ли пролет птиц - они там ведут наблюдения»⁴⁰.*

И это записи человека, приехавшего за тысячи верст от дома отдохнуть, развлечься!

Или вот письмо Д.Н. Кайгородова к академику М. А. Рыкачову. Письмо деловое. И здесь же восторженное замечание: *«Вчера слышал вблизи нашего пруда квакшу!»*. Это значит скоро зацветет мать-и-мачеха, зазеленеют озимые, зацветут осины. На лесных лужайках появятся нежно-голубые, белые и желтые перелески, ветреница белая, именуемая в народе подснежником. А там уже и май на дворе! Покроются листвою деревья, поднимутся травы, на лесных прогалинах зацветет милостивая светло-лиловая хохлатка, а на низинах - одуванчик, лютик золотой, фиалка болотная. Зацветает один из лучших весенних медоносов - медуница. В садах уже цветут местные ягодные кусты: смородина, крыжовник. Распускает белоснежные цветы черемуха, наполняя округу благоухающим своим ароматом. Вот что значит услышать квакшу у золотого пруда.

Гете, по чудесному выражению поэта Баратынского

*Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье. .*

«Чувствовал трав прозябанье», понимал их тайный смысл и Д. Н. Кайгородов. Цветы, кстати, стали не только предметом первых его фенологических наблюдений, но и первой темой его общественной лекции в Обществе любителей просвещения Охтинского порохового завода. Тема эстетической радости от наблюдения за природой прошла через всю жизнь п И. Кайгородова.

В Трудах Лесного института были опубликованы *«Таблицы зацветания 35 древесных и кустарниковых пород в парке института»*. Сбирал Д.Н. Кайгородов эти сведения с 1860 по 1915 годы. Там же опубликован *«Опыт исследования хода весеннего наступления движения кукушки, грачей и белого аиста»*. На подготовку этих работ у Д.Н. Кайгородова практически ушло полстолетия. Это лишь часть собранных им материалов. Однако основные фенологические наблюдения были проведены, как уже отмечали, с помощью огромного количества любителей. Д.Н. Кайгородову удалось эти наблюдения превратить в увлекательный творческий труд тысяч простых людей.

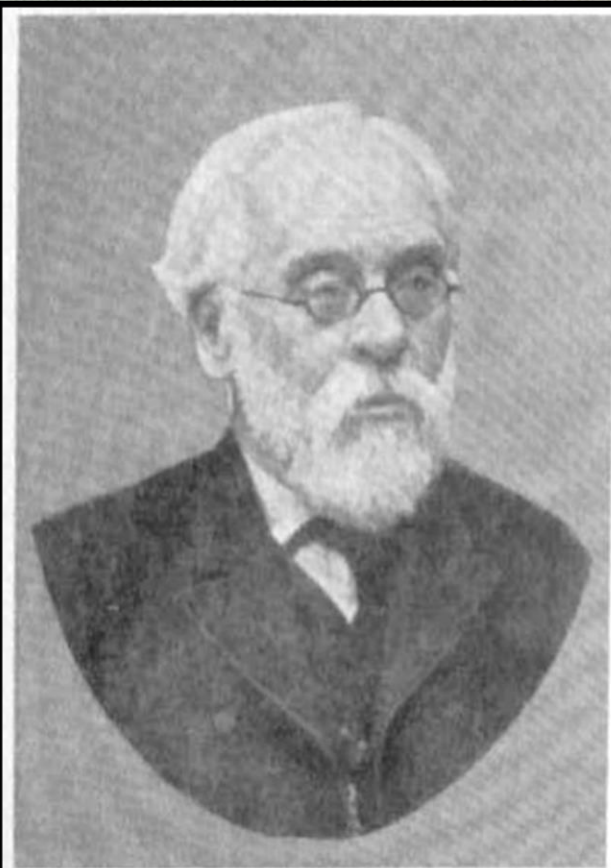
Обычные собственные наблюдения за природой Дмитрий Никифорович с помощью увлекательных очерков приблизил к искусству, передавая свои чувства другим в эстетической форме. Просто и непринужденно беседует Д.Н. Кайгородов с каждым из своих корреспондентов в письмах и очерках, как бы приглашая читателей взглянуть на природу внимательнее и попытаться заметить в ней то, мимо чего раньше проходили равнодушно. Он как бы спрашивал между строк: *«А как у вас? Когда у вас начинает таять снег? Когда прилетают птицы? Появились ли первоцветы? Начинается ли уборка урожая?»*

«Увидевший прекрасное, становится соучастником его создания», - писал Кристиан Боуви (1820-1904). *«Меня радовало, - признавался Гете, - что поэтическое искусство и сравнительное естествознание находятся в столь близком родстве, подчиненные одной и той же способности суждения»*⁴¹.

Конечно, бесконечное эстетическое богатство природы объективно и оно служит постоянным источником соответствий, которые человек обнаруживает между собою и природой. *«Творчество природы определяет творчество человека, ... оно сохраняется теми же запасами, что и вечное воспроизводство жизни на земле»*, - утверждал М.М. Пришвин.

Естественно, закономерно стремление человека заглянуть в глаза Природе. Творцом прекрасного чувствовал себя каждый кайгородовский корреспондент-наблюдатель. В удовлетворении же чувства прекрасного есть несомненная практическая, экономическая польза, так как при этом человек становится гораздо более способным к работе, производящей материальные ценности, справедливо отмечал Д.Н. Кайгородов.

Созданная Д.Н. Кайгородовым сеть корреспондентов-любителей, постоянно наблюдавших за природными явлениями в стране, из года в год увеличивалась. Уже в начале столетия фенология в России стала поистине всенародным делом. Особенно много помощников у Дмитрия Никифоровича оказалось в школах. Ею занимались тысячи людей разных профессий и возрастов. Среди корреспондентов и адресатов Д.Н. Кайгородова, интересующихся фенологией, - К.Э. Циолковский, А.Г. Столетов, И.А. Стебут, А.А. Тилло, братья Чайковские, Э.Ю. Берг, В.И. Вернадский, Н.П. Боголепов, брат Р. Амундсена - Леон и многие зарубежные ученые.

*И. А. Стебут — профессор
Петровско-Разумовской
земледельческой и лесной академии*

*П. А. Костычев,
профессор Земледельческого
института*

Выйдя в отставку с должности заведующего кафедрой Лесного института в 1907 году, Д. Н. Кайгородов до конца своей жизни заведовал фенологической сетью при Ученом комитете Министерства земледелия, а затем Института опытной агрономии. При нем фенология в стране стала полноправной отраслью науки. Д.Н. Кайгородовым вводится специальная фенологическая терминология. «Фронт прилета» - тоже его термин. Укреплялась сеть наблюдателей на местах, проводились научные собрания, обсуждения наиболее интересных исследований. Фенологичес-

кая литература до Д.Н. Кайгородова насчитывала всего 200 работ, при нем опубликовано их более 900.

Надежность научной системы, научных взглядов проверяется временем. Труды Д.Н. Кайгородова оказались востребованными и после его смерти, фенологической сети присвоили имя ее создателя - Д.Н. Кайгородова. До 1930-х годов она входила в Общество любителей мироведения, после 30-х переходит в ведение Центрального бюро краеведения, а затем снова в Географическое общество.

Фенологическая сеть Д.Н. Кайгородова, вошедшая в Общество любителей мироведения, за 5 первых лет своего существования превысила 2 тысячи корреспондентов. Через десять лет после смерти Д.Н. Кайгородова, в 1934 году, фенологические наблюдения велись в 3000 пунктах страны. Материалы организованной Д.Н. Кайгородовым русской фенологической сети послужили основой для биоклиматического районирования европейской части страны. Благодаря работам Д. Н. Кайгородова впервые удалось составить графики весеннего прилета птиц. Собранные его сетью данные позволили стране создать лучшие в мире фенологические карты.

После его смерти фенологическую сеть возглавили видные российские ученые. При Центральном бюро краеведения фенологическим отделением Д.Н. Кайгородова в Ленинграде руководил Н.П. Смирнов. Вместе с О. Д. Святским и С.И. Хомченко он продолжил работу своего учителя по расширению добровольной фенологической сети. Трудился в ней и профессор Лесного института М.Н. Римский-Корсаков, а также его заместитель Гай Эвальдович Шульц и секретарь Сергей Александрович Безбах. Коллектив сотрудников обработал архив фенологических наблюдений, собранный еще при Д. Н. Кайгородове. На изучение его потребовалось 12 лет.

Выходят в свет прекрасные работы по фенологии: *«Анализ фенологии Хибин»* Фридолина и *«Использование аэрометодов при фенологических наблюдениях»* Самойловича. Ведущими фенологами составляются программы наблюдений, в том числе об изучении принципов построения хода роста растительного сообщества или вида (фенологические спектры В.Н. Сукачева и А.П. Шенникова), выходит интересная книга о биоклиматическом картировании (фенологические карты Н.П. Смирнова и В.А. Батманова), делается расчет суммы эффективных температур, необходимой для начала того или иного порога развития растений, издаются и другие работы. Перед началом войны, в 1941 году, закончена работа над монографией *«Фенологические наблюдения»* Шульца и Шамраевского.

После войны фенология окончательно утверждается как отрасль науки. Создается 9 зональных программ фенологических исследований составляются фенологические карты и календари.

К началу 60-х годов в стране имелось 1686 корреспондентских пунктов наблюдений, в работе которых участвовало 3,5 тысячи добровольцев. Более 750 из них в 1970 году отметили 40-летие своей деятельности. Сопратники Д.Н. Кайгородова при его жизни опубликовали в общей сложности около 60 печатных листов своих трудов по фенологии. Через полстолетие литературный научный багаж фенологов увеличился еще на 200 печатных листов. Дело, у истоков которого стоял Д.Н. Кайгородов, получило достойное продолжение.

Современная фенология широко использует в своей деятельности достижения биологии, климатологии, ботаники и земледелия Огромный прогресс, достигнутый современной наукой в этих отраслях знаний, помогает фенологам постичь самые сложные закономерности природы.

В свою очередь, результаты фенологических наблюдений и исследований служат важным разделом работы земледельцев и всех тех, кто связан в своей работе с природой. Применительно к современному виду хозяйствования, современная фенология - это важнейший и многоплановый раздел экологии с чрезвычайно широким диапазоном научного и практического использования в различных отраслях производства и особенно в сельском и лесном хозяйстве, а также в агрометеорологии, в озеленении городов и населенных мест. Сейчас трудно назвать раздел ботаники, который был бы полностью реализован в отрыве от сведений о сезонном развитии изучаемых объектов. Вся сезонная ритмика растений является одной из основных форм их жизнедеятельности и олицетворяет собой диалектическое единство организма и среды в их исторической динамике.

В лесном хозяйстве фенология представляет особый интерес при изучении сезонного развития древесных растений в различных геоботанических зонах нашей страны, включая горные леса. Она раскрывает динамику сезонного развития деревьев, кустарников, травянистой растительности и мохового покрова в различных типах леса, применительно к типам их лесного биогеоценоза, а также развития древесных растений в различных типах леса, связи ритма, сезонного развития древесной растительности с их производительностью, репродуцирующей способностью, ходом естественного возобновления в различных лесорастительных условиях. Фенологические наблюдения имеют непосредственное хозяйственное значение при

исследовании связи ритма сезонного развития лесных биогеоценозов со сроками охоты на пушного зверя и боровую дичь.

Фенология, конечно же, это и основа в исследованиях связи сезонного ритма, с устойчивостью растений к поражениям вредными насекомыми и грибами. Невозможно представить методов современной селекции без постоянных фенологических наблюдений и изучения индивидуальных особенностей режима сезонного развития растений при селекционном отборе хозяйственно ценных фенологических форм, то есть растительных форм внутри вида, проявляющих особенности своего роста и развития от начала, до завершения фенологических фаз.

Фенология как наука со временем не только не утрачивает своей актуальности, но в связи с появлением новых технических средств приобретает все большее практическое значение. Стали возможными быстрое получение фенологических наблюдений с помощью современных, в том числе космических, летательных аппаратов и компьютерная их обработка. Появились новые дистанционные методы фенологических наблюдений, в основе которых - синхронное развитие совместно произрастающих растений, относительное постоянство экологических условий, необходимых для прохождения растениями отдельных фаз развития.

Много, очень много удалось сделать нашим ученым в области развития фенологии. Однако отмечая все эти достижения, мы не можем не вспоминать с благодарностью и о тех, кто стоял у истоков этой науки. *«Задний переднему - мост»*. Успехи, которые мы имеем в области фенологии, стали возможными благодаря научным трудам, писательскому мастерству, организаторским способностям, многолетнему труду Д.Н. Кайгородова и тысяч бескорыстных его помощников – энтузиастов природоведения, которых он сумел привлечь к своему делу.

Вороновские встречи

Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, неразлучна с человеком, и без нее человек может быть, не захотел бы жить на свете.

Ф.М. Достоевский

Летом 1893 года Дмитрий Никифорович с семьей отдыхал в Воронове под Москвой, в бывшем имении поэтессы графини Ростопчиной. Кайгородова пригласил к себе новый его владелец граф С.Д. Шереметьев, который, как и прежняя хозяйка имения, к людям искусства был равнодушен и, в меру своих возможностей, старался быть им полезным.

Для такого природолюбца, как Кайгородов, трудно представить место для отдыха более приятное. Усадебный парк в Воронове, заложенный еще в XVIII столетии известным знатоком ландшафтного строительства К.И. Бланком, был великолепен. Ухоженные дорожки парка мягкими изгибами вели путника мимо столетних, посаженных еще при первом владельце имения князе А. П. Волынском, могучих раскидистых дубов и взметнувшихся в небо стройных лиственничных колоннад. Главной же достопримечательностью парка были замечательные бланковские беседки, ротондочки, мостики, садовые домики, у каждого из которых можно было постоять, отдохнуть, полюбоваться прекрасными парковыми пейзажами.

Во время одной из прогулок Дмитрий Никифорович встретил Я. П. Полонского. Тот сидел в широком плетеном кресле у Голландского домика, опершись на неизменный свой костыль. На круглом, тоже плетеном, столике, стоявшем рядом, лежала груда журналов. Дмитрий Никифорович приподнял шляпу.

- Яков Петрович, здравствуйте. Вы и на отдыхе - на работе.

Полонский улыбнулся и, кивнув на журналы, с легким вздохом:

- Приходится. Вы, небось, тоже не просто по парку гуляете, а и пернатых своих в парке пересчитываете?

- Пересчитываю, пересчитываю, - смеясь, подтвердил Дмитрий Никифорович.

- Однако сегодня работа у меня оказалась даже приятственная, - сказал Яков Петрович. - Вот послушайте:

*Несется благовест...
Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце мне легла.
Я вижу север мой с его равниной снежной,
И слово слышится мне нашего села . . .*

Дмитрий Никифорович улыбнулся и продолжил на память строки стихов:

*Знакомый благовест, и ласково и нежно
С далекой родины звучат колокола.*

И как бы в подтверждение этих слов с колоколенки, расположенной неподалеку церкви, раздались негромкие тягучие звуки колокола.

- *Благовест*, - сказал Дмитрий Никифорович.

- Именно «*благовест*», - подтвердил Яков Петрович. - *Сколь же талантлив князь. Только каково мне писать на него рецензию, если князь Апполон Николаевич с князем в самых дружественных отношениях и пишет:*

*Эти милые две буквы,
Что два яркие огня,
В тьме осенней, в бездорожье
Манят издали меня.*

- *Злопыхатели-то тотчас начнут кричать, что раболепствую перед начальством: один - Великий князь, а другой - начальник по службе.* (Я.П. Полонский служил под началом А.Н. Майкова в Цензорском комитете. Яков Петрович был цензором иностранной литературы).

- *А Вы напишите в своей рецензии просто, без обиняков,* - посоветовал Дмитрий Никифорович, декламируя строки К.К. Романова:

*Твоя восторженная лира
И песни чистые твои
Нам проливают звуки мира,
Добра, надежды и любви.*

- *Как же можно: плагиат,* - засмеялся Полонский.

- *Тогда ничем больше не могу помочь,* - развел руками Дмитрий Никифорович.

- *Единственно, что могу добавить, так это то, что их Высочество Константин Константинович - искренний певец красоты, не только поклонник, но и достойный продолжатель Александра Сергеевича Пушкина, как, впрочем, и Ваш, в чем автор сам искренне признается. Мне его стихи нравятся:*

Последней стаи журавлей

*Под небом крики прозвучали.
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.*

- Каково!

- Все, все, убедили. Будем считать Константина Константиновича не только Президентом Академии, но и достойным членом созданного им же при Академии Отделения русской словесности. Отдохните от вашего моциона. Садитесь. Что же Вы стоите, словно студент перед профессором. Сами профессор.

- Благодарствую. С искренним удовольствием, - ответил Дмитрий Никифорович, усаживаясь на стоявший рядом стул.

С Яковом Петровичем Полонским Кайгородов был знаком по «Новому времени» недавно, стихами же его зачитывался еще будучи кадетом в Корпусе. Добрые отношения с Полонским искренне ценил, как и многие другие российские литераторы. С Полонским знался не только сам Л.Н. Толстой, но и Ф.М. Достоевский и А. А. Фет. Лев Сергеевич Пушкин в знак искреннего уважения подарил Полонскому портрет брата.

- Взгляните, какая отменная перспектива. Ну чем не картина из Вашего любимца, - показал Яков Петрович на подступавшие к беседке деревья:

*Зарумянились клен и рябина,
Ярче золота кудри берез,
И безропотно ждет георгина.
Что спалит ее первый мороз.*

Кайгородов был Полонскому симпатичен. Импонировала ему присущая тому мягкость и неназойливая внимательность в общении. Немногие умели, как Кайгородов, искренне заинтересованно слушать и вовремя задавать нужные вопросы, помогая собеседнику без труда вить намеченную нить беседы. К тому же Кайгородов - лесник, а с лесниками так много связано воспоминаний из его уже далекой теперь молодости. Вспомнились строки давнего, написанного в те годы стихотворения:

*Я был богов твоих певец,
Когда я пел ума свободу,
Не искаженную природу..*

Эти стихи писал Яков Петрович Людочке Шелгуновой, жене полковника Корпуса лесничих Николая Васильевича Шелгунова. Странная, удивительная была пара. Оба талантливы, благородны, бескорыстны. Словно метеорит, ворвался в их жизнь Михаил Ларионович Михайлов. Казалось бы, ничего привлекательного не было в этом маленьком, часто хворавшем человеке с бледным нездоровым лицом и

больными, прикрытыми тяжелыми веками, глазами. Даже какая-то неприязнь ощущалась при первом взгляде на этого всегда по парижской моде разодетого франтика.

Но только до первого сказанного им слова. Характера Михайлов был веселого, живого. Как талантлив! Некрасов специально взял его в «Современник» вести иностранный отдел. Да и в «Русском слове» в его, Полонского, бытность главным редактором Михайлов показал себя замечательным и переводчиком, и поэтом, и критиком. Вспомнилась Якову Петровичу их первая встреча в тот год, когда кончил он курс в университете. Михайлов пригласил зайти к нему на Малую Морскую на часок попить чаю. Чаепитие продлилось до утра. Яков Петрович читал Михайлову свою «Тифлисскую саклю», а Михайлов ему его же стихи. Когда сдута хозяйки квартиры, Сигизмунд, принес самовар, Михайлов предложил:

- А что бы Вам не поселиться у нас. У хозяйки как раз комната напротив освободилась.

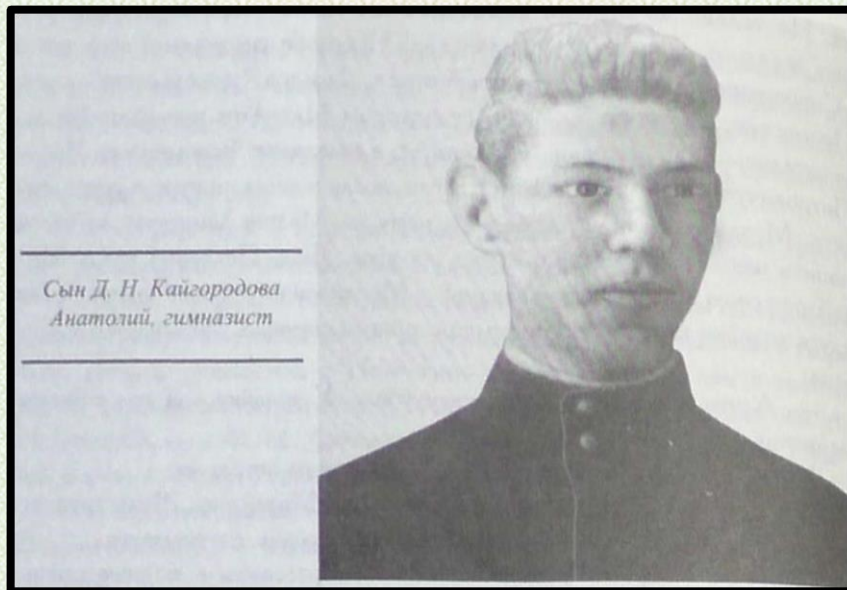
Комната была небольшая, светлая, с высоким потолком.

В тот же день Яков Петрович и переехал к Михайлову. Жили дружно: чай да сахар, булки покупали вместе, обедали порознь, где придется,

Людмила Петровна писала очень милые рассказы и модные стихи. Переводила хорошо. Умница. Аполлон Николаевич Майков сравнивал ее с «розой свежей, вплетенной в венок из искусственных цветов», - так непохожа она была на других тогдашних светских дам. Детей у них с Николаем Васильевичем Шелгуновым не было, так что времени для литературных салонов у Людмилы Петровны было более чем достаточной. Вокруг этой маленькой, очаровательной веселой блондинки всегда полно было обожателей и комплиментчиков. Оказался среди них и Михаил Ларионович. Как ни парадоксально, но несмотря на весьма сомнительный его мужской антураж, Людмила Петровна Михайловым увлеклась настолько, что предпочла его красавцу-мужу, кстати, тоже незаурядному человеку. После одной из поездок в Лисино, где служил лесничим Николай Васильевич, Михаил Ларионович оказался в семье Шелгуновых третьим членом семьи, что несказанно шокировало петербургское общество. Затем эта злосчастная прокламация «К молодому поколению», которую Михайлов привез в Петербург от Герцена из Лондона, его ссылка на рудники и ранняя безвременная смерть. Теперь уже и Николая Васильевича нет в живых. Все проходит...

- Все проходит. Вечна лишь природа, - продолжил Яков Петрович свои воспоминания вслух. - Так вы, любезный Дмитриий Никифорович, надолго?

- До начала занятий, - ответил Кайгородов. - Прошу не забывать своей благосклонностью нашу скромную хату.

Яков Петрович не забывал и нередко навещался к Кайгородовым на чай. В письме к брату Нестеру Дмитрий Никифорович напишет: «С нами в Воронове живут Я.П. Полонский с семьей (жена, сын, только что кончивший университет, и 19-летняя дочь). Прекрасная милая семья много украшает наше здешнее пребывание. Наталия Яковлевна Полонская - дочь Якова Петровича, прекрасная пианистка и мы с нею музицируем. Каждый вечер - чай вместе, по очереди: один вечер все у нас, а другой - мы у Полонских. Толя (сын Д.Н. Кайгородова - Р. Б.) рисует и всем нравятся его работы...»⁴²

Впрочем, в Воронове Дмитрий Никифорович продолжал работать, как и дома, по заведенному распорядку. Вставал рано и прежде всего садился за ответы своим многочисленным корреспондентам. Созданная им сеть корреспондентов-любителей, наблюдавших за природными явлениями в стране, постоянно увеличивалась. Д.Н. Кайгородову приходят их письма, отчеты, запросы. Их много - тысячи. Среди кайгородовских корреспондентов - случайные люди и энтузиасты, переписывавшиеся с ним уже по многу лет. Есть истинные энтузиасты. С Н.Е. Сироткиным - жителем села Захарьина, что у подмосковного Подольска, переписка продлится 50 лет. Все эти годы Н.Е. Сироткин с несколькими поколениями своих учеников наблюдал вокруг своего села за 70 животными и растениями. Корреспонденты Д.Н. Кайгородова становятся близкими ему людьми, которым нельзя не ответить вовремя или быть невнимательным к их просьбам. Они, на формальном, казенном языке - «звенья единой фенологической сети», а фактически его почитатели, добровольные соратники, товарищи по общему делу.

На письма своих корреспондентов Д.Н. Кайгородов писал обстоятельные ответы. Многим из своих постоянных помощников он оказывал практическую помощь на месте. В 1895 году он побывал с этой целью в Опочке, Великих Луках, Порхове, Новоржеве, Торопце, Пскове. В июле 1908 года Д. Н. Кайгородов пишет брату Нестеру, что опять много ездил по фенологическим делам в Псковскую губернию, в очередной раз побывал в Новоржевском, Пороховском, Псковском уездах. Д.Н. Кайгородов ассоциировался у своих корреспондентов с близким человеком, у которого можно проконсультироваться и даже попросить о личном одолжении. Например, приобрести и выслать адресату кормов для птичек. Добровольные помощники Д.Н. Кайгорода становились не только исследователями природы. В его архиве тысячи писем, в том числе копии, датированные временем пребывания в Воронове. Сообщали ему о своих наблюдениях и из-за рубежа знакомые ученые, представители русских миссий и просто любители природы.

Самыми преданными помощниками Д.Н. Кайгорода были дети. Это особенно радовало ученого, поскольку фенологические наблюдения для него были не только целью, но и средством педагогического воспитания. Мы еще остановимся на этом важнейшем деле жизни Дмитрия Никифоровича. Выход в природу он считал непременной частью нравственного воспитания. Это его убеждение развил впоследствии замечательный педагог и начинатель юннатского движения в нашей стране Б.В. Всесвятский.

Письма в адрес Д. Н. Кайгорода короткие и длинные, на русском и иностранных языках, деловые и с личными комментариями. Вот, например, одно из них:

1. *«Книжка наблюдателя из Воронежской губернии: (1896 год)*

	<i>Жаворонки</i>	<i>- 25 февраля</i>
<i>г. Валуй</i>	<i>Грачи</i>	<i>- 25 февраля</i>
<i>Павловский уезд</i>	<i>Грачи</i>	<i>- 22 февраля</i>
	<i>Гуси</i>	<i>- 25 февраля</i>
	<i>Утки</i>	<i>- 25 февраля</i>
	<i>Лебедя</i>	<i>- 25 февраля»⁴³.</i>

Далее шли сведения за 15 лет (1897-1912) из Задонска, Боброва.

Особенно много писем получает Д. Н. Кайгородов от директоров народных училищ, которые знают его по учебнику «Ботаника». Вот одно из таких писем:

«Милостливый государь Дмитрий Никифорович! Имею честь сообщить, что сегодня, 5 марта, в 8 часов утра, я видел на своем дворе двух грачей (Ro - 12° мороза, а накануне 20°). Покорнейше прошу принять уверения в совершеннейшем почтении. Директор народного училища И. И. Егоров».

После разбора писем - завтрак, а затем обязательная прогулка по Вороновскому парку. Тихий трепет листьев на деревьях, аромат прозрачного воздуха, нежная грусть отцветающих цветов особенно трогает Дмитрия Никифоровича и рождает мелодии, которые усиливают неповторимую красоту того, чего прежде он не замечал в окружающем мире. В Воронове Кайгородов пишет и музыку. Здесь появился его замечательный *«Торжественный марш к юбилейному празднеству хозяев усадьбы»*, отмечавшими в имении свою серебряную свадьбу. Играл ее на обеде Дмитрий Никифорович на рояле столь проникновенно, что заслужил настоящую овацию присутствующих, среди которых были меломаны, искушенные в музыке: великий князь Сергей Михайлович, принцы Александр Петрович и Петр Александрович Ольденбургские, графы и князья Горчаковы, Мусины-Пушкины, Ламсдорфы, Уваровы, Гудовичи, Нарышкины, Келлеры и новый товарищ министра государственных имуществ Синягин.

С удовольствием вспоминал лето 1893 года в Воронове и Я.П. Полонский. Там он набросал во время одной из коротких своих прогулок карандашом на листке бумаги стихотворение:

Стихи кованного

Я люблю огонь -

То на Воронова

Ростопчинский конь.

Стих, исследующий

Глубину идей, -

Конь, не ведающий

Кучерских плетей.

Разъезжаясь по домам, договорились непременно встречаться и в Петербурге.

- Прошу, любезнейший Дмитрий Никифорович, не забывать про мои «пятницы». Двери для Вас и Ваших замечательных потомков всегда открыты. Высоковато живу. Да ничего. В отличии от меня, у вас две ноги, - сказал Полонский, намекая на костыль, без которого обходился с трудом.

Популяризатор родной природы

*Природа полна суровой гармонии и красоты.
Сближение с нею настраивает душевные
струны в стройный аккорд и делает сердце
чутким к добру и всему прекрасному.*

Д.Н. Кайгородов

Министр просвещения России А.С. Норов, кстати, близкий родственник директора Лесного департамента Е.Н. Норова, часто повторял ставшие историческими слова: *«Наука, господа, всегда была для нас одной из важных потребностей, но теперь она первая. Если наши враги имеют над нами перевес, то единственно силой знания».*

Министр был, конечно, прав. Россия почти на столетие отстала от западных стран по всеобщей грамотности. Безграмотность, бескультурье, рабство оказались непреодолимой стеной на экономическом пути развития России.

Прав был и К.А. Тимирязев, убежденный в том, что *«рабочий станет действительно разумной творческой силой, когда его пониманию станут доступны главные завоевания науки, а наука получит прочную, верную опору, когда ее судьба будет в руках самих просвещенных народов»*⁴⁴.

В отличие от революционеров, низвергавших в своих речах основы государственного строя, передовые люди России основу развития экономики страны видели в народном просвещении, в упрочении общественной нравственности, в ее культуре. Она же, как писал В.В. Розанов, *«начинается там, где начинается любовь»*⁴⁵.

Идти в народ следовало, в первую очередь, не с призывами к борьбе и свержению правящего строя, а со словами любви, просвещения. На все это потребуется время и терпение. Но без этого не обойтись, поскольку только просвещение принесет народу необходимый для нормальной жизни запас знаний, а овладев ими, народ сам найдет способы, как улучшить экономическое и нравственное свое состояние, убивать ли ему при этом своих «хозяев» или привлекать их к сотрудничеству.

Выступления интеллигентов, добровольно принявших на себя обязанности просветителей, были проникнуты бодростью, глубокой верой в великое будущее русского народа.

Они были против пессимизма Грановского, утверждавшего, что русский народ умеет только героически умирать, а не жить. С возмущением отвергали и слова А.В. Никитенко, писавшего, что знания будут всегда делом исключительным для людей, специально себя посвятившим умственной деятельности.

Среди первых российских просветителей были известные писатели, государственные деятели, ученые, профессора и выпускники учебных заведений. Глубоко почитаемый российской интеллигенцией профессор К.А. Тимирязев считал, что просвещение народа, популяризация науки и прежде всего - естествознания является первейшей «гражданской обязанностью» ученого.

Желающих выступить перед народом с публичными лекциями и беседами о последних достижениях науки, искусства с каждым годом становилось все больше.

Вопросы нравственности, быта, географические описания и, наконец, красота окружающего нас мира и природы естественны для литературных произведений. С помощью картин природы авторам легче передать читателям свои мироощущения, представление о красоте и правде жизни, проще раскрыть эмоции и характер героев повествований, показать красоту окружающего их мира, создать настроение, сопутствующее теме повествования. Цель художника состоит в том, чтобы неповторимо разрешать вопросы жизни и помогать читателям полюбить жизнь в бесчисленных, никогда неистощимых ее проявлениях, считал Л.Н. Толстой.

Иное дело вопросы научных знаний и общественных идей. Они далеко не всегда выражались в искусстве, в истории общественной мысли в «общедоступной» простому читателю форме. Научная литература длительное время была элитарной, доступной и понятной ограниченному кругу читателей. Начиная с XVIII столетия по мере развития просвещения интерес к научным знаниям возрастает. Петр I требовал от ученых «науки производить в совершенство» и «оние распространять». Научные занятия обходятся правительству все дороже и народ, по замыслу Петра I, должен знать, что же все-таки ученые сделали, что делают и что намерены делать. Перспектива развития науки приобретает все большую зависимость от общественного к ней интереса. Возбудить этот интерес становится сложнее, поскольку ускоряется процесс развития самой науки. Уследить за ним становится непросто даже тем людям, которые избрали ее своим повседневным рабочим делом. Тем более непросто следить за ходом и успехом обширных научных исследований в отраслях научных знаний тем, кто наукой конкретно не занимается, но считает себя человеком образованным и нуждающимся в более широкой осведомленности в области специальных знаний.

В обществе появляется неистребимая жажда знаний - сила, которая делает простого человека культурным необразованным. Появляется необходимость в особой литературе, ставящей перед собою задачу в увлекательной популярной форме познакомить читателя с научными знаниями в таком объеме и в такой обработке, которая при обычных средствах информации и средней познавательной способности помогла бы образованному человеку своевременно пополнить умножающиеся достижения науки для деятельного пользования ею. Глубокая информированность становится неременной особенностью не только профессионала, но и человека культурного - «из порядочного общества». Тем более необходима она специалистам, так как только на прочном фундаменте самого точного владения всем, что относится к данной специальности, появляется возможность решать научные и практические проблемы в сфере приложения конкретного труда.

В научно-популярной литературе заинтересованы в первую очередь сами ученые, так как иначе общество объективно не оценит их труда и не позаботится должным образом о его дальнейшем развитии. Однако далеко не каждый ученый обладает литературным талантом, а писатель - способностью к научным исследованиям. Тем не менее, попытки сочетания подлинно научных знаний с художественным их осмыслением и профессиональным литературным мастерством изложения начали проявляться. Они положили начало научно-популярной литературе.

Как и в во всяком ином деле, ей были присущи удачи и просчеты. Случалось, что авторы в общедоступном интересном художественном изложении научных сведений в угоду читателю в легкой и забавной форме допускали упрощенчество. Сложилась даже особая категория писателей-популяризаторов, которые в общедоступной форме излагали открытия или исследования других. На смену им постепенно приходили популяризаторы иного склада - люди по-настоящему творческие, которые, критикуя, умели оценить труд предшественников, потому что сами были исследователями и делали общим достоянием также и результаты собственной научной работы. Обстоятельные и весьма полезные научные сочинения все чаще стали сочетаться с профессиональной литературной обработкой. Писатели-ученые и ученые-писатели в России особенно часто стали появляться с середины XIX столетия, когда наука стала все больше проникать в искусство, а искусство в науку.

Со временем научно-художественные произведения становились все более совершенными и популярными как у интеллигенции, так и у всего грамотного населения страны.

Замечательный наш писатель и литературный критик Д.И. Писарев даже заметил по этому поводу *«Популяризирование науки составляет самую, о важную задачу нашего века. Хороший популяризатор, особенно у нас в России, может принести обществу гораздо больше пользы, чем даровитый исследователь»*⁴⁶. Д.И. Писарев считал даже, что писателю-популяризатору не грех что-то и упростить, *«поюродствовать, сарлекинничать»*, если это ведет к цели. Приходится публику и завлекать в пользу дельных мыслей разными *«фокусами»*, то лирического, то комического свойств⁴⁷.

Оставим эти утверждения на совести автора. Они лишь подтверждают его уверенность в исключительной полезности просвещения путем популяризаторской литературы.

В наше время научно-популярное направление в литературе оказывается самым востребованным. Большая заслуга в этом ученых, писателей и конечно, издателей, не побоявшихся вкладывать деньги в книги, еще не оцененные читателями по достоинству. Большую заинтересованность в публикации научно-популярной литературы проявлял, например, известный русский издатель И.Д. Сытин. Одной из первых научно-популярных книг, вышедших из его типографии, была *«История горы»* Э. Реклю. Удалось Ивану Дмитриевичу уговорить дать что-нибудь из своих сокровищ известного ботаника, профессора и ректора Санкт-Петербургского университета А.Н. Бекетова, историка А.А. Кизеветтера, литературоведа П.Н. Сакулина, зоолога и путешественника, основателя московского зоопарка М.Н. Богданова. Кстати, московский зоопарк в конце XIX столетия считался лучшим в Европе, Во многом тому способствовали и сытинские книги. Первенство с ним в то время оспаривали разве что Булонский зоопарк под Парижем и берлинский в Тиргартене.

Имея издательскую поддержку, многие русские ученые и писатели с большой охотой стали браться за произведения научно-популярного направления. Одним из первых русских ученых, продемонстрировавших образец научно-популярной литературы, стал К.А. Тимирязев. Его задачу он видел в скорейшем распространении имевшихся научных знаний в форме, привлекательной для простых людей, но ни в коем случае не упрощенной. Первую свою научно-популярную лекцию из жизни растений К.А. Тимирязев прочел на лекциях в 1876-1878 годах, опубликовав ее в эти же годы впервые в *«Русском вестнике»*. Популярные книги К.А. Тимирязева, как писал академик В.А. Комаров, и через 50 лет были полны научного и художественного интереса и пользовались спросом у читателей.

Постоянным автором в издательстве И.Д. Сытина становится и Д.Н. Кайгородов. Его научно-популярные книги начинают выходить практически одновременно с тимирязевскими.

Первые кайгородовские книги - это научно-популярные рассказы о лесе. Вместе с тем, Д. Н. Кайгородов не считал себя основателем научно-популярного жанра в этом направлении. Своим учителем он видел С. Т. Аксакова. Первой своей книге «Русский лес» (1879) Дмитрий Никифорович предпослал эпиграф, строки к которому он взял из «Ружейной охоты» С.Т. Аксакова.

Книги С.Т. Аксакова о лесе стали выходить двадцатью годами раньше и их, безусловно, можно отнести к классике русской литературы, разница между аксаковскими и кайгородовскими книгами в том, что С.Т. Аксаков к научному описанию леса шел от художественной прозы, а Д.Н. Кайгородов к тому же - от науки о лесе. Тот и другой остаются непревзойденными классиками русской научно-популярной литературы, тонкими наблюдателями природы и большими знатоками леса. Только у Д.Н. Кайгородова эти знания высоконучные, помноженные на отечественный и зарубежный профессиональный опыт. Его книги помогают увидеть и пользу, и красоту леса и стимулируют читателя к научному познанию его. Впоследствии все это найдет логическое продолжение в фенологической деятельности Д.Н. Кайгородова.

Профессионализм сам по себе прагматичен, однако у Д.Н. Кайгородова он удивительным образом сочетался с возвышенным, поэтическим отношением к предмету своих повседневных забот. Любовь к лесу, к природе доставляли Д.Н. Кайгородову эстетическое наслаждение, под воздействием которого он и сформировался как писатель, художник, поэт. В предисловии к одной из лучших своих книг - «Беседы о русском лесе» Д.Н. Кайгородов напишет: *«Я страстно полюбил лес с тех пор, как узнал его поближе, и чем больше узнаю его, тем больше люблю. И. это всегда так бывает: чтобы полюбить, надо знать - не зная нельзя полюбить».*

Любовь Кайгородов рассматривает как основную движущую силу бережного отношения к природе, надобность в котором в конце прошлого столетия стала ощущаться особенно явственно: *«Кто полюбил лес, тот будет его и беречь. Мы охотно бережем и охраняем только то, что любим, а наш лес очень нуждается в друзьях — русских охранителях».*

Книги Д.Н. Кайгородова - образец того, как можно писать о природе, оставаясь на научной основе, не прибегая к упрощенчеству и «вульгаризации» излагаемых материалов ради, якобы, удобопонятности. В его книгах и статьях все та же мысль о бережном отношении к окружающему нас миру, стремление помочь читателям увидеть пользу и красоту природы, узнать ее глубже, полюбить и сохранить: *«Мы оторвались от природы, - пишет Кайгородов в своей статье «На разные темы, преимущественно педагогические» (1901), - перестали ее чувствовать и перестали любить. Оторвавшись от природы, мы потеряли здоровье - физическое и духовное. Нужно приблизить нарастающие поколения к природе...»*

*Семья Д. Н. Кайгородова
Слева направо: сын Анатолий, жена Валентина Романовна,
дочь Тамара, сын Евгений, Дмитрий Никифорович*

Трудно сказать, кто больше преобладал в Кайгородове - тонкий ученый-наблюдатель, страстно увлеченный поэт-натуралист или человек, просто любящий с пользой побыть на природе. Раскроем его книгу «Собиратель грибов». В ней описание известных и съедобных, и ядовитых, и сомнительных грибов, растущих в России. Иллюстрированы они великолепными красочными картинками. О грибах в книге Кайгородова можно найти все сведения, которые могут заинтересовать неискушенного читателя и понадобится ему в жизни.

Писательское творчество для Дмитрия Никифоровича не было самоцелью для утверждения авторского самолюбия. Научные свои наблюдения он с готовностью и очень кстати подтверждал словами классиков русской и иностранной литературы, ясно представляя несравненное превосходство их художественного таланта.

В книге «Из родной природы» Кайгородов решительно отводит на второй план собственные авторские повествования, максимально используя в рассказах в качестве художественных иллюстраций отрывки из шедевров русской литературы. В научно составленные сведения о явлениях русской природы Кайгородов вводит классические отрывки из народных песен, из произведений Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Жуковского, Некрасова, Гончарова, Тургенева, Аксакова, Фета, Майкова, Никитина и других любимых в народе литераторов. Здесь его цель не «писательство», а искреннее желание донести до читателей истинную красоту природы и русского слова. Эффект великолепный, сухие научные сведения, естественно вплетенные в художественные картины мастеров слова, становятся не только удивительно зримыми, убедительными, запоминающимися. Книга для Кайгородова не самоцель, а средство продвижения к намеченной цели. В первую очередь, это любовь ко всему живому, к восстановлению присущей человеческой природе радости общения с естественной природой.

Дмитрий Никифорович мечтал, что ученик земледельческой школы, высшей или средней, студент-натуралист, техник, сельский учитель, священнику грамотный крестьянин, прочтя его книжку, сможет узнать тот минимум, который необходим для творческого восприятия природы. Он стремился сделать науку о ней массовой, хотя и не без риска для ученой своей репутации. Кое-кто из его институтских коллег полагал, что Кайгородов упрощает задачи и методы науки.

Самой лучшей книгой Д.Н. Кайгородова считают первую из них: «Беседы о русском лесе». Опубликована она в 1879 году. Книга состоит из двух частей: «Краснолесье» и «Чернолесье». Первая состоит из 6, вторая - из 12 глав-бесед, каждая из них - это профессиональный и в то же время художественный рассказ о тех деревьях, которые составляют русские леса, о тех птицах и зверях, которые его населяют.

Увлечательности «Бесед» способствовали весьма кстати подобранные отрывки из народных песен и произведений известных поэтов. Книга написана живо, увлекательно, но автор, тем не менее, предупреждает читателя, что одного лишь чтения «Бесед», даже при наличии в них удачно подобранных иллюстраций, недостаточно для того, чтобы узнать, понять лес, полюбить его. Ничто не может заменить живую природу. Книга всегда только средство к ознакомлению с лесом в натуре, само же ознакомление, если ему предстоит стать прочным, а не поверхностным, немислимо без знания природы живого мира. Щедро награждает природа только тех, кто внимательно всматривается в нее пытливым взглядом. Тайников у нее много. Мы не должны только сообщать о них. Нужно научить их находить. Именно в этих тайниках сокрыты источники самых высоких и чистых наслаждений.

Эту же мысль подчеркивает Д. Н. Кайгородов и в предисловии к другой своей замечательной книге «Из зеленого царства»(1887). *«Природа - чудесная книга, доставляющая много наслаждений тому, кто умеет ее читать. Зеленое царство - одна из прекраснейших глав этой книги. Научившись ее понимать и полюбив всей душой, я не могу воздержаться от желания сделать попытку заронить и в сердца других хоть зерно этой любви, - любви, которая откроет новые пути к наслаждению чистому и возвышенному»* В этой книге Кайгородов, как и в «Беседах о русском лесе», не только популярно рассказывает о том, что прекрасно знает, но и что искренне любит, от души желая читателю передать восторг своих радостных чувств от общения с природой.

Не менее талантлива также книга Кайгородова «Наши зимние пернатые гости». Это хорошо иллюстрированное описание самых распространенных наших птиц и мест их обитания.

Книги Д.Н. Кайгородова издавались значительными для своего времени тиражами и систематически переиздавались. Книга «Из царства пернатых» вышла 20-тысячным тиражом, в прекрасном оформлении, с красочными иллюстрациями, но главная прелесть их состояла в авторском тексте. Кайгородов стремился пробудить у читателя интерес к существам, о которых писал, помочь увидеть их красоту, понять огромную пользу, которую они приносят людям, проникнуться любовью и состраданием ко всему живому.

В рассказе о «Длинноногих и длинноносых» Д.Н. Кайгородов рассказывает о наших цаплях, вальдшнепах, аистах, куликах, чибисах и других болотных и водоплавающих птицах. Для него это не просто красивые, совершенные в своем внешнем облике живые существа, для него это и удивительные создания природы, которым свойственны и боль, и радость, и привязанность, и взаимная любовь. Вот аистиха, которая три года ждет своего потерявшегося в южном перелете друга. А вот другой аист ждет свою подружку уже 11-й год, охраняя для нее гнездо *«Так все мудро устроено в великом Божьем мире»*, - заканчивает Д. Н. Кайгородов свой рассказ. *«Как осторожно и мудро должны мы вести себя по отношению к этому миру»*, - думает читатель, закрывая книгу.

В книгах Д.Н. Кайгородова заложена огромная художественно-эстетическая и нравственная основа, столь необходимая для воспитания молодежи.

Замечательна книга Кайгородова «Лепестки», которую он посвятил своей юной ученице, великой княжне Ольге Александровне.

Каждый ее небольшой рассказ - образец художественной прозы. Это и эссе о рождественской елке, и грустный рассказ об убитой птичке, и пейзажные зарисовки осени и другие добрые рассказы о природе. *«Чем-то необычно свежим и чистым светит от ее симпатичных страниц, Каждый рассказ – перл»*, - напишут о книге рецензенты.

Книга «Из родной природы» - прекрасно составленная энциклопедия первоочередных сведений об окружающем нас мире. В ней Дмитрий Никифорович показал себя непревзойденным знатоком природы, психологом детской души.

Последней, вышедшей из типографии при жизни Д.Н. Кайгородова в 1923 году, была дополненная и переработанная книга «Из царства пернатых» В ней 49 великолепных очерков о жизни самых распространенных наших птиц. Писал Кайгородов преимущественно о тех птицах, которых сам наблюдал и в клетках, и на воле. Это жители наших садов, полей, лесов, наиболее часто попадающиеся на глаза. Цель книги, по словам автора, пробудить у читателей интерес к живой природе, почувствовать ее красоту и поэзию. Живые существа - это неотъемлемая часть нашей жизни, они не только украшение ее, но и наши помощники в охране садов, огородов, полей, лесов от вредных насекомых. Книга одинаково интересна всем. Особенно же детям, другом которых Д.Н. Кайгородов оставался всю жизнь. Именно в них он видел главных своих помощников и носителей современного гуманного отношения к природе.

Валентина Романовна с дочерью Тamarой

Надо ли говорить о том, что и эта книга была замечательным примером органической связи науки и искусства. Язык ее, в высшей степени понятный и художественный, доставляет истинное наслаждение читателям всех возрастов и уровней подготовки. Книгу эту Кайгородов ценил выше других своих работ. Не случайно его дочь Т.Д. Маресьева так старательно хлопотала после смерти отца о переиздании именно этой книги.

О Кайгородове - как об ученом, педагоге, популяризаторе природы написано немало добрых слов. Конечно же, он был и вполне профессиональным писателем, который искал и находил свои литературные приемы в своем творчестве. Дмитрий Никифорович был радушно принят в петербургских литературных кругах. В городской адресной книге за 1900 год он рекомендуется не только как профессор Лесного института, но и как литератор, председатель кассы взаимопомощи при Обществе нуждающихся литераторов и ученых.

К сожалению, сейчас трудно сказать, сколько работ было опубликовано этим замечательным ученым и писателем. В сборнике «Русские ботаники» упоминается 128 его работ, а в его личном деле идет речь о 330.

Д.Н. Кайгородов был крайне взыскателен к своим публикациям. В его архивах осталось немало заметок, афоризмов, стихов, музыкальных произведений, которые он не опубликовал. Его очерк *«Из времени польского восстания (Воспоминания старого кадета-полочанина)»*, подготовленный к публикации в 1863 году, на страницы «Исторического вестника» попал только в 1907 году.

Вызывает уважение скромность Д.Н. Кайгородова, его бескорыстность. Многие его работы публикуются бесплатно, в благотворительных изданиях. В 1904-1905 годах он публикует свои очерки в сборнике «Родник», гонорар от продажи которого поступает в пользу сирот солдат, павших на японской войне. В 1906 году Д. Кайгородов выступает вместе с И. Бунинным, Д. Маминым-Сибиряком, Н. Лейкиным в сборнике «Светлячок», гонорары от продажи которого перечисляются пострадавшим от неурожая.

Бальзак заметил, что самая интересная литература - это письма. В литературном наследии Кайгородова, хранимом в архиве, огромная его переписка с родителями, детьми, братьями, друзьями и соратниками. Как жаль, что она так и осталась невошедшей в свет.

Особый и, пожалуй, не менее значительный раздел литературного творчества Кайгородова - его публицистика. Она еще ждет своих исследователей.

Д.Н. Кайгородов пробовал себя во многих литературных жанрах. Основная форма его письма - очерк, художественный очерк. Писал Кайгородов и прекрасные небольшие рассказы. Не чуждо ему было и поэтическое дарование. Мемуарные заметки его дают возможность заглянуть на проблемы и события изнутри и оценивать их с разных точек зрения. Список журнальных и газетных публикаций Кайгородова трудно поддается учету. Много работ его сохранилось в рукописях лекций, читанных в Соляном городке, в Педагогическом музее, а также в Лесном институте. На протяжении более 40 лет Кайгородов - неизменный автор газет «Новое время» и «Сельский вестник», «Лесного журнала», журнала Министерства просвещения, «Бюллетеня природы». Каждую весну появлялись в петербургских газетах его короткие очерки о природе, которые вызывали у читателей особенно большой интерес. Поклонники их нередко становились добровольцами-наблюдателями созданной Д.Н. Кайгородовым фенологической сети и корреспондентами, славшими ему и в многочисленные российские газеты и журналы свои заметки о смене сезонных явлений в природе. Для многих из них кайгородовские публикации оказались сначала примером, а впоследствии и образцом для собственного литературного творчества.

Интересны научные заметки и литературные рецензии Д.Н. Кайгородова. Примером высочайшей требовательности и доброжелательности могут служить его рецензии на работы других авторов. В них он раскрывает свой взгляд на рассматриваемые авторами проблемы. Он говорит также об особенностях литературского мастерства детских писателей. *«Безыскусственно, в большинстве случаев, написанные рассказы госпожи Диц составляют ценный вклад в столь бедную еще у нас литературу для детей младшего возраста. От книги веет теплой любовью к природе и к детям, и только такие книги могут иметь у них успех»*, - пишет Дмитрий Никифорович в предисловии к книге Е.К. Диц «С детками о птицах и животных» (1894). *«Нет ничего труднее, как писать для детей младшего возраста. Только любящий их человек и проникательный наблюдатель может справиться с этой задачей»*, - отмечает он в предисловии к сборнику рассказов Е.К. Диц «Четыре времени года» (1905).

Писал Д.Н. Кайгородов музыку и о музыке. Великолепна его книга «Чайковский и русская природа». «Педагогические статьи» Кайгородова - это научный труд о педагогике и в то же время - философские размышления о жизни. Дмитрий Никифорович был взыскательным критиком и в то же время добрым помощником многих начинающих ученых и писателей. На протяжении двух десятилетий Кайгородов являлся членом редакционной коллегии Метеорологического вестника и вестника Географического общества.

В состав редколлегии входили также известные русские ученые: М.М. Поморцев, А.И. Барановский, Ф.Г. Величко, Г.Н. Любославский, А.А. Тилло, Н.А. Гозехус, И.В. Мушкеев. Редактором вестника был В.П. Остроградский. Д.Н. Кайгородов рецензировал и готовил к выпуску статьи вестника.

В предисловии к русскому переводу книги Элизы Байтвин «Дружба с природой» (1911) Д.Н. Кайгородов обращает внимание на слова автора которые особенно близки и ему: *«Вот уже много лет, как мои близкие отношения в мире животных служат для меня источником радости, утешения и успокоения... Как часто я желаю поделиться с другими тем счастьем, которое доставляет мне в жизни изучение природы».*

Многие российские писатели считали Д.Н. Кайгородова своим учителем. В числе их наш замечательный детский писатель В. В. Бианки. В предисловии к «Лесной газете» он называл его «первым лесным корреспондентом». В переписке Кайгородова сохранилось несколько теплых писем Бианки, по которым можно судить, что он также был одним из его фенологических корреспондентов⁴⁸. В одном из своих писем Бианки пишет: *«Глубокоуважаемый Дмитрий Никифорович! Примите мою искреннюю благодарность за прелестный подарок (Наши весенние цветы) и передайте привет Вашим замечательным сотрудникам. Шлю Вам наши наблюдения. В. Бианки».*

В популярной литературе о лесе равных Д.Н. Кайгородову нет. Вместе с тем, он не считал ее единственным средством воспитания любви к природе: *«Книга, - писал он, - всегда лишь чтение, только средство к первому ознакомлению. Само же ознакомление становится прочным, а не поверхностным, в близком общении с самой живой природой, в проверке на самих предметах того, о чем говорится в книгах... Природа щедро награждает тех, кто заглядывает в нее пытливым взглядом. У нее так много тайников, в которых сокрыты источники самых чистых наслаждений».* Возможность такую открывают загородные прогулки, учебные экскурсии в парк, в сад, в лес. Даже поход за грибами Кайгородов рассматривал как средство познания природы. В книге «Собиратель грибов» он напишет, что в собирании грибов можно найти все, что нас интересует из жизни природы и что необходимо знать, бывая в лесу, начиная с общей его характеристики, описания самих грибов и кончая правилами сбора.

Д.Н. Кайгородов сделал очень многое для совершенствования загородных экскурсий как формы обучения.

В заключение же нашего рассказа о Д.Н. Кайгородове как о писателе и популяризаторе природы хотелось бы привести хотя бы три из ,«опубликованных его афоризмов, которые хранятся в архиве:

«Читать плохую книгу то же, что идти по свежевспаханному полю».

«Как узнать свое призвание? Призвание это тот труд, к которому тебя тянет и который делаешь ты с особенным удовольствием».

«Умные люди нередко говорят больше глупостей, чем люди средние, поскольку не удосуживаются хорошо подумать о своих словах».

Постараемся и мы следовать советам нашего замечательного земляка.

Во дворце императора

Прекрасное есть символ нравственного добра.

И. Кант

В середине мая 1889 года Д.Н. Кайгородова пригласил член военно-учебного комитета генерал-лейтенант Григорий Григорьевич Данилович, бывший директор 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии, воспитатель императора Николая Александровича, его покойного брата Григория Александровича и наследника престола Николая Александровича - чтобы сообщить, что государь при выборе учителя естественной истории для великого князя Михаила Александровича окончательно остановился на его, Кайгородова, кандидатуре.

Столь неожиданное предложение озадачило молодого профессора. В столице было достаточно учителей, профессионально более, чем он, подготовленных для столь почетной и ответственной должности, требующей не только глубокого знания предмета преподавания, но и понимания со стороны юного сиятельного ученика, требующего к себе особого индивидуального высокопрофессионального подхода. Нельзя не вспомнить, что ученики эти уже при рождении получали не только сословные преимущества, права и материальные блага, но на них возлагались и соответствующие обязанности. По закону, подписанному 5 апреля 1797 года, лица, принадлежавшие к императорской фамилии, а великие князья входили в императорский дом, считались особами государственными. Статус их воспринимался как государственная должность. Великие князья обязаны были служить «царю и отечеству» образцово, показывая пример своим подданным. Умение же отлично служить само по себе не приходит. Ему надлежит учиться, что представители императорского дома и делали под руководством лучших учителей. Среди них был давний знакомый Дмитрия Никифоровича Цезарь Антонович Кюи (1835-1918), профессор Михайловской артиллерийской академии и училища.

Дмитрий Никифорович помнил Цезаря Антоновича еще по училищу — всегда щеголевато одетого, в высшей степени благородного и деликатного, с мягким, несколько вкрадчивым голосом. Дмитрий Никифорович нарочно ходил на лекции Кюи, уже будучи профессором Лесного института.

Он с восторгом смотрел, как красиво, быстро и отчетливо чертил Цезарь Антонович на доске от руки как по линейке самые замысловатые форты и укрепления, со всевозможными подробностями. В какие-то четверть часа на доске получались поистине художественные произведения, стереть которые по окончании лекции рука не поднималась. Фортификацию Цезарь Антонович знал в совершенстве. В то же время он был одним из талантливейших русских композиторов, тонкий музыкальный критик, автор 14 опер, в том числе «Кавказская пленница», «Ратклиф», «Сын мандарина», 250 романсов, а также других музыкальных произведений. В царской семье Кюи преподавал фортификацию наследнику престола - впоследствии императору Николаю II. Учителями императора были также генерал Д.Н. Драгомиров, профессора Н.Н. Обручев, А.К. Пузыревский, Н.Н. Бекетов. Совершенному знанию европейских языков обязан был император Карлу Осиповичу Хетсу - преподавателю Александровского (прежде Царскосельского) лицея. Руководил всей учебной работой Константин Петрович Победоносцев.

Некоторые из учителей Николая Александровича продолжали заниматься и с великим князем Михаилом Александровичем. Появились и новые. В числе их ученый историк, экономист, профессор и секретарь историко-философского факультета Санкт-Петербургского университета, член Ученого комитета Министерства народного просвещения, автор очерков по истории смуты в Московском государстве Сергей Федорович Платонов. С Д.Н. Кайгородовым знаком он был по Бестужевским женским курсам. Сергей Федорович вел занятия в царской семье по русской истории XVIII-XIX веков. Так что честь молодому профессору далеко не самого престижного в столице Лесного института оказывалась столь значительной, что он даже растерялся. О своих опасениях Д.Н. Кайгородов сказал Г.Г. Данилевичу.

- Разделяю Ваши опасения, но в большей мере ценю Вашу скромность. Разумеется, в Петербурге и тем более в Империи в достойных людях и хороших учителях недостатка нет, - согласился Данилевич. - Доверить занятия с Великим князем Государь может только человеку исключительно достойному. Вместе с тем, Ваши личные качества умножаются на добрую известность Вашего батюшки - почтенного генерал - майора Никифора Ивановича, который немало преуспел по службе в действующей армии и в не меньшей мере состоял в учителях Полоцкого кадетского корпуса. Столь же лестно отзываются в Военном министерстве о Ваших братьях: Иване Никифоровиче, Нестере Никифоровиче и Михаиле Никифоровиче. Служебные аттестации всех Кайгородовых дают основания не сомневаться в правильности выбора Императора.

Думается, знал Г.Г. Данилевич и о брате жены Дмитрия Никифоровича Владимире Робертовиче (после православного крещения – Романовиче Дице, ловчем императора. Он к тому времени также пользовался у своих патронов неизменным доверием. Александр III крестил сына Дица - Глеба, Николаи II награждал его ружьями, дорогими перстнями. К военным наградам Владимира Романовича незадолго до того добавился и очередной орден за безупречную службу⁴⁹. Дицы в гатчинской охотничьей слободе слыли людьми в высшей степени порядочными и преданными императору. Жена Владимира Романовича - Евгения Карловна была известной детской писательницей. В предисловии к ее книге «С детьми о птицах и животных», вышедшей в 1894 году, Д.Н. Кайгородов писал: «Охотно даю мое напутственное слово этой милой книжечке. От нее так и веет теплой любовью к природе и к детям, и она должна иметь успех у маленьких читателей». Под стать мужу она была человеком деятельным, попечительствовала в Гатчине над больными и сиротами. Кайгородовы с Дицами состояли не только в родственных, но и творческих отношениях. Об этом Г.Г. Данилевичу, безусловно, также было известно. Так что случайность в выборе учителя естественной истории для великих князей была абсолютно исключена.

- Государь, - продолжал Григорий Григорьевич, - учитывает и Ваши похвальные фенологические увлечения, просветительскую деятельность в Соляном городке, литературские, музыкальные интересы. Данилевич улыбнулся.

- Отдаю должное Вашей скромности. В новой Вашей должности скромность очень пригодится. Весьма похвально. Кстати, вполне возможно, что-то покажется Вам интересным из программы, составленной мною в свое время для Николая Александровича. Писали мы ее из расчета 12-летнего обучения, в том числе 8 лет - гимназических и 4 - университетских с некоторыми дополнениями, отчего пришлось программу на год увеличить. Соглашайтесь. Занятия начнутся с сентября. Время для подготовки к занятиям у Вас еще будет.

На том и расстались. Надо ли говорить, что Дмитрий Никифорович лето провел в изрядном волнении. Следующая встреча с Данилевичем состоялась в конце августа. Извещение о приеме на службу было подписано и предстояло лишь обсудить примерную программу занятий. Проходить ее они должны были двумя уроками по средам: с 12 до часу и с 2 до 3 часов дня. Жалование определено было Кайгородову в размере 1440 рублей в год - половина институтского, профессорского.

К занятиям предполагалось приступить в конце сентября, по возвращении царской семьи из Дании. Первые уроки должны были идти в Гатчине летней резиденции императора, затем в Аничковом дворце.

Курс занятий рассчитывался на три года. Покойный Александр Яковлевич Гердт, место которого занимал Дмитрий Никифорович, два года отводил на естественную историю вообще и год на анатомию и физиологию человека. Занятия его закончились на восьмом уроке. Так что учение предстояло начинать сызнова. Плана занятий предшественника Данилевич Дмитрию Никифоровичу не навязывал, предоставив новому учителю полный «carte blanche» на ближайший месяц как по программе, так и по методике занятий.

Генерал Г.Г. Данилевич (в начале столетия он был произведен в звание генерала от инфантерии) педагогом был прирожденным. По его инициативе в России были учреждены повторительные педагогические курсы для военных учебных заведений, на которых преподаватели училищ знакомились с современными знаниями, передовым опытом преподавания. Данилевич много внимания уделял совершенствованию методики преподавания, с интересом прислушиваясь ко всем новаторским, проверенным опытом педагогическим советам. Он был членом Ученого комитета Министерства народного просвещения и сам прошел школу преподавания в царской семье, будучи воспитателем императора.

Через месяц Д.Н. Кайгородов уточнил с Григорием Григорьевичем учебный план и методику занятий с великим князем. Общий замысел занятий представлялся весьма обширным и предусматривал подготовку юноши к военной карьере, основу которой составляли скорее науки точные: математика, грамматика, фортификация и другие. На них требовалась большая часть времени и сил. Поэтому занятия по естественной истории целесообразнее было построить в непринужденной и занимательной обстановке: не в классных комнатах, а на прогулках с демонстрационными лекциями. Тем более, что Михаил - мальчик впечатлительный и физически недостаточно крепкий. Тело же человека служит органом, посредством которого проявляется его душевная деятельность: «В здоровом теле - здоровый дух». Так что дополнительные физические нагрузки во время занятий пойдут князю на пользу.

- Я буду так вводить мальчика в окружающий мир, чтобы для него открывалось в нем что-то новое, чтобы каждый его шаг приближал к истокам красоты природы. Нельзя превращать ребенка в пассивного воспринимающего слов. Словесно излагаемые мысли утомляют. Если изолировать ум ребенка от природы, если он воспринимает только слово без образа, то он скоро утомится и потеряет интерес к самим словам.

Данилевич улыбнулся. Ему все это было известно и прежде. Экскурсионный метод преподавания не был новым. Пользовался им еще великий древнегреческий философ Аристотель (384-322 гг. до н. э.).

В состав территории его школы, Ликей, входила тенистая роща и сад с крытыми галереями вокруг двора. Прогулочная система занятий, при которой ученики вместе с учителем гуляли и беседовали о предмете занятий, пользовалась у древних большой популярностью и называлась «*перипатео*» (от греческого - «*прогуливаюсь*»), В природе нет магической силы на разум и чувства. Учитель становится помощником в восприятии природных явлений своими менее подготовленными воспитанниками. Достаточно ли умения для этого у молодого профессора, покажет время. Провести занятия на природе, конечно, труднее, чем отзаниматься с учениками в классе, но это уже забота воспитателя. Данилевич был доволен, что Д.Н. Кайгородов сам высказался за такие «*перипатео*». Заметив улыбку на лице генерала, Дмитрий Никифорович решил что его предложение вызывают какие-то сомнения. Он с еще большей убежденностью продолжал:

- Прежде чем открыть книгу и прочесть первое слово, человек должен прочесть самое чудесное слово в мире - книгу природы. Мышление начинается с удивления, говорил Аристотель. Удивить в парке, лесу, поле легче, чем в классной комнате. Да и истинная красота - за дверью дворца. Восхищение ею - первый шаг к доброте. Прогулочные уроки в местах, приближенных к объектам обсуждаемой темы, помогут усвоению лекционного материала и станут своего рода физической разрядкой для Михаила Александровича. Прогулки не пойдут в ущерб учебе. Я это гарантирую с полной определенностью.

- Хорошо, хорошо. План Ваш принимается. На первых порах не торопитесь с учебным материалом, познакомьтесь с учеником поближе, узнайте его характер, особенности мышления, интересов, - посоветовал Данилевич. - Жду Ваших рекомендаций к началу занятий и в дальнейшем, в ходе их.

Дмитрию Никифоровичу было о чем подумать в оставшееся до начала занятий время. Очень уж необычный был ученик. В то же время Дмитрий Никифорович понимал, что сиятельный его воспитанник - это прежде всего человек, вступающий в мир познания, творчества, общественных отношений. Его обязанность - ввести, возможно, будущего российского императора (после смерти Георгия Александровича Михаил Александрович становился наследником престола) в мир познания окружающей действительности, пробудить и утвердить в его душе благородные чувства. Учить придется не только тому, что интересно, но и тому, что надо исходя из жизненных обстоятельств.

Трудно сказать, сколь велика была заслуга Д.Н. Кайгородова в воспитании великих князей и княжен. Бесспорно лишь, что его уроки пригодились воспитанникам в их жизни. Дмитрий Никифорович не ставил своей целью сделать своих учеников профессионалами-природооведами. Он не утруждал их тонкостями мироздания. Главную цель своих занятий Дмитрий Никифорович видел не столько в пунктуальном заучивании полагающихся по программе фактов, сколько в развитии в учениках наблюдательности, понимания природы, среди которой придется жить.

Время подтвердило правильность выбранной методики занятий. Надо сказать, что и с учеником Дмитрию Никифоровичу повезло. Михаил Александрович оказался юношей умным, может быть не столь внимательным, сколько любознательным и воспитанным. С ним нетрудно было найти приемлемую для учителя и ученика манеру общения.

Учитель великих князей

*Не думай, что всякая скорбь напускается
человекам за грехи их: искушаются и благо-
угождающие Богу; вси, хотящие благостно
жити о Христе, гонимы будут.*

Евангелие от Марка

В императорской семье к учебе ее представителей относились с исключительной заинтересованностью. Великие князья это хорошо понимали. Император и императрица нередко появлялись на уроках не только детей, но и племянников. Первая такая встреча с императором произошла у Д.Н. Кайгородова 21 февраля 1890 года. О встрече этой Д.Н. Кайгородов впоследствии писал:

«На учебном столе стояли в горшке желтые тафиоли.

- *Ботаника?* - поинтересовался Император.
- *Так точно, Ваше Императорское Величество,* - с обычной своей мягкой улыбкой подтвердил Дмитрий Никифорович.
- *Интересуется?* - спросил император, кивнув в сторону сына.
- *Очень интересуется, Ваше Величество. Прекрасный ученик,* - ответил Кайгородов и при том не лукавил. Мальчик искренне интересовался предметом.
- *Где же Вы еще преподаете?*
- *В Лесном институте профессорствую, Ваше Величество.*
- *И как давно?* - продолжал расспрашивать Император.
- *С 1875 года, Ваше Величество.*
- *И больше нигде?* - поинтересовался Император.
- *Больше нигде, Ваше Величество.*
- *И учились в Лесном институте,* - чтобы поддержать разговор спрашивал Император, хотя из доклада Данилевича знал все о новом учителе.
- *Общее образование я получил в Полоцком кадетском корпусе, кончил Константиновское артиллерийское училище, вышел в армию офицером в артиллерию, а затем вольнослушателем прослушал курс Земледельческого института,* - с неторопливой, присутствующей ему обстоятельностью доложил Кайгородов.

- Начали, значит, в артиллерии, - внимательно взглядываясь в собеседника заметил Император.

- Точно так. Ваше Величество, - по-военному коротко отрапортовал Дмитрий Никифорович.

- Как же это Вы так: из артиллерии и в лесники. Очень уж дело разное, - спросил Император.

- По сердечному влечению к лесу, к природе и естественным наукам.

- Понятно, - думая уже о чем-то другом согласился Император. И, показав на демонстрируемый цветок, поинтересовался:

- Не бедствуете с пособиями?

- Не бедствую. Оранжереи выручают. Ваше Величество.

- Ну, ну. Продолжайте свой урок.

Повернулся в пол-оборота к сыну, положил ему на голову свою, казалось бы, тяжелую, способную гнуть монеты и подковы, руку и удивительно легко и ласково взъерошил волосы. Чуть виноватая и нежная улыбка тронула губы императора.

Дмитрий Никифорович смотрел на импозантную, могучую фигуру Александра Александровича, на широкое, добродушное его лицо под окладистой бородой и думал:

- Господи, Государь-то, только на портретах всемогущий самодержец, а в жизни такой же смертный человек, любящий отец и заботливый семьянин. Сколько забот лежит на плечах Императора, а сколько тревог и волнений на плечах просто отца семейства.

Дмитрий Никифорович краем глаз посмотрел на усталое лицо царя.

— Тяжела ты, шапка Мономаха, - продолжал размышлять про себя Дмитрий Никифорович. Батюшка императора - убиенный Александр Николаевич - был бы доволен сыном. Уродился Александр Александрович по обличию настоящим русским богатырем и живет, как истинно русский человек, с любовью к матушке России и всему русскому. Сколько новых школ появилось при нем, Крестьянский, Дворянский банки, земства заработали во всю силу, сибирская железная дорога начала строиться, какой год страна в мире и согласии живет. Все оттого, что хозяин в ней спокойный, умный, миролюбивый, богобоязненный, домовитый.

Дмитрий Никифорович еще раз, стараясь быть не назойливо любопытным, бросил взгляд на Государя. На нем был просторный мундир из недорогого сукна, хорошо поглаженный, но уже далеко не новый. Кайгородов слышал о исключительной бережливости Императора. Теперь он в этом убедился своими глазами.

- Станут ли детки Его Величества достойными продолжателями своего мудрого родителя? Не могут не стать! Отцовский пример и наставление в жизни - главное... Учительское - тоже. Выходит, и я отныне в ответе перед богом за то, какие люди станут управлять Россией.

Дмитрия Никифоровича даже в жар бросило от этой мысли. Он особенно остро почувствовал, какую огромную ответственность принял на себя, согласившись стать учителем в императорском доме»⁵⁰.

Занятия между тем шли даже лучше, чем Дмитрий Никифорович мог предположить. Одновременно он вел курс в Лесном институте и заканчивал книгу по орнитологии. Назвал Дмитрий Никифорович ее «Из царства пернатых», и когда она вышла весной 1892 года, испросил у императрицы позволение посвятить ее первому своему императорскому ученику великому князю Михаилу Александровичу. Казалось бы, просьба небольшая. Однако прежде чем пришло разрешение, Дмитрий Никифорович изрядно наволновался. Книга проходила согласование в канцелярии Императорского двора. Согласие на императорское посвящение уже само по себе определяло уровень работы автора.

Разрешение было получено.

Второе подобное же разрешение на посвящение Михаилу Александровичу третьего выпуска книги было дано через шесть лет:

«Свидетельство.

Выдано профессору Санкт-Петербургского Лесного института Действительному статскому советнику Д.Н. Кайгородову в том, что последовало разрешение на посвящение Августейшему имени Его Императорского Высочества третьего издания сочинения Кайгородова под заглавием «Из царства пернатых».

При этом прилагается проект посвящаемой надписи:

«Его Императорскому Высочеству Великому князю Михаилу Александровичу августейшему своему ученику

Всепреданнейше посвящает автор»

За зав. канцелярией Действительный статский советник Злобин.

30 ноября 1898 года»⁵¹.

Разрешение на посвящение книги Д.Н. Кайгородова его августейшему ученику было не только высокой оценкой самой книги, но и тех занятий, которые он проводил с великим князем. Она была явно доброжелательной.

Через три года воспитанницей Д.Н. Кайгородова стала и дочь Александра III, сестра императора Николая II Ольга Александровна.

Великая княжна была человеком, безусловно, одаренным, глубоко понимающим и любящим природу.

В этом Д.Н. Кайгородов убедился уже на первой встрече с ней. В письме к брату Н.Н. Кайгородову в октябре 1893 года он напишет: *«В среду 13 октября у меня был первый урок с Великой княжной Ольгой Александровной, С каким огромным удовольствием провел я два часа с этой чудесной девочкой. Она так мила и сердечна, как и мой дорогой бывший ученик, ее брат Михаил Александрович, но только еще наблюдательнее, развитее, способнее (по общему мнению других учителей). Она поражает меня своей наблюдательностью, своими познаниями, воспринятыми непосредственно из живой природы. Я никак не ожидал ничего подобного от 11-летней девочки, да еще Царской дочери. Ольга Александровна встречает меня чрезвычайно сердечно. Она пристрастилась в Крыму собирать раковины. В среду показывала мне прекрасную коллекцию»*⁵².

Официальные уроки с великой княжной Ольгой Александровной, проходившие в Гатчине и Аничковом дворце, сочетались с почти домашними встречами в Лесном.

Ольга Александровна красотой не отличалась: монгольские черты лица, вздернутый нос очень простили лицо княжны, но прекрасные, умные, добрые, доверчивые глаза одухотворяли лицо девушки и располагали к ней каждого, кому с княжной приходилось встречаться. Генерал А.Н. Куропаткин, часто бывавший при дворе, в своих воспоминаниях отмечал не только исключительную приятность Ольги Александровны, но и ее доброжелательность, искренность, открытость: *«Трогательная черта этой девушки-женщины: желание делать добро простым людям. Чистота душевности ее изумительная. Приходя в соприкосновение с внутренним миром этой натуры, человек и сам становился лучше»*⁵³.

Ольга Александровна, если судить по воспоминаниям ее современников, была натурой исключительно впечатлительной и музыкальной: *«Ноги и руки ее не находили места, - писал А.Н. Куропаткин. - Во время исполнения любимых произведений она начинала подпевать, подсвистывать в такт мелодии, но спохватившись затихала и только горящий ее взор говорил о глубокой ее сопричастности с происходящим»*.

В своей любви к музыке Ольга Александровна близка была к своему учителю Д.Н. Кайгородову - человеку, так же тонко ощущавшему музыку и почти профессиональному пианисту.

Ольга Александровна, если судить по ее собственноручно выполненным открыткам, которые она посылала Д.Н. Кайгородову, была не лишена художественного таланта. Многие из них рисованные с мастерством и вкусом. В письмах княжны нередко упоминается о времени, которое она с истинным удовольствием проводила за этюдами пейзажей.

Д.Н. Кайгородов сумел стать желанным учителем императору семьи. И об этом можно судить по той теплой, уважительной переписке которая велась Кайгородовым со своими учениками на протяжении более чем 20 лет. Вот поздравительная пасхальная открытка Ольги Александровны.

«16 апреля 1908 года. Гатчина.

Воистину Воскресе.

Сердечно благодарю моего дорогого старого учителя за открытку Желаю всего лучшего. Эта карточка моей работы. Я много рисую пейзажи, сижу в парке и делаю эскизы. С сердечным приветом Ваша бывшая воспитанница Ольга».

Столь же дружелюбно и непринужденно письмо от 12 января 1909 года:

«Милый Дмитрий Никифорович!

Принуждена побеспокоить Вас маленькой просьбой. Можете ли Вы прислать мне адрес Беркаловых?

Знаю, что Вы простите мне маленькое мое беспокойство. Я все живу в Гатчине и редко бываю в городе.

Очень бы хотелось Вас когда-нибудь пригласить к завтраку. Может через неделю - к будущему понедельнику, к 12 часам на Сергиевскую 4б.

Желаю всего лучшего и жду ответа.

Любящая Вас бывшая Ваша воспитанница Ольга».

Без привязанности к детям нельзя быть их воспитателем. Дмитрий Никифорович искренне любил своих воспитанников. Им он посвятил свои лучшие книги: Михаилу Александровичу - «Из царства пернатых», Ольге Александровне - сборник рассказов «Лепестки». В посвящении к этой книге Д.Н. Кайгородов напишет: *«Ее Императорскому Высочеству Великой княжне Ольге Александровне августейшей своей ученице Всеподданнейше посвящает автор».*

В «Лепестках» собраны были миниатюры детских сказок, небольших рассказов, в том числе «Ночной гость-звезда», «Сильфа и эльфа», «Прыгающий барометр», «Воробей и роза», «Тюльпан и счастье», «Как ворона спасла сад» и другие.

По-отечески нежно письмо Д.Н. Кайгородова к Ольге Александровне от 15 ноября 1903 года:

«Ваше Императорское Высочество.

Дорогая моя ученица Ольга Александровна!

Душа моя просится взглянуть на Вас, послушать Ваш голос. И книжечка есть у меня новая, которая давно ждет высокой чести быть Вам поднесенной.

Разрешите и при случае посмотреть на Вас, на пару минут в качестве старого учителя, к которому вы были бесконечно добры. Назначьте день и час.

Супругу Вашему Его Высочеству Петру Александровичу передайте мой почтительный поклон.

Ваш старый учитель Д. Кайгородов».

Дружба с сиятельными своими учениками открывала Д.Н. Кайгородову возможности для личных выгод, которыми, однако, он никогда не воспользовался. Разве что одной просьбой по поводу соседского мальчика. В письме от 17 марта 1906 года к Ольге Александровне Д.Н. Кайгородов ходатайствует за восьмилетнего Ваню Егорова - сына бывшего своего кучера. Мать мальчика пьяница, как и отец, в пьяном виде бьет сына. Мальчик нищенствует и относит деньги непутевым своим родителям. Иного выхода, как устроить мальчика в какой-либо хороший приют, Д.Н. Кайгородов не видел. С чем и Ольга Александровна согласилась.

Впрочем, царские его ученики не были безучастными к интересам своего учителя. Михаил Александрович в 1911 году приказал отпускать из своих средств на издание научных трудов русских ученых о русском лесе по 1500 рублей ежегодно.

Личная жизнь Ольги Александровны не была счастливой. Выходить замуж за иностранца и покидать Россию она не захотела. В мужья ей, как это часто случалось в императорских домах, выбрали, сообразуясь с интересами государственными, человека для семьи полезного, но глубоко ей безразличного. В 1901 году им стал принц Петр Александрович Ольденбургский. По воспоминаниям писателя И.А. Бунина, это был человек *«совершенно удивительной доброты и благородства»*. С императором Николаем II его связывала многолетняя искренняя дружба. Вряд ли кто любил так искренне и бескорыстно императора, как он. С истинно святой простотой он звал Николая Александровича *«Колей»*. Император знал о преданности принца. Он-то в немалой мере и способствовал браку принца с сестрой. Принц унаследовал от бабушки своей, дочери Павла I, немалые богатства и прадедовскую малопривлекательную внешность. В *«Окаянных днях»* И. А. Бунин нарисовал внешний облик принца: *«Меня удивил его рост, его худоба... Его череп, совсем голый, маленький, породистый до явных признаков вырождения, сухость и тонкость красноватой, как бы спаленной кожи на маленьком костлявом лице, небольшие подстриженные усы тоже охряно-желтого цвета и выцветшие глаза, скорбные, тихие и очень серьезные, под треугольно поднятыми бровями (вернее, следами бровей)»*.

Здоровьем Петр Александрович был слаб. К военной службе тяги не имел и уже в юности стал проявлять искренний интерес к сельскому хозяйству. Родители увлечение сына поддерживали. Петру Александровичу выделили для полеводческих его опытов в имении Раменье под Воронежем опытный участок земли. В сельскохозяйственных занятиях своих принц немало преуспел. Именно ему обязан своим основанием Научно-исследовательский институт сахарной свеклы имени М.Л. Малукса, Ольга Александровна в научных занятиях мужа была доброй помощницей. Через несколько лет молодые супруги переехали в соседнее имение, названное в честь супруги «*Ольгиным*», в котором также занимались сельскохозяйственными опытами. Так что уроки естествознания, преподававшиеся Д.Н. Кайгородовым княжне, оказались очень кстати. Земледельческие опыты семьи Ольденбургских, особенно с субтропическими культурами, продолжились затем и в окрестностях Гагр. Знаменитый гагринский дендрарий хранит заботу рук Ольги Александровны.

Формально в браке с Петром Александровичем Ольга Александровна состояла 15 лет. Стерпелась, как того требовал брат, но любви не было и быть не могло. Убедилась она в том уже через два года, встретившись в 1903 году с капитаном лейб-гвардии Кирасирского полка Николаем Александровичем Куликовским. Кому сказать об этом? Поехала к императору. С братом, Николаем Александровичем, Ольгу Александровну связывала нежная дружба и самые доверительные отношения, но о ее разводе с принцем он и слышать не хотел.

- Много еще браваых капитанов, как у прабабушки нашей, окажется на твоём пути. Всякий раз разводиться? Хорош будет пример для подданных! Браки, Олюшка, в царских домах идут не по любви и капризу, а «по ведомству иностранных дел». Думаешь, мне легко было оставить Ксению Максимилиановну и жениться на Александре Федоровне? Теперь же лучше ее я и женщин не знаю. Стерпишься - слюбишься. Может тогда и любовь придет.

Терпела. Искренние, уважительные отношения к мужу пришли. Ольга Александровна повсюду следовала за ним. Старалась понять Петра Александровича, быть полезной ему в делах. Только любви не было. Сердце княжны было в казармах лейб-гвардейского полка у ротмистра Куликовского. Чаше стала выезжать из дому, внимательнее вглядываться в мир, пыталась поближе узнать простых людей. Ольгу Александровну можно было видеть в различных благотворительных заведениях, в военном лагере, где размещалась рота ее мужа. Хотела понять причину надвигающейся на страну беды. Да разве это все просто!

С началом мировой войны Ольга Александровна уехала в действующую армию. Последнее ее письмо (из архива Д.Н. Кайгородова) 30 ноября 1916 года подписано в Киеве:

«Дорогой Дмитрий Никифорович!

Получила Вашу прелестную книжечку давно - тогда я была больна: нарыв в горле.

Четвертого ноября я вышла замуж за штабс-ротмистра Николая Александровича Куликовского и теперь страшно счастлива.

Работаю по-прежнему в госпитале.

В Киеве нашла хорошо распустившиеся цветы баранника.

Любящая Вас Ольга».

Революция застала ее с мужем и маленьким сыном в Крыму. Счастливая семейная жизнь явно осложнялась произошедшими в стране переменами 23 февраля 1918 года она напишет племяннице Марии в Тобольск: *«Тихон (сын) совсем не гуляет. Очень редко, когда тихо выносим и он сперва очень радуется и рассматривает все вокруг, но очень быстро его шляпа оказывается на одном боку или под самыми глазами и он делается сонным. Жаль, что нет коляски, на руках таскать его по горам утомительно, да и ему не очень удобно...*

С трудом получаем свои деньги в банке. Дают не более трехсот рублей в месяц - не хватает. Пришлось продать две пары сапог Николая Александровича. Смешно! Не правда ли».

Бедная Ольга Александровна! Если бы знала она, каково приходилось в это время ее племянницам и брату в Тобольске!

В середине 1918 года в Крым вошли немцы. Ольга Александровна с семьей переехали на Кавказ, где новая власть еще не установилась. Только и старая уже не хотела иметь дело с представителями бывшего императорского дома. Пришлось в 1919 году через Новороссийск на торговом судне уехать в Данию к обосновавшейся там матери - Марии Федоровне.

За границей Ольга Александровна создаст благотворительный фонд своего имени для помощи бедным, инвалидам, больным и домам престарелых.

Родится у Ольги Александровны и бывшего полковника гвардии Н.А. Куликовского еще один сын. Старший - Тихон Николаевич Куликовский-Романов - окажется талантливым художником.

Женится он на дочери екатеринославского есаула Ольге Николаевне Пупыниной, которая после смерти свекрови в 1960 году и мужа возглавила этот фонд и уже не однажды приезжала в Россию с благотворительными целями в пользу россиян - исторических своих единоверцев и земляков.

Литературные «пятницы»

*Поэт к гражданин, он призван был учить
В лохмотьях нищеты живую душу видеть
Самоотверженно страдающих любить
И равнодушных ненавидеть.*

Я.П. Полонский

Полонские жили на углу Знаменской и Бассейной, в большом доме, расположенном у трамвайной остановки на углу нынешних улиц Восстания и Некрасова. В квартиру на пятом этаже вела крутая лестница, которую в последние годы жизни Якову Петровичу без посторонней помощи было уже не преодолеть. Приходилось садиться в кресло, которое несли дюжие дворники. Гостей лестничные проходы не пугали. Ходили на его «пятницы» званные и незванные с превеликим удовольствием.

«Поверьте, Петр Петрович, - писал Полонский литератору Гнедичу, - «пятницы» мои делаются как-то сами собой. Из числа тех, кого вы у меня встретили, не было ни одного приглашенного, ни одной приглашенной».

Съезжались на «пятницы» к Полонскому кто хотел и когда хотел и уходили также. Притягивала на вечера хозяйская доброжелательность и демократичность самой обстановки. В просторной столовой Полонских стоял самовар, из которого каждый мог налить себе чашку крепкого чая. У молодых Полонских - дочери Наташи и сыновей Александра и Бориса - свой кружок друзей. Они и заполняли столовую. Яков Петрович, пока молодежь шумела и играла в столовой, сидел в своем полутемном кабинете, курил сигары, пил чай и читал кому-нибудь из любителей поэзии свои еще не опубликованные стихи. Когда Наташа садилась за рояль, Яков Петрович появлялся в дверях столовой, укутанный в плед. Стоял, опираясь на костыль, и с удовольствием слушал. Музыка он очень любил. Мелодия, считал он, воспитывает душу, очеловечивает ее. Как же не любить музыку? Впрочем, в доме Полонского музыку все любили.

Своим присутствием Яков Петрович создавал ту замечательную ауру душевного комфорта, которая делала его дом особенно привлекательным.

«Еду к Полонскому, - вспоминал писатель Александр Амфитеатров, - сказал как-то мне один известный поэт.

- Зачем?

- На душе скверно... Для душевной дезинфекции...

И я поехал с ним, потому что и у меня было скверно, и жизнь была темна и противна, и мне хотелось нравственной дезинфекции... И Бог знает каким чудом: ведь ни о чем особенном мы не беседовали, никаких излияний не творили, этических вопросов не поднимали, исповедоваться не исповедовались, а получили, чего желали: вышли от Полонского бодрые духом, светлее взглядами на жизнь. Он создал вокруг себя очищающую атмосферу...»

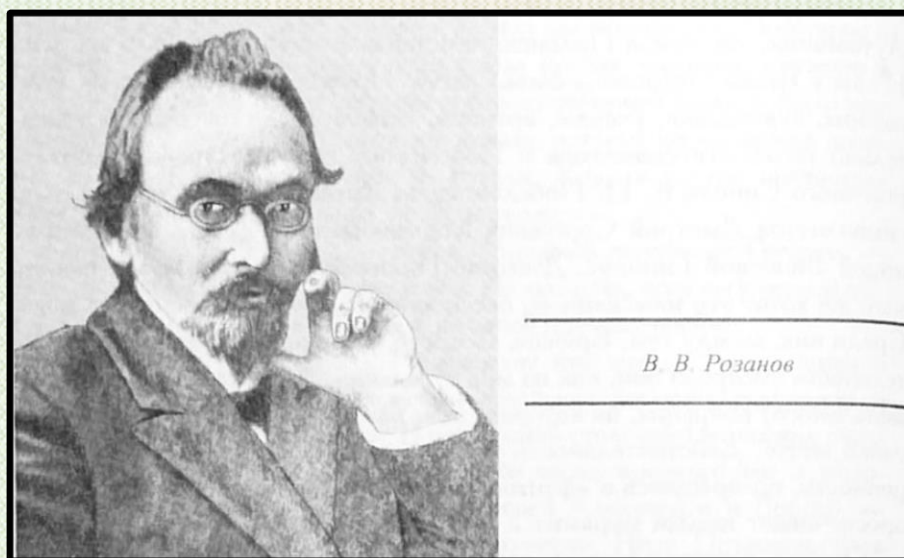
Дело было не в квартире и не в той непринужденности, которая присутствовала у Полонских, а в самом ее хозяине. К нему, как человеку, ходили с удовольствием и так же к себе приглашали с радостью.

С. Тургенев с нетерпением ожидал Полонского у себя в Спасском-Лутовинове, где семья Полонского останавливалась нередко на все лето. Я и сам у Якова Петровича бывал часто. Приходили к Полонскому литераторы, художники, ученые, артисты. Видели среди гостей даже удивительно тепло относившегося к Полонскому обер-прокурора правительственного Синода К.П. Победоносцева. Бывали на «пятницах» и мэтр символистов Дмитрий Сергеевич Мережковский со своей очаровательницей Зиночкой Гиппиус. Дмитрий Никифорович никак не мог понять, чего же хотят эти изысканные, бесспорно одаренные и непонятные люди. Среди них, между тем, Брюсов, Сологуб, Бальмонт. На жизнь, действительность смотрели они, как на мир страданий, «тюрьму» ложного (феноменального) познания, из которого поэт находит выход в «иных мирах», в своей мечте. Действительность теряла потому для них самостоятельную ценность, превращаясь в «фантом, важный лишь, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами» в русской поэзии⁵⁴.

Однако Дмитрия Никифоровича завораживали журчащие, переливающиеся изысканными словами и фразами стихи этих удивительных поэтов. Особенно трогала Дмитрия Никифоровича созвучная и его взглядам убежденность символистов в том, что именно «красота спасет мир», что она «первая сила» в борьбе со злом и вместе с Добром и Истиной должна стать залогом грядущего «всеединства» мировой гармонии. *«Правильно, правильно! Именно нравственное и умственное возвышение независимой личности определит будущее России, - думал Дмитрий Никифорович, прислушиваясь к речам присутствующих, - а не какие-то там «социальные революции». Прежде чем их устраивать, сначала человека сделать надобно. Это потруднее, чем шархнуть каменюгой или бутылкой городского по голове».*

«Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества», - вспомнились слова из пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург».

Пожалуй, хорошо на этот счет говорил и гость Я.П. Полонского Василий Васильевич Розанов. *«Напор революции есть напор дикости и самой грубой азиатской элементарности, а не напор духа и высоты. Революция не была другом философии - это никогда не надо забывать Она всегда шла враждебно поэзии - это тоже факт. Весь застой России также от революции. Без Чернышевского и «Современника» Россия имела бы конституцию уже в 60-х годах; без Желябова, как «благодетеля», она получила бы ее в 1881».*

В момент взрыва бомбы террористов у Александра II в кармане уже находился проект конституции. Ой, как прав Василий Васильевич. Не будет добра от революции. Битой посуды будет много, а «нового здания не выстроить», - продолжал рассуждать про себя Дмитрий Никифорович.

Встретился глазами с Зинаидой Николаевной Гиппиус. Улыбнулся ей своей доброй, как всегда чуть смущенной улыбкой, кивнул и подумал:

- Она к Василию Васильевичу благоволит особенно. Он для нее больше, чем писатель - сверхчеловек, «явление», с даром божественным. Хотя при всей своей дамской терпимости и не перестает удивляться и возмущаться непостоянству и двуличности своего любимца. И есть от чего. Ту же революцию Василий Васильевич сегодня бранит, а завтра скажет о ней: *«непостижимая, святая Евхаристия», «новое христианство».* Да еще и посмеется на упреки в непостоянстве: *«По прямой вороны летают, а на кривом эллипсе покоятся небесные светила».*

Другой любимчик Зинаиды Николаевны - Сережа Есенин, стихи которого Дмитрий Никифорович читать не мог, чтобы не утереть слезу восторга и умиления, - также непонятно, какое коленце выкинет завтра. Пройдет несколько лет и большинство присутствующих окажутся в эмиграции. Брюсов и Есенин останутся в рас-терзанной России.

Брюсов оказался первым, кто пошел с революцией, первым встал на позиции разрыва с российской интеллигенцией, перечеркнув в себе страницы старого бы-тия.

«Очень грустно, что на таком литературном безрыбье уходят такие люди, - скажет Есенин. - Все мы учились у Брюсова, сгорбившись над томиками этого не-превзойденного поэта, строка за строкой разбирая волшебство его вириш. А он?» Тем не менее и Есенину легче окажется разойтись с бывшими учителями, друзьями и поклонниками, чем бросить родину. Уезжая с Дункан на заграничные гастроли, Сер-гей загрустил.

- *Что мне делать, - спросил Есенин А.М. Сахарова, - если Мережковский или Зинаида Гиппиус встретятся со мной? Что мне делать, если Мережковский подаст мне руку?*

- А ты руки ему не подавай! - отвечал Сахаров.

- Я не подам руки Мережковскому, - соглашается Есенин, - *я не только не подам ему руки, но я могу сделать и более решительный жест... Мы остались здесь. В трудные для родины минуты мы оставались здесь. А он со стороны, он издали смеет поучать нас!* (Из воспоминаний И. Грузинова)

Непростое наступало время. Чувствовалось это и в стихах, и в речах.

Сотрудничество с «Новым временем» и ставшие теперь уже почти постоянными литературные занятия познакомили Дмитрия Никифоровича со многими петербургскими литературными знаменитостями. С одними он лишь вежливо рас-кланивался при встречах, но многих искренне почитал. Как, например, Василия Васильевича Розанова.

Как искренне верующему человеку Кайгородову не могла не импонировать бо-жественная символика Розанова. Именно в понятиях о Боге, о душе, о жизни здесь на земле и странствиях души после смерти бренного тела и состоит родник жизни народа. Никто из знакомых Дмитрия Никифоровича не мог так образно и убедительно сказать и написать, как Розанов.

- *«Нравственность, как и религия, должна быть уважаема всеми», - опять вспомнились Дмитрию Никифоровичу слова А. С. Пушкина.*

- Духовная близость Богу, к природе, откроет России путь к всеобщему благополучию. Однако Александр Сергеевич в своих словах и мыслях, в отличие от Василия Васильевича, был предсказуем. Талантливый же потомок ветлужского лесничего Василий Васильевич Розанов еще неизвестно какое коленце выкинет в философских своих исканиях. От Розанова только и жди подвоха.

Ждать «подвоха» и на этот раз долго не пришлось. Он уже лежал на письменном столе в кабинете дома у Золотого пруда в Лесном. Это была статья Розанова о религии. Словно тяжелым цепом ударила она Кайгородова. Три дня рассудительный и сдержанный в крайних оценках Дмитриий Никифорович ходил сам не свой. На четвертый сел писать Розанову ответ.

«Глубокоуважаемый и дорогой Василий Васильевич.

Не очень ли Вы уже «замудрствовались лукаво» в Ваших философско-религиозных и разных других соображениях... Не очень ли уж много городской копоти осело за зиму на Вашу душу. Помилуй Бог, в христианство изверился: религия отшельников, отчаявшихся в мире. И это пишет Василий Розанов, автор книги «Евангелие как основа жизни», книги, призывавшей нас радоваться!

Вот что значит продолжительная оторванность от природы - санатория и кормилицы души! А Вы притом еще и против естествознания! Да Бог с ним, с Вашим естествознанием. Мы говорим о естествознаниях разных, как я вижу из приведенного Вами американского примера. Естествознание мое, каким я его понимаю - это природознание, природопонимание. Оно открывает в Природе Бога. Возможно, и вроде того, как в «культе Изиды», о котором Вы пишете. Только никак не естествознание биомеханическое этих самых Шимкевичей, Фаусеков и Вагнеров, восторгающихся теперь Вами.

Про разное мы толкуем, дорогой Василий Васильевич! Я мечтаю об обновлении, исцелении русской души путем приятия природы, - природы Божественной, а не узко научно-практической американской.

Беда наша в том, что до сих пор у нас ничего родного не было, на какой почве развивалась душа детей России?! И разве мы можем знать, как бы она могла развиваться на родной почве? Ни истинно русской истории, ни родного чистого языка, ни родной поэзии, литературы пока еще в русской школе не было. Русскую природу мы еще тоже толком не учили. Была в школьной программе плохонькая ботаника, скверная зоология, минералогия со схоластической кристаллографией, но природы - природы гармонической, целой, божественной еще в нашей школе не было.

Я мечтаю при изучении природы пройти с учениками в лес послушать, как поют птицы, а в поле поет рожок пастуха, как улыбаются навстречу солнцу на лесных прогалинах голубенькие чистые цветы, а в поле еще лежит последний сквозистый снег - "последние слезы о горе былом, и первые грезы о счастье ином"... Грезы, грезы! Неужели они так ими и останутся! Если бы Вы знали, как у меня болит сердце. Мои задумки не были воздушными замками. Я хорошо знаю, что значит для души обыкновенного человека сблизиться с природой. Приезжайте ко мне в Лесной. Я Вам почитаю, что по этому поводу пишут простые люди. Какие откровения пишут образованные и полубразованные люди! Я уже знаю до какой степени им важно стремление сблизиться с родной природой. Народ нутром чувствует, что ему надо и в чем его спасение, а вы к нему со словами о развалинах древнеязыческого мира... Не умеет наша интеллигенция общаться с народом и в этом ее беда, ее несчастье.

Огромное несчастье - разлука с природой и эти проклятые города, суета и нравственная копоть, которая омрачает даже такие прекрасные и возвышенные души, как душа Василия Васильевича Розанова!

Когда я сегодня утром еще раз прочел Вас, на душу мою словно облако нашло, но в открытое окно майского утра долетело кукование кукушки и на душе разъяснилось. Значит, природа сильнее.

Что я могу пожелать Вам, дорогой Василий Васильевич, за все Ваши огорчения: вспомните, "как волнуется желтеющая нива". Перечитайте С.Т. Аксакова. Его "Первую весну в деревне". Может и у Вас на душе разъяснится.

Велика душеспасительная сила природы. Не надо увековечивать наши представления о мире на обломках чуждого России мира. Или Вы уже так разуверились, что не верите России православной? Не может этого быть. Это все городская копоть, что налипла на Вашу душу.

Ну, да Бог милостив. Простите, если что сказал в сердцах не так. 12 мая 1902 года. Лесной. Ваш Дмитрий Кайгородов»⁵⁵.

Не может Д.Н. Кайгородов согласиться с утверждением глубоко чтимого им человека, поскольку даже вхождение искусства в духовный мир начинается с познания красоты слова, а волшебная красота его может оказаться обычным звуком, если не объединена с чувственным восприятием услышанного. Восприятие красоты неба, реки, поля, леса лучше всего утверждается при взгляде на них. Слово должно отложиться не только в уме, но и в эмоциональной памяти человека. Духовный мир русских людей тесно связан с природой, в которой он живет и трудится, от которой зависят результаты его труда. Естественные эти связи интеллигенция просто обязана постоянно раскрывать и превращать в нравственные и юридические принципы. Тем более, что не такое простое это занятие.

Далеко не все российские интеллигенты однозначно убеждены по части бережного отношения к природе. Как не вспомнить недавнюю книгу Энгельгардта. Нет, не бывшего учителя Кайгородова А.Н. Энгельгардта, преподававшего в Земледельческом институте химию и написавшего после вынужденной своей отставки замечательную книгу «Письма из деревни», в которых поведал о своей сельской жизни и хозяйствовании в имении. Речь идет о сыне его, Николае Александровиче Энгельгардте, в отличие от отца человеке скандальном, не очень удачливом публицисте, но оказавшемся на виду благодаря имени отца и шумным публикациям. В книге «Лес и климат», опубликованной в 1902 году, Н.А. Энгельгардт напрочь отверг какое-либо положительное влияние леса на сельское хозяйство. Более того, утверждал, что кроме хлопот, лес крестьянину ничего не дает. В конце же книги вообще настаивал на отмене лесоохранительного закона и предоставлении крестьянам самим решать судьбу своих лесов. Уж они бы решили! Остались бы одни пустыри. И все оттого, что стержня душевного, веры во Всевышнее предназначение Природы и главнейшего ее составляющего у меньшого Энгельгардта нет. Без веры, без идеи убежденность кидает человека из стороны в сторону, и ни на что большое и нужное Богу он не годится.

Статья В.В. Розанова в очередной раз подтвердила мысль Дмитрия Никифоровича о настоящей надобности деятельного его участия в утверждении последовательного природоведения на нравственно-философской основе. Нет, не только в «собираательстве» разрозненных фактов явлений природы и ее составляющих видел он теперь задачу свою как ученого. Научная мысль Кайгородова устремилась на разработку вопросов восприятия жизни природы в целом, на изучение больших, узловых проблем естествознания, имеющих первостепенное прагматическое и духовно-нравственное значение. Д.Н. Кайгородов становится одним из реформаторов российской школы, продвигавшим в ее программах идеи божественного начала мироздания в природоведении.

Эколог и педагог

Проблема экологического воспитания гораздо глубже, и рассматриваем мы ее как часть нравственного воспитания, что особенно важно сейчас для тех, кто сегодня учится в вузе и кому завтра предстоит решать судьбу природы. Никакое воспитание невозможно без соответствующих знаний

Академик В. Соколов

Говорят, что Бога нет... А куда он делся? Много тысяч лет Он был и вдруг Его не стало. Может быть, Его атеисты заменили и назвали «природой»?

Архимандрит Амвросий «О вере и спасении».

Надо ли говорить о том, что корень большинства российских бед дореволюционного периода заключался в культурной отсталости ее народа. Прав был Петр I: *«Сколь есть велики преимущества просвещенных держав в благоденствии рода человеческого против народов, погруженных в глубокое невежество».*

Отсталость России определялась в значительной мере и по причине сложившейся в стране элитарной системы образования. Программы обучения в гимназиях и кадетских корпусах, женских гимназиях, епархиальных училищах и институтах благородных девиц сами по себе, конечно, обеспечивали высокий общеобразовательный уровень элиты общества. Однако приобщиться к нему людям с низким культурным и материальным достатком было очень непросто. Для поступления в указанные учебные заведения требовалась трудоемкая и дорогостоящая предварительная подготовка.

Программа элитарных учебных заведений ориентировалась на изучение древних языков и гуманитарных дисциплин, способствовала утверждению у воспитанников высокой общей культуры, но мало что давала для практической жизни. Восполнять дефицит управленцев-приказчиков, отраслевых специалистов приходилось за счет иностранцев или своих недостаточно подготовленных, но подающих надежды молодых людей.

Стремительное развитие капитализма после отмены крепостного права подтвердило несостоятельность российской системы народного просвещения. О каком научном прогрессе и цивилизованном образе жизни можно было мечтать без образованных людей? Темные, полуграмотные плохо воспитанные люди не в состоянии были усвоить тонких приемов и способов работы. В сложных производствах они не могли пользоваться усовершенствованными орудиями и машинами, способствующими высокой производительности труда.

Несостоятельной оказалась надежда на то, что средний класс общества и при капитализме будет восполняться из дворянской молодежи и дворянское сословие сохранит главенствующую роль в стране исключительно в силу своей образованности.

Новые производственные отношения нуждались в новых людях - умелых, предприимчивых, просвещенных и усвоивших иные нравственные принципы. Передовые люди России понимали, что в малограмотном человеке невозможно развить потенциальные возможности его врожденного вкуса, выявить сокрытые творческие задатки и, тем более, довести их до совершенства. Для управления экономикой страны требовались люди, хорошо разбирающиеся в технических проблемах современного производства, в общественных, нравственных и социальных вопросах жизни.

Просвещение является тем инструментом, который расширяет умственный кругозор общества, раскрывает его духовность и нравственность. Культура и наука призваны изменить лицо общества. Не отрицая и не преуменьшая влияния на жизнь религиозно-нравственных учений, просвещение утверждает уважение ко всякой без исключения человеческой личности. Сама демократия исторически являлась прямым и непосредственным следствием успехов народного просвещения. Со второй половины XIX столетия в России зримо наступала эпоха, которую В.И. Вернадский потом назовет эпохой «онаучивания». Народ в ней просто обязан быть грамотным. И здесь нет альтернативы! *«Эпоха "онаучивания" - время учащегося народа»,* - писал В.И. Вернадский.

В настоящем веке успех будет обеспечен за страной тех людей, кто, получив воспитание в строгих методах науки, будет обладать знаниями и, что еще важнее, живостью ума, необходимой для того, чтобы черпать из всем доступной сокровищницы природы, подтверждал К. А Тимирязев⁵⁶.

Россия входила в эпоху «онаучивания» и рационального природопользования с большим отставанием от своих западноевропейских соседей.

В 1915 году в мире уже работало 243 университета и 73 высших технических школы, в том числе в Европе - 140 университетов и 62 технические школы, не считая лесных и горных институтов. В России к этому времени имелось всего 10 университетов и 15 высших технических школ.

Поиск рациональных форм образования в стране начался сразу же после отмены крепостного права. Начинать следовало их, по словам известного русского ученого Д.И. Менделеева, с начального образования, ибо *«каждый русский знает хорошо, что у нас нет и элементарной подготовки, без которой уже собственно профессиональное образование невозможно»*. На это, по расчетам Менделеева, необходимо 15 миллионов рублей.

В 1872 году правительством был принят устав реальных училищ - средних школ с 6-7-летним курсом обучения и профессиональным уклоном в старших классах. Этот тип школ предназначался для будущих специалистов торговых и промышленных предприятий. В 90-х годах возникает новый тип средней школы - восьмилетние коммерческие училища. Открывались они частными лицами или общественными организациями на коммерческих началах, отчего и получили свое название. В коммерческих училищах применялись новые методы обучения. Занятия проводились в лабораториях, мастерских, на экскурсиях. Реальные и коммерческие училища оказались более демократичными, чем гимназии. Да и поступить в них было проще.

Шла также реформа начального образования, в структуру которого входили 3-4-летние начальные училища (земские, министерские, церковно-приходские школы), городские, трансформировавшиеся после 1912 года в 4-классные высшие начальные училища, духовные и различные ремесленные, сельскохозяйственные, торговые и другие училища. Все они открывали путь детям из простых семей в средние учебные заведения, которые также становились более открытыми и демократичными. Кроме указанных, следует упомянуть учительские и духовные семинарии, выпускники которых получали право поступления в высшие учебные заведения - институты.

В XIX столетии что-то удалось сделать в развитии российского просвещения, но коренных сдвигов еще не произошло. В совершенствовании нуждалась организационная система образования и сама методика обучения. Об этом говорил профессор К.А. Тимирязев: *«Придерживаясь преданий, наша высшая национальная школа приучает только обращаться со словами, а не предметами; она зиждется исключительно на памяти, на заучивании того, что уже известно, и слишком мало или вовсе не учит личному наблюдению и рассуждению»⁵⁷*.

Министерство народного просвещения под руководством Боголепова это понимало и пыталось выработать более рациональные методы образования. В состав экспертов, к мнению которых прислушивались в министерстве, входил и Д.Н. Кайгородов. Он многому научился, будучи профессором Лесного института и учителем естествознания в царской семье. Много дало Дмитрию Никифоровичу для становления его педагогических взглядов и знакомство с известными российскими педагогами и общественными деятелями, в том числе дружба с П.Е. Каппеном, многие годы служившим с его братом Нестером в Свеаборге, генералом, командовавшим сначала крепостной артиллерией, а затем крепостным гарнизоном. П.Е. Каппен в эти годы много делал для детского образования. Ему принадлежит заслуга более раннего казенного воспитания (Каппен первым организовал в России детские сады). По его настоянию в стране вводятся в школах уроки естествознания. Кстати, благодаря Каппену учрежден был в России «Всероссийский трудовой союз христиан-трезвенников», покровительствуемый великим князем Константином Константиновичем.

По предложению Каппена Д.Н. Кайгородов привлекается к работе Комиссии по просвещению. Его присутствие в Комиссии придало особую значимость вопросу включения в учебные планы школ предмета естествознания. Предложения Кайгородова имели исключительную ценность, поскольку как лесовод он лучше других понимал надвигающуюся на Россию опасность хищного, нерационального природопользования и необходимость борьбы с ней не только посредством введения законов, а в первую очередь, путем нравственных убеждений. В равной мере это относилось в отношении всех природных, в том числе и лесных ресурсов страны.

В условиях стремительной технизации общества при разработке новых учебных программ необходимо было определить идеологию нравственного экологического воспитания. В начале XX столетия оно еще не носило явно выраженной актуальности. Естествознание и экологическое воспитание в школах рассматривались как предметы второстепенные. Им выделялись часы в школьных программах, составлены были учебники и учебные пособия, но все это носило схематический книжный, хотя и научный, но идейно, нравственно не обоснованный характер. Обострение экологических проблем подвигало педагогов к необходимости более глубокого научного и нравственного понимания в изучении природных явлений и самих объектов природы. *«Основа благосостояния России - сознательное, вдумчивое отношение к окружающему нас миру вообще и к той сложной области явлений, в которых протекает жизнь»*, - писал Д.Н. Кайгородов в своих «Педагогических статьях».

В зарубежных странах к тому времени уже учли ту тесную связь, которая существует между глубокими знаниями природы, уровнем производства и жизни народа. Зарубежные школы ввели *«природоведение как основу народного образования»* и всячески способствовали тому, чтобы предмет этот не оказался формальным и схоластическим. Русские педагоги полностью разделяли опыт зарубежных коллег. Было очевидно, что изучать природу в отрыве от практической деятельности невозможно. Популярными становятся экскурсии в природу и к местам пользования природными ресурсами. Л.Н. Толстой писал по этому поводу. *«Одним из первых и всеми признанных условию счастья есть жизнь такая, при которой не нарушена связь человека с природой, то есть жизнь под открытым небом, при свете солнца и при свежем воздухе...»*

Д.Н. Кайгородов считал, что *экскурсия - это не только замечательная форма занятий, но и мера физиологическая, сохраняющая здоровье учеников. Экскурсия - это и урок и прогулка, которая рождает аппетит, воздух - эликсир здоровья, а пребывание на свежем воздухе закаляет, оберегает от простуды. Радикальное лечение - в сочетании труда и отдыха. Детям это очень нужно, так как именно у слабых здоровьем детей и учеба идет плохо. Забота о здоровье воспитанников - важная часть труда воспитателя. Прогулка во время экскурсии - хороший ему в этом помощник.*

Экскурсии в природу имели и для самой школы несомненную пользу, поскольку педагогам приходилось работать со слабо подготовленными учениками и недостаточно оборудованными аудиториями. Многие из этих проблем снимались во время уроков в «живом классе».

Экскурсии приобретают популярность и становятся одним из признанных видов обучения. Для проведения их и подготовки учителей-экскурсоводов создаются специальные экскурсионные станции при учебных и научных учреждениях. В подтверждение своих взглядов Д.Н. Кайгородов начиная с 90-х годов постоянно руководит естественно-историческими экскурсиями петербургских городских школ. Он лично провел сотни походов на природу с учениками и инструктивных экскурсий с учителями, глубоко вникая в методологические тонкости обучения. После революции он еще больше расширит эту работу, включив в число своих учеников не только преподавателей школ, но и рабочих, красноармейцев. Дмитрий Никифорович чувствовал надвигающуюся старость и торопился передать весь свой огромный многолетний опыт, рассказать о разработанных им методиках изучения природы и преподавания природоведческих знаний. Одна из школьных экскурсионных станций располагалась в доме Дмитрия Никифоровича у Золотого пруда.

В области педагогических взглядов Кайгородов являлся, как и Каппен, приверженцем более раннего воспитания, памятуя слова великого гуманиста Жан-Жак Руссо: *«Мы рождаемся слабыми - нам нужна помощь; мы рождаемся бессмысленными - нам нужен рассудок. Все, чего мы не имеем при рождении и без чего мы не можем обойтись, став взрослыми, дается нам воспитанием».*

«Чего не знает маленький Гансик, того не узнает и большой Ганс», - по-женски просто и мудро интерпретировала эту мысль Руссо постоянный и вдумчивый помощник Кайгородова, его друг и жена Валентина Романовна.

Уроки природоведения, по мнению Кайгородова, должны быть среди самых первых. Правоту своих убеждений Кайгородов проверил и подтвердил на практике, занимаясь с малолетними великими князьями. Несмотря на юные годы, они легко усваивали предлагаемый им учебный материал.

- Уча других, мы всегда учимся сами, - повторял Дмитрий Никифорович.

Тем не менее, личного опыта общения с детьми у Кайгородова не хватало. Поэтому в 1904 году по просьбе Победоносцевой он соглашается вести уроки природоведения и в попечительствуемой ею женской церковно-приходской школе Святого Владимира в Лесном, в которой он состоял бессметным старостой.

В начале столетия неподалеку от его дома в Лесном построено было коммерческое училище, в котором Дмитрий Никифорович также с удовольствием принял группу учеников. Так что профессор Кайгородов был еще и простым школьным учителем, который имел возможность на практике проверить любую свою и чужую методику занятий.

Изучение природы должно стать, как утверждал Д.Н. Кайгородов в «Педагогических статьях», одной из главных задач школы. При этом ссылается он и на слова «крамольного» Герцена: *«Никакая отрасль знаний не приучает так ум к твердому положительному шагу, к смирению перед истиной, к добросовестному труду и, что еще важнее, к добросовестному приятию последней такими, какими они выйдут, как изучение природы; им бы мы начинали воспитание для того, чтобы очистить отроческий ум от предрассудков, дать ему возмужать на этой здоровой пище и потом уже раскрыть для него, окрепнувшего и вооруженного, мир человеческий, мир истории, из которого двери открываются прямо в действительность, в собственное участие в современных вопросах»*⁵⁸.

По убеждению Д.Н. Кайгородова, занятия по природоведению должны быть четко дифференцированы в зависимости от возраста учеников и меры их подготовленности. На первом этапе задачи просвещения должны быть не столько книжными, сколько практическими. В средней школе следует научить питомцев осознанно «ведать» природу, уметь сознательно воспринимать впечатления от предметов и явлений окружающей природы, то есть уметь видеть, слышать и понимать природу умом и сердцем, научиться *«быть ей не чуждым, а близким, уметь сливаться с нею, чувствовать себя нераздельной частью ее, приобщаясь к великим животворящим силам мироздания»*.

Природоведение, по мнению Кайгородова, не является вступлением к каким-то другим наукам или специальностям. Оно устанавливает взаимоотношение человека с природой. Это средство и путь соприкосновения с окружающей средой. При этом надо научиться, по образному выражению Александра Грина, улыбаться природе, стать ее другом и партнером.

Для успешности постижения знаний о природе необходимо, чтобы учащиеся полюбили преподаваемый предмет. Любовь к природе возникнет при близком общении с нею и увлекательном рассказе о ней. *«Культивируя в школе не мертвую науку о природе, а живую любовь к природе и Божьим творениям, ее составляющим, думается, что культивирование такой любви в большей мере присуще прохождению в русской школе живого, основанного на экскурсиях, русского природоведения, рассматривающего природу в ее общежитии»*, - писал Кайгородов в сборнике своих статей «На разные темы, преимущественно педагогические».

Д.Н. Кайгородов предлагал подробную программу изучения природоведения в школе, рассчитанную на 3 года. Через 3-4 года, по его мнению, у учеников, при правильном преподавании, должна развиться наблюдательность, воспитаться видящее зрение и чуткий слух.

Школьная программа природоведения, составленная Кайгородовым, предусматривала комплексное изучение природы как единого целого. Поля, луга, болота, сада, леса, пруда, реки - в каждой из них отводится место всем составляющим (растениям, насекомым, животным) и соединяющим их в «общезитие» связям. Вопросы эти, как подчеркивал Кайгородов, должны служить ключом для раскрытия *«закона изумительной целесообразности в Природе, того Великого Разума, который все создает и управляет в Природе и во Вселенной»*.

Д.Н. Кайгородов, будучи ученым и глубоко верующим человеком, не сомневался в божественности окружающего мира и считал, что люди верующие с большим благоговением относятся ко всем проявлениям природы, чем атеисты. Их наблюдения поражают точностью и полнотой описания из опасения исказить образ божественного. *«Сладкие слова молитвы слышатся мне в дыхании вечернего ветерка, в стоне бурь и раскатах грома, и шуме леса, и в пении птиц - во всех проявлениях природы я ощущаю божественное проявление»*, - писал Кайгородов брату 28 августа 1906 года⁵⁹.

Педагогические воззрения Д.Н. Кайгородова основываются на нравственных, философских основах. С ними можно соглашаться и не соглашаться, но это подход системный.

Церковь Животворящего Креста в поселке Лисино

Признание божественного начала в природных явлениях, да и человеческой жизни, по мнению Кайгородова, являет соединительную ткань мироздания и является неотъемлемой частью понимаемой сути бытия. Божественное начало есть родник жизни народа, именно в нем лежат представления о душе, о жизни земной и загробной. Религиозное знание, то есть религия, есть самое важное из всех, поскольку дает возможность сознательной жизни. Жить сознательно - значит руководствоваться в своей деятельности целями и притом не ближайшими, жить бессознательно - значит управляться в своей жизни причинами, которые остаются для нас внешними и чуждыми. Изучение природы в школе, приобщение к ней, по его мнению, много дает для духовно-нравственного и физического оздоровления подрастающих поколений. Успех разных, растлевающих душу, новейших философий мог развиваться на почве всеобщей оторванности от природы.

«Мы оторвались от природы, перестали ее чувствовать и перестали любить, - писал Д.Н. Кайгородов В.В. Розанову. - Оторвавшись от природы, мы потеряли здоровье - физическое и духовное. Нужно приблизить нарастающее поколение к природе, культивируя любовь к ней. Нужно культивировать в школе не мертвую науку о природе, а живую любовь к ней и Божьим творениям, ее составляющим. Думается, что культивирование такой любви в большей мере присуще прохождению в русской школе живого, основанного на экскурсиях, русского природоведения, рассматривающего природу по ее обобщениям. Великий Разум определяет гармонию окружающего мира».

Кайгородов был против каких-либо системных перегородок между мирами (элементами природы), основанными исключительно на анатомических признаках. Он считал ошибочным стремление педагогов рассматривать устройство, состав и содержание своего предмета путем разложения его на части. Их попытки показать, как части соединены в целое, напоминают желание разобрать часы, чтобы понять, что такое время.

Принимая самое активное участие в Комиссии по просвещению, Кайгородов стремился передать не только свой практический опыт, но и свои идеи экологического воспитания на основе духовной нравственности.

Кайгородов много размышляет о совершенствовании методики обучения. Неотъемлемой частью ее он считал личность педагога, его отношение к предмету преподавания и к ученикам, имея в виду, что «слышат тех, кто любит слушающих». Любовь, как бы она ни выражалась, есть форма бытия. В жизни главное - делать людям добро, пусть маленькое, но добро, каждый день, каждый час, чтобы своим существом облегчать людям жизнь.

Высокие требования предъявлял Кайгородов к труду педагога: *«Занятия должны быть непременно интересными. Хорошее учение не должно утомлять. Плохое просвещение хуже никакого. Это возможно только при индивидуальном подходе к каждому ученику в соответствии с его психологическими и умственными возможностями на принципе "целостности": знать и чувствовать - и "единства", не пытаясь соединить несоединимое классическое (дворянскую культуру) с православной. Ленивый не ко всему ленив, а к тому, что неинтересно и трудно. Скука - отсутствие деятельности умственной и физической. Ленивые чаще вырастают из способных людей, но не озадаченных нарастающими в зависимости от их возможностей трудностями познания жизни, не приученных к труду. Труд же в процессе воспитания должен стать потребностью».*

«Чтобы жить - надо трудиться, - пишет Д. Н. Кайгородов своему сыну, - как у птички. Пока они малы, их кормят родители, а как подросли и оперились - должны сами себе искать пищу и учиться укрываться от врагов и непогоды, строить гнезда, которые понадобятся им, чтобы выращивать своих птенцов»⁶⁰.

Кайгородов считал необходимым различать «педагогичность» и «научность». В системе раннего школьного образования не следует увлекаться чрезмерной «научностью» преподавания. В средней школе, писал Кайгородов, уже и так увлекательное занятие природоведения превратили в невозможно сухую материю, невозможную для возвращения в учащихся любви и интереса к природе и наблюдения за ней. Учеников сначала надлежит научить наблюдать природу в ее собственном бессловесном бытии, еще не отраженном в научном наблюдении. *«Уродуя без разбора бритвой и иглою красоту природы, заслоняя системой от глаз учащихся дивную гармонию природы, современное преподавание естествознания в средней школе не только привлекает к природе, но, напротив, лишь отвращает от нее, или, в лучшем случае, оставляет совершенно равнодушным»*, - с горечью писал Кайгородов.

По его мнению, подобное системное изучение предмета может быть задачей высшей школы, но ни в коей мере не средней и тем более начальной. В этих школах надобно стремиться воспроизвести внутри ученика идеальный образ природы, помочь ему в краткий миг пережить то, что происходило в бесконечных областях ее в долгие века и тысячелетия, облегчить познание времени по биению природных часов, звучащих внутри нас. Именно это доставляет особую радость познания.

В системе активизации получаемых знаний Кайгородов обращал внимание на полезность смены занятий, рассматриваемых тем. Одним из полезных занятий он рекомендовал фотографирование, поскольку это процесс творческого поиска мало-заметных деталей. Фотографируя, человек стремится увидеть мир более внимательным взглядом и замечает при этом то, мимо чего прежде проходил равнодушно. Занятия по природоведению не могут быть скучными. Это всегда радостное путешествие в прекрасный незнакомый мир, наглядный урок эстетики, за которым не надо далеко ходить. Как не вспомнить в связи с этим слова другого замечательного нашего педагога, современника Д.Н. Кайгородова – Карла Федоровича Рулье: *«Вместо путешествий в отдаленные страны, приляг в лужице, изучи подробно существа – растения и животных, ее населяющих, ... и ты для науки сделаешь несравненно более, нежели многие путешественники, издавшие описание и изображения собранных естественных произведений»*⁶¹.

Кстати, Кайгородов сам был не только замечательным экскурсоводом-путешественником, но и фотографом-профессионалом, художником-акварелистом. Работы его экспонировались на выставках и удостоиваются наград.

- Прочный, сохраняющий на всю жизнь интерес к природе - вот единственная мерка успешного школьного воспитания, - считал Кайгородов. - *Загородный пейзаж: река, лес скажут тогда уже больше, чем видит глаз»*.

Изучение природы, по мнению Кайгородова, это не только средство для получения необходимых утилитарных знаний, но и способ формирования эстетических взглядов учащихся. Воспитание по существу своему должно быть не только образовательным, но и нравственным, художественным по форме. Каждый ребенок - художник. Дети не просто рисуют, они живут в том мире, который изображают. В своей педагогической деятельности он всегда выступал за бережное отношение к природе в современном его понимании, то есть за рациональное природопользование. Человек не может существовать, не пользуясь природой, поэтому напускной гуманизм ничего, кроме вреда, не приносит. Кайгородов не видел ничего плохого в домашнем аквариуме или клетке с птицами, предупреждая лишь об ответственности их хозяев перед своими питомцами. Ратовал Дмитрий Никифорович и за рождественские елки, не видя большой беды в потере какой-то части живых деревцов ради детских праздников, которые вокруг них происходят: *«Не слушайте неуместных сентиментальных стенаний на публику по поводу рубки Новогодних елок, - писал он. - Не омрачайте той чистой радости, которую испытывают дети и взрослые, собравшись вокруг ярко горящей и разукрашенной рождественской елки.. Нельзя отвергать завещанные нам предками обычаи. В этих обычаях одна из главных сил, привязывающих человека к его родине»*

Вместе с тем Д.Н. Кайгородов всячески поддерживал активные формы охраны природы. Именно он был одним из вдохновителей появившихся в России «майских союзов», учреждавшихся повсеместно в конце прошлого столетия. Их участники давали обеты: не мучить животных, не убивать птиц, не рвать, не ломать растений. Следует воспитывать бережливость к красоте. Тем более, что дети нередко бывают равнодушными к будущему этой красоты: сорвал цветок и бросил. Забота о живом и прекрасном - важный шаг в воспитании доброты.

Нельзя не отметить, что и любимую свою фенологию Кайгородов рассматривал как один из методов обучения и просвещения. Фенологическая сеть для него - это тоже способ вовлечения широких масс населения к знаниям природы. В последней своей книге «О школьных фенологических наблюдениях», опубликованной в Вологде в 1920 году, он напишет: *«Для успешного преподавания природоведения (равно как и другого) нужно, чтобы учащиеся полюбили природоведение, надо чтобы они полюбили природу. Любовь же к природе возбуждается сближением с ней. Ничто же так не сближает, как постоянное ее наблюдение... Фенологические наблюдения - это научные занятия — творчество и природознание».*

Педагогические и научные взгляды Кайгородова составляют единое целое и взаимодополняют друг друга. Мысли, высказанные им в педагогических работах, явились тем научным фундаментом, на котором впоследствии создавались самые значительные направления современной биологической науки - «экология» и «биогеоценология». Предметом биогеоценологии оказались исследования структуры и функционирования природных и антропогенных биогеоценозов, изучение закономерностей, пространств, перемещения в них веществ и энергии, вертикальных и горизонтальных границ биогеоценозов, их динамики, целостности, устойчивости и биологической устойчивости. Именно они легли в основу тех научных работ по лесному хозяйству, которые после смерти Д.Н. Кайгородова начали закладываться в стенах его дома у Золотого пруда учеными Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства. Рассказ об этом мы продолжим в следующих главах книги.

Последние уроки в княжеском доме

Роль искусства педагогичная, цель его – установить возможно более полную общность ощущений и чувств.

А.М. Горький

В апреле 1896 года Дмитрий Никифорович Кайгородов получил письмо от Альберта Николаевича Бенуа, сына замечательного российского архитектора Николая Леонтьевича Бенуа, создавшего архитектурный комплекс Лисинского лесничества и глубоко чтимого лесниками. Альберт Николаевич, сам известный акварелист, действительный член Академии художеств и инспектор российских художественных школ писал:

«Глубоко чтимый Дмитрий Никифорович!

Простите, что я не имел чести Вас знать лично. Позволю себе обратиться к Вам с просьбой провести вечер 12 апреля в Обществе русских акварелистов (Васильевский остров, Императорская Академия Художеств). Ваши обширные знания природы весьма дороги художникам-пейзажистам, а потому я осмеливаюсь Вас просить оказать большую услугу и побеседовать с нами в Пятницу о весенних мотивах. Эти вечера (а вечер 12 апреля в особенности) имеют характер художественно-музыкально-литературных, а так как в Ваших прекрасных описаниях природы всегда звучат художественные потоки и проглядывается поэзия, то я надеюсь, что то общество, в котором Вы проведете вечер Пятницы 12 апреля, заслужит Вашего внимания.

В надежде, что получу от Вас благожелательный отзыв, я прошу принять уверения в глубоком к Вам почтении.

Готовый к услугам Альберт Бенуа.

6 апреля 1896 года»⁶².

В конце XIX века люди искусства собирались часто. Чуть ли не ежемесячно проходили всякого рода выставки. Собирались свои и чужие: себя показать и других посмотреть. В 1896-1899 годах только французское искусство четырежды демонстрировалось на выставках в Москве и Петербурге. Художественные выставки становились отличительной чертой русской художественной жизни.

Они поражали зрителей множеством малоизвестных авторов и школ, но вместе с тем расширяли художественный кругозор русского общества. Открывались салоны, учреждались благотворительные еженедельные вечера: телешевские «среды», шмариновские «среды», васнецовские «четверги». На них приглашали ученых, писателей. Делали доклады Боборыкин, Урусов, Лев Жемчужников, Бальмонт. На этих собраниях любопытно дополняли друг друга подлинные ценители красоты и дилетанты, нравы и обычаи разносоставной русской интеллигенции. Те и другие являлись симптомом процессов, происходящих в стране, новой стороны культурного быта России. Акварелистов Дмитрий Никифорович не очень жаловал: очень уж много было у них слащавости, особенно в миниатюрах, с которыми они досаждали выставочным комитетам.

- *Пасхальные яйца разрисовывать я и без вас горазд*, - буркнул Дмитрий Никифорович в ответ на просьбу посетить выставку акварелистов.

Однако на выставку пошел. Невежливо не воспользоваться столь любезным приглашением такого уважаемого человека, как Альберт Николаевич, с батюшкой которого, Николаем Леонтьевичем Бенуа, Кайгородов был знаком еще в молодые годы.

Тем более, что Дмитрий Никифорович всегда считал людей искусства и науки близкими друг другу. Великий Галилей говорил в свое время, что Вселенную нельзя понять, *«не научившись сперва понимать и различать знаки, которыми она написана. Написана же она языком математическим, и знаки ее суть треугольники, круги и другие математические фигуры»*. Для современного ученого изучение закономерностей искусства с помощью точных наук представляется делом вполне естественным. Теперь уже никого не удивляет прекрасная книга известного механика Б.В. Раушенбаха *«Пространственные построения в древнерусской живописи»*, поскольку интерес к искусству известного академика читатели рассматривают как средство постижения глубинной сущности самой математики, а желание его с помощью научно-познавательных методов постичь красоту и гармонию - задачей вполне решаемой.

Кто скажет, кем был гениальный Леонардо да Винчи: великим ученым, инженером, художником или музыкантом? А.П. Бородин считали своим коллегой химики и музыканты. Генерала Ц.А. Кюи кто-то почитает как замечательного композитора, а кто-то как непревзойденного инженера-строителя фортификационных сооружений. *«Между логикой исследователя и эстетическим чувством ценителя красоты есть какая-то внутренняя органическая связь... У великих художников и поэтов возникает огромное количество творческих мыслей и идей, образов, ощущений, но они производят беспощадный отбор, обеспечивающий высокое качество их продукции»*, - отмечал К. А. Тимирязев.

Талант - он во всем талант. Только где-то больше, где-то меньше. Если бы Д.Н. Кайгородов не стал инженером, положившим начало десной технологии, то был бы профессиональным музыкантом, художником или литератором. Очень к месту оказались художественные таланты Дмитрия Никифоровича в занятиях с первыми его великокняжескими учениками: Михаилом Александровичем и Ольгой Александровной.

Незаурядный художественный талант Дмитрия Никифоровича определил и третье его приглашение на службу в императорский дом. На этот раз - в семью великого князя Константина Константиновича к трем его сыновьям и дочери. Преподавать, как и предыдущим царственным ученикам, естественную историю.

Приглашение в дом Константина Константиновича было особенно лестным. Члены императорской семьи со дня своего рождения считались на государственной службе и занимали должности в соответствии со своими способностями и интересами. Константин Константинович служил морским офицером, командовал гвардейскими полками, с 1900 года был начальником и главным инспектором военных учебных заведений.

По долгу службы Константин Константинович являлся еще и попечителем Педагогических курсов при Санкт-Петербургских женских гимназиях. Так что и в педагогическом отношении великий князь не был случайным человеком. Однако все эти должности могли определяться не столько талантами назначенца, сколько росчерком императорского пера. Вместе с тем, были у великого князя занятия, принесшие ему известность независимо от факта царственного его рождения и генеральских чинов. Великого князя многие знали как поэта и композитора. Псевдоним, которым подписывался поэт Константин Константинович Романов, состоял из двух букв - «К.Р.» Ими князь отличал царские свои должности от личных поэтических и литературных - увлечений, к которым относился он столь же добросовестно, как и к государственным, но предельно скромно. Великий князь не спешил издаваться, да и не все мэтры от искусства однозначно доброжелательно относились к поэтическим и музыкальным произведениям «сиятельного» автора, считая их барской прихотью. Тем не менее, среди почитателей таланта «К.Р.» были Фет, Майков, Полонский, Гончаров. Они искренне признавали великого князя своим собратом по искусству. Константин Константинович прекрасно переводил Шиллера, Гете, Шекспира. Его трехтомник «Трагедия Гамлета» пользовался в стране самой широкой известностью, а драма «Царь Иудейский» переведена на все европейские языки.

Многие стихотворения князя стали основой популярных в стране романсов Рубинштейна, Чайковского, Кюи, Глазунова, Направника, Глиэра, Ипполитова-Иванова. Кто не помнит романсов «Серенада», «Повеяло черемухой», «О дитя, под окошком твоим я тебе пропою серенаду» или «Растворил я окно»?

Князь был сторонник «чистого искусства». Многие его стихи подражательны, да и сам он не отрицал влияния на свое творчество Фета и Полонского. Александра Сергеевича Пушкина великий князь боготворил, постоянно заботился о его семье, детях и внуках. Он был председателем пушкинского комитета при подготовке празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Константин Константинович являлся вдумчивым литературным критиком. Достаточно вспомнить собранный в сборник цикл его 24 критических статей. Его анализ и оценка поэтических произведений были глубоко профессиональны, беспристрастны и в то же время объективны и доброжелательны.

Константин Константинович к тому же писал красивые баркаролы и серенады, многие из которых и сейчас пользуются популярностью: «Плыви, моя гондола», «Проснулся соловей» и другие. Стихи и музыку он считал «украшением собственной жизни», не преследуя при этом каких-либо целей, «вне этих наслаждений лежащих». Вместе с тем, многие его произведения были озарены истинным талантом. Константину Константиновичу было о чем писать. Он был государственным деятелем, писателем, поэтом, композитором и патриотом в истинном смысле слова.

*Я буду петь немолчно до конца
И что во славу матушки России
Священный подвиг совершу певца.*

С 1889 года Константин Константинович возглавлял Российскую академию наук. При нем был введен новый устав, пересмотрены (в сторону увеличения) штаты и численный состав академии. По инициативе князя был открыт Зоологический музей в Санкт-Петербурге, организованы научные полярные экспедиции. Благодаря ему при академии появилось отделение русской словесности, в которое вошли А. Толстой, Короленко, Чехов, В. Соловьев и другие. Константина Константиновича избрали почетным членом Астрономического и Исторического обществ. Он был гордостью России.

От брака с принцессой Саксен-Альтенбургской (при крещении Елизаветой Маврикиевной) у Константина Константиновича родились пять сыновей: Иоанн (1886-1918), Гавриил (1887-1955), Константин (1890-1918), Олег (1891-1914), Игорь (1894-1918) и три дочери — Татьяна (1890-1970), Вера (1906-?) и Наталья (умерла во младенчестве).

Д.Н. Кайгородову предложено было стать учителем троих из сыновей и дочери Татьяны. Он сразу же согласился, так как с большой симпатией относился к Константину Константиновичу и его художественным талантам. Приглашение же в учителя в его семью рассматривал как Признание правильности своего понимания роли педагогики, в целом, и эстетической ее направленности, в частности.

Дмитрий Никифорович в стремлении учеников к красоте видел залог успеха своих занятий. *«Красивый ландшафт в нравственном воспитании может сделать больше, чем сто педагогов»*, - утверждал известный педагог Ушинский. Дмитрий Никифорович полностью был с ним солидарен. На красоту природы во всех ее проявлениях он старался обратить внимание своих учеников при любой возможности: *«Взгляните на растения. Ну, там клеточки, в клеточках протоплазма и все такое. Понятно, рационально и физиологично. "Вполне научно". Но в растениях, "как растениях", есть еще и искусство. Разве ель не художественное произведение? разве она не картина раньше, чем ее можно было взять на картину? Откуда бы все это? Боже, от тебя!»*

«Если любишь красоту и искусство, то научишься всему». Общаясь с юными воспитанниками, Дмитрий Никифорович к удивлению своему скоро заметил, что они мыслят образами, красками, звуками. В общении с ними особенно уместны сказочные образы, поскольку окрашены они ярче, эмоциональнее. В семье с такой высоко художественной основой, как императорская, духовная жизнь, по словам епископа Мефодия, была прекрасна. В семье великого князя Константина Константиновича это было особенно явственно. Там повсюду присутствовала красота: и в домашней обстановке, и в отношениях между членами семьи.

Мечтой Дмитрия Никифоровича была надежда, что когда-то искусство и наука лягут в основу нового союза между людьми. Красота как божественная идея являлась для Кайгородова основополагающим принципом жизни. Поэзия среди увлечений Кайгородова не была основной. Но именно ее он считал величайшим искусством из всех искусств. И мог ли после этого равнодушно относиться к великому князю — поэту с псевдонимом «К.Р.»?

У великого князя не было оснований сожалеть о своем выборе. Он нередко заходил на занятия к Дмитрию Никифоровичу и всегда оставался довольным успехами «княжичей». Вспоминает об этом в письмах к братьям 10 декабря 1899 года и сам Дмитрий Никифорович: *«Занимаюсь с 18 октября с детьми Великого князя Константина Константиновича (мальчики 14,12, 9 лет и девочка 9).*

Уроки тяжелые - приходится создавать совсем нечто новое, сообразное моим новым взглядам на природоведение, с которыми можно ознакомиться в моих больших статьях, напечатанных в «Новом времени». Дети славные и мы сдружились друг с другом. Они были уже 2 раза у меня в Лесном. В октябре гуляли в парке института, а в другой раз после уроков я их вывел на дивный листопад. Великий князь очень со мною ласков, приходит иногда на уроки, был и сегодня. Елизавета Маврикиевна (жена князя) тоже не раз приходила на уроки...»⁶³.

Княжеской семье импонировало стремление учителя приобщить воспитанников к труду. Само учение - тоже труд и всегда таковым останется, хотя это и «труд, полный мысли». Кайгородов стремился сделать этот труд увлекательным, но категорически возражал против развлекательности учебы. Дети, по его мнению, и в процессе занятий должны приучаться к труду, к преодолению трудностей. И тем не менее, хорошее учение не должно утомлять. Это возможно только при индивидуальном подходе к каждому ученику в соответствии с его психологическими и умственными возможностями.

Поскольку мы вспомнили о педагогических статьях Дмитрия Никифоровича в «Новом времени», то напомним, что в них он в очередной раз подчеркивал необходимость соблюдения художественных, эстетических и нравственных принципов в педагогике:

«Воспитание по существу своему, - писал он, - должно быть образовательным по содержанию и художественным по форме».

Педагогические принципы Кайгородова состояли в том, чтобы помочь воспитанникам увидеть красоту природы, жизни, раскрыть все те индивидуальные творческие задатки, наклонности и способности, которыми их наделила судьба. В эстетическом воспитании Д.Н. Кайгородов видел залог воспитания нравственного. Его же он считал главной целью воспитания. Важнейшим элементом нравственного воспитания Дмитрий Никифорович рассматривал деятельную любовь к людям, дружбу и товарищество, уважение всего подлинно человеческого в каждом человеке.

Пример подобных отношений должен показывать сам учитель и только до конца отданное своим ученикам сердце приносит, безусловно, желаемый положительный результат. Задача воспитания - подавить негативные тенденции человеческих страстей и в основу нравственных принципов положить любовь и красоту во всех их проявлениях. Важно, чтобы каждый человек понял свой гражданский долг и следовал интересам общественным. Нелегкая для воспитателя задача! Посильна она тем, кто любит и знает свою профессию так же, как и своих воспитанников.

Дмитрий Никифорович вспоминал и слова отца первого своего сиятельного ученика Михаила Александровича, императора Александра III, который говорил, что истинное просвещение не в количестве школ, а в тех, кто в них преподает. Если это нигилист или курящая дамочка, то уж лучше пускай дети учатся у церковного дьячка. Фактически повторил это потом и В.В. Розанов: *«Дитя - как воск, на него что ляжет, то и отпечатается. Плохое просвещение хуже никакого».*

В «Педагогических статьях» Дмитрий Никифорович напишет, что воспитание - это прежде всего постоянное духовное общение с учениками, какого бы возраста они не были. С теми и другими необходимо иметь общность интересов, увлечений, стремлений. Однако чем меньше возраст учеников, тем сложнее с ними общение. Мир детства - мир особенный. У маленьких человечков свои убеждения о добре и зле, чести и бесчестии, человеческой правде и достоинстве. У них свои представления о красоте и даже измерения времени. Приближение к духовному миру детей - это вхождение в иной мир. Чтобы приблизиться к нему, следует самому в какой-то мере стать ребенком. Только тогда они будут смотреть на учителя, как на своего, а не чужака из другого мира, и путь к их сердцам окажется закрытым.

Так же, как и с царскими детьми, Михаилом и Ольгой, занятия с «константиновичами» большей частью проходили на природе - в парке, в лесу, в поле. Дмитрий Никифорович верил, что общаясь с природой, детям легче будет ее понять и убедиться в необходимости следовать ее законам. На уроках с «Константиновичами» пригодился ему опыт фенологических наблюдений, в которых Кайгородов к тому времени стал виднейшим специалистом.

Многолетняя педагогическая деятельность Дмитрия Никифоровича в Лесном институте, школах, императорском доме, его участие в различных правительственных комиссиях по подготовке новых учебных программ и самой системы просвещения в стране выдвинули Кайгородова в число наиболее эрудированных специалистов народного образования. Общение с учениками из разных слоев общества дали возможность ему почувствовать все те различия, которые существуют не только в психологии каждого слоя общества, но и отдельных людей. Духовный мир человека, а тем более социального слоя, - это сложная динамическая система биологических, технических и социальных образований. Тем не менее, общего, духовного между людьми больше, чем различий. Человек, будучи частью природы, подчиняется ее главнейшим, всеобщим законам, действующим как в мире растений и животных, так и в обществе. Существуют объективные законы человеческой психики, одинаково действующие и княжеской, и в крестьянской семье.

Со временем Дмитрий Никифорович стал искренним и преданным другом семьи Константина Константиновича, Ему открылись не только блеск, изысканность, радости княжеского дома, но и его заботы. Страхи и опасения за ближних, надежда на добро и счастье, присущие всем людям. По традиции, частная жизнь императорского дома и его представителей сохраняла «семейную тишину», однако за внешним благополучием царствующих особ были все те же скорби и переживания. Гуляя по парку с детьми Константина Константиновича, Кайгородов особенно отчетливо воспринимал слова их отца из колыбельной песни, сочиненной для старшего из них, Иоанна:

*Спи в колыбели нарядной
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сыночек ненаглядный,
В теплом своем уголку!...
Быстро крылатое время
Час неизбежный пробьет;
Примешь ты тяжкое бремя
Горя, труда и забот.
С верою твердой, слепую
Честно живи ты свой век,
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек.*

Мог ли тогда знать Дмитрий Никифорович, что пройдет совсем немного лет, когда Иван Константинович Романов будет зверски убит на Урале такими же, как он, русскими людьми. А потом и этих русских людей расстреляет еще кто-то. Значит, кто-то кого-то недовоспитал когда-то. А ведь можно было!

Член Ученого комитета

В настоящем веке успех будет обеспечен не за нацией атлетов и классиков, но за страной тех людей, кто, получив воспитание в строгих методах науки, будет обладать знаниями и, что еще важнее, живостью ума, необходимой для того, чтобы черпать из всем доступной сокровищницы природы.

К.А. Тимирязев

Двадцатое столетие Россия встречала подъемом экономики. Был он и в лесном деле. Среднегодовой лесной доход за последнее десятилетие XIX века достиг 45 миллионов рублей. К началу Первой мировой войны в казенных лесах доход возрос еще вдвое. С учетом рубок в частновладельческих лесах он достигнет 250 миллионов рублей. При таком огромном размере лесопользования иными становятся требования к лесному хозяйству. Довольствоваться исключительно естественным приростом леса становится невозможно. Настала пора заниматься улучшением лесных земель с помощью мелиорации, увеличивать объемы искусственного лесовосстановления, ухода за лесом и создавать более надежную базу его охране от пожаров.

В мае 1898 года отмечалось столетие Лесного департамента. Подготовка к торжествам начиналась чуть не за год до юбилея. В честь его устраивались съезды лесничих, чтения при лесных и сельскохозяйственных учебных заведениях, собрания научных обществ и разного рода благотворительные акции, включая льготные продажи посадочного материала, проводились бесплатные консультации по лесному делу.

Юбилейный праздник лесники отмечали торжественно: с благодарственными молебнами, товарищескими ужинами и торжественными приемами, на которых чинам лесного ведомства вручались специально для того изготовленные памятные знаки с императорскими вензелями «П» и «Н» в серебряных дубовых листьях под золотою короною.

Украшил почетный знак и мундир Д. Н. Кайгородова.

В 1902 году утверждается новое положение о Лесном институте. В программу его вводят 7 новых дисциплин. Их уже 23. К существовавшим 9 добавляются 3 дополнительные.

Учебный корпус Лесного института в поселке Лисино

Увеличивается время практических занятий, учебного проектирования. Все это, конечно, способствовало улучшению работы института. Нагрузка же на профессорско-преподавательский состав возросла.

В мае 1903 года наступал еще один юбилей - 100-летие Лесного института. К нему готовились с не меньшей торжественностью, чем к юбилею департамента, поскольку институт действительно много сделал для развития лесного дела в России. Да и практически все лесные чины Министерства и Лесного департамента были выпускниками Санкт-Петербургского лесного института. Среди них - министр земледелия и государственных имуществ Алексей Сергеевич Ермолов. В подготовке к празднику он принимал особенно деятельное участие. Прежде всего задался целью выхлопотать к столетию для своей «альма матер» статус Императорского. Данная приставка повышала престиж института и открывала возможности для лучшего его финансирования. Не учел Алексей Сергеевич, однако, лишь тех изменений, которые происходили в стране. А в стране назревала революция. Инакомыслием полны были газеты, книги.

Начатая еще в конце XIX столетия полемика о национальном характере и своеобразии социального уклада России и закономерностях развития российского общества, о месте прошлого и будущего страны в исторической судьбе других народов и тех уроках, которые Россия может извлечь из опыта соседей, продолжалась не только в рабочих и студенческих клубах, но и в гостиных тех, от кого где-то и зависела судьба страны.

Зло и бескомпромиссно ораторствовали об изменениях в политическом устройстве страны не только на фабричных сходках и студенческих собраниях. Молодежь можно понять: она всегда ищет неведомых путей, она всегда революционна. Но интеллигенция, почтенные профессора! Их понять было трудно.

В Лесном институте «революционеров» было, пожалуй, даже больше, чем в других столичных учебных заведениях. Вожаки их буквально искали повода для бунта против начальства и для своего инакомыслия. Нашли они его и в предстоящем праздновании 100-летия института. Узнав о возможном представлении ему статуса «императорского», «революционное студенчество» под руководством фракции РСДРП на своей сходке вынесло решение: *«Студенчество не возражает против ознаменования 100-летней деятельности Лесного института как учебного заведения, но примет самые решительные меры против всевозможных способов соединения юбилея института с самодержавием»*⁶⁴.

Обещание свое студенты выполнили. Они принесли на торжественное мероприятие, проходившее в Дворянском собрании по случаю празднования 100-летия института, свистульки, охотничьи рожки, сирену. Когда А.С. Ермолов, открыв юбилейное торжество, начал зачитывать указ о присвоении институту звания Императорского, в зале из-за колонн раздался свист и шум. Присутствующие гости попытались заглушить их аплодисментами. Им помогал приглашенный на торжества полковой гвардейский оркестр. Вроде бы все успокоилось, но торжество было изрядно подпорчено. В конце собрания Лев Горшинович добавил в бочку праздничного меда еще один черпак дегтя: замычал «марсельезу», замычал негромко, чтобы слышали рядом сидящие дружки. Песню подхватили другие, а кой-кто из «левых» - громко с издевкой. Оборвалась она так же неожиданно, как и началась, но кому надо тот заметил. Хулиганов уgomонили. По неписанным правилам служебного этикета, о таких случаях следует докладывать хотя бы министру внутренних дел. Однако А.С. Ермолов, то ли от огорчения, то ли от нежелания выносить «сор из избы», В.К. Плеве докладывать о случившемся не стал. Скандал у «лесников», конечно же, стал общеизвестным. Авторитета А.С. Ермолову как министру в правительственных кругах он не прибавил. Тем более, что Лесной институт и прежде был горазд на подобные штучки. Во время январских событий 1905 года «лесники», как оказалось, примкнули к самой революционно настроенной молодежи столицы.

Крамольно были настроены и некоторые преподаватели института. В канун революции 1905 года на частном собрании преподаватели Лесного института напишут Ермолову письмо: *«Ненормальное течение всей академической жизни за последние годы с полной очевидностью выяснило, что основные причины этих тягостных явлений, столь сильно отражающиеся на всей общественной жизни, лежат вне стен высших учебных заведений и вне влияния преподавательской среды. Причины эти чисто политического свойства и заключаются в несоответствии современного политического строя России с ростом общественного самосознания, для которого является жизненной необходимостью свобода личности, совести и слова, что достижимо лишь при установлении законности, ограничения административного произвола и участия свободно избранных представителей народа в устройении государственной жизни. Без осуществления этих основных потребностей русского общества достичь спокойного течения академической жизни невозможно. Частное совещание преподавательского персонала института обращается в Совет института с предложением сообщить об этом Министерству земледелия и государственных имуществ»*

Подобные письма коллег и шептания их по углам, вместо улучшения последовательной воспитательной работы с институтскими воспитанниками, конечно, огорчали Д.Н. Кайгородова.

17 октября 1905 года под давлением революционных выступлений и всероссийской забастовки, в которой участвовало 2 миллиона человек, император опубликовал Манифест, провозгласивший неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов, и обещал созвать «законодательную Думу», Приход к власти П.А. Столыпина укрепил правительство. Многие недавние крикуны поутихли. Стали появляться различные философские кружки, литературные объединения, религиозные и сектантские группы, спорившие между собою, противопоставляя революционной борьбе «творчество от бога», всякие религиозно-мистические искания.

- Ну и ладно, - думал Дмитрий Никифорович, собираясь на очередное собрание акварелистов, - *«чем бы дитя не тешилось»*. Это все же лучше, чем булыжники из мостовых выдирать.

Еще в 1903 году, отмечая юбилей 30-летней своей службы в Лесном институте, и особенно после злополучных юбилейных институтских «торжеств», Д.Н. Кайгородов решил уйти в отставку как выслуживший положенный срок государственный служащий. Рассказал об этом старому своему институтскому товарищу, тогдашнему министру Алексею Сергеевичу Ермолову.

Тот отсоветовал и предложил подождать еще два года, когда исполнится 30-летие пребывания Дмитрия Никифоровича в должности профессора - это гарантировало ему более высокую пенсию. Впрочем, полностью уходить в отставку Кайгородов не собирался, поскольку А.С. Ермолов обещал по завершении службы в институте перевести его на штатную должность в Ученый комитет Министерства земледелия и государственных имуществ. Для него там будет подготовлено место специалиста по фенологии, функции которого Дмитрий Никифорович, заведая кафедрой, и так исполнял на общественных началах.

Что же из себя представлял этот Ученый комитет Министерства? Известно, что специализированных научно-исследовательских учреждений, в современном понимании, до революции в России практически не существовало. Было 150-200 опытных полей в сельском хозяйстве, 8-12 опытных лесничеств, лесоустроительные партии и небольшие научные группы ученых в высших учебных заведениях. Исследования их носили в основном прикладной, чаще биологический характер по применению удобрений, подбору наиболее продуктивных сортов растений и пород скота, сравнительному испытанию машин, главным образом зарубежных. Вопросы, связанных с механизацией, организацией производства, переработкой продукции, с лесоэксплуатацией, лесохимией и т.д., в планах ученых было очень мало. Даже лесоустройство и таксация рассматривались в то время главным образом с точки зрения организации отпуска леса и форм рубки, поскольку от точности таксации зависел доход лесовладельца: и частного, и государственного. Однако это не означало, что вопросы науки в тогдашнем Министерстве были пущены на самотек. Хоть и немного было опытных полей и лесничеств, но ими надо было управлять; недостаточно выпускалось в стране учебников, но и их, прежде чем рекомендовать учащимся, следовало предварительно изучить. Да мало ли возникает вопросов, ответ на которые должны дать только высококвалифицированные и уважаемые в стране специалисты! Этим всем и занимался Ученый комитет Министерства.

По тому времени это был очень представительный орган, поскольку именно он определял техническую политику в области земледелия огромной страны. В задачи Ученого комитета входила разработка научных и технических вопросов по сельскому хозяйству. Он рассматривал результаты научных и производственных изысканий, проводившихся на опытных полях, фермах, станциях, утверждал планы научных работ, инструкции, программы учебных заведений. Комитет принимал решение о присуждении наград за лучшие показатели, демонстрировавшиеся на многочисленных российских сельскохозяйственных и других выставках, рассматривал печатные труды и особенно рекомендованные к публикациям учебники, давал рекомендации о поощрении за заслуги в сельском хозяйстве, рассматривал результаты годовых отчетов Комитета и ревизий сельскохозяйственных учреждений.

Вопросы лесного хозяйства рассматривались в Специальном лесном комитете, а в случае необходимости - на объединенном заседании Ученого и Специального лесного комитетов.

Последним руководителем Ученого комитета Министерства был Иван Александрович Стебут - крупнейший ученый страны, автор фундаментальных работ по агрономии, профессор, общественный деятель. Ученый комитет состоял из почетных и действительных членов. К ним принадлежали Советов, Москальский, Бородин, Коссович и другие видные ученые. Примечательно, что Ученым комитетом в прежние годы руководили и лесоводы - В.С. Семенов и Е.А. Петерсон. Да и сам Специальный лесной комитет являлся преемником созданного еще в 1826 году Ученого комитета по лесной части, в обязанности которого входило давать *«соображения по лесной части узаконений, соглашать, дополнять и исправлять их, изготавливать проекты новых лесных узаконений»*. Комитету полагалось заниматься делами по ученой и практической части лесоводства, которые на него возлагались, особенно по утверждению инструкций и наставлений правильного ведения лесного хозяйства. Заседания проходили исключительно под председательством директора Лесного департамента или его «товарища»-заместителя.

Специальный лесной комитет в последнем своем виде утвердили в ноябре 1842 года *«для рассмотрения предложений господ вице-инспекторов и с целью дать предпринимаемым для лесоустройства мерам более единства и успешное движение»*⁶⁵. Первым его председателем был назначен старший вице-инспектор флигель-адъютант граф Ламсдорф. В Комитет входили вице-инспектора, их помощники, ученые лесничие: коллежский асессор Петерсон, майор Семенов, Длатовский, преподаватель лесных наук Боде, начальники отделений департамента Денисенко и Гришищев.

Специальный лесной комитет рассматривал вопросы сугубо лесные: лесоустроительные отчеты, проекты лесоустроительных работ, лесоустроительных инструкций, уставов лесных обществ, товариществ, съездов, а также отчеты статистических лесопромышленных материалов, ходатайства о премиях за лесоразведение, общие меры по лесоразведению и вообще все дела, при разрешении которых требуется *«по технической части соображения»* или если Министерство государственных имуществ видело необходимость изучить более обстоятельно⁶⁶.

Для рассмотрения дел текущих, не требующих длительного изучения, при Специальном лесном комитете имелось Лесное бюро, на которое возлагалась разработка специальных вопросов по лесному хозяйству, сбор статических данных, подготовка предложений по выдвижению претендентов на премии, а также дача разъяснений по всякого рода вопросам для частных лиц и учреждений.

После создания опытных лесничеств в конце XIX столетия появилась необходимость координировать их работу из центра. Совещание, которое было собрано 21-23 января 1906 года по опытному делу, высказалось за систематический созыв подобных совещаний. В промежутках между ними для руководства, направления и объединения работ по лесному опытному делу решено было образовать на правах исполнительного органа «постоянную комиссию по лесному опытному делу при Лесном департаменте».

Специальный комитет департамента с этим мнением согласился и с 1 мая 1906 года комиссия в составе М.М. Орлова, Г.Ф. Морозова и Г.Н. Высоцкого начала свою работу. Возглавил ее М.М. Орлов.

Совещаниями же по лесному опытному делу по-прежнему руководил товарищ министра (Ф.П. Никитин). Членами совещания, как правило, были директор Лесного департамента, директор Лесного института, председатель Специального лесного комитета, члены совета министра (Э.Э. Керн, С.П. Троицкий, Н.В. Грудистов), вице-инспектора Корпуса лесничих А.П. Молчанов, С.Ю. Раунер, П.А. Броунов, Г.А. Любовский, А.Н. Соболев, А.Г. Марченко, Заметчинский)⁶⁷.

Были у Специального лесного комитета и некоторые организационные функции. Он, как государственный контролер, следил за состоянием лесов в России, за происходящими в них изменениями, эффективностью проводимых лесохозяйственных мер, выполнением лесоустроительных работ и уровнем нормативной документации в отрасли. Большая роль в проводимой Комитетом работе отводилась вице-инспекторам Корпуса лесничих, курировавшим региональные управления лесами и контролировавшим правильность ведения в них лесного хозяйства. Специальный лесной комитет был высшей инстанцией государственного контроля в лесном хозяйстве и в тоже время органом технического управления и планирования отрасли, важнейшим разделом которого являлось лесоустройство. В начале своей организации Комитет рассматривал ежегодно не более двух десятков дел. Перед началом Первой мировой войны через него проходило до 250 дел. О своих решениях Специальный лесной комитет докладывал непосредственно Министерству или лицу, его замещавшему.

Тем не менее, особо принципиальные, спорные вопросы Комитет передавал на окончательное рассмотрение Ученому комитету Министерства, являвшемуся органом более авторитетным.

Организация управления Специальным лесным комитетом со временем совершенствовалась. В начале XX столетия он состоял из председателя, который определялся заведующим Министерства из числа членов совета министра. Кроме председателя, в состав Комитета входили 4 члена по назначению (заведующий бюро и 3 специалиста) и члены по должности (директор департамента, директор Лесного института, вице-инспектора Корпуса лесничих и другие специалисты). С правом совещательного голоса на заседания Комитета приглашались и посторонние лица, способные своими познаниями принести делу пользу. В начале XX столетия в Специальном лесном комитете было занято 18 человек постоянных служащих: председатель, непреременный член-специалист, 3 специалиста по назначению, 3 заведующих отделами, 4 ассистента, 4 лаборанта, 2 делопроизводителя. Состоял в нем и Д.Н. Кайгородов.

Вознаграждение за участие в работе Специального лесного комитета члены его получали, но небольшое, исключительно за время, проведенное на заседаниях Комитета, или при подготовке к нему вопросов. В положении на этот счет говорилось: *«В справедливое возмездие за особые труды Ученым лесничим и начальникам отделений (на коих по вышеизложенному предложению возлагались работы) производилось во время занятий Комитета добавочное содержание... первым по 40, а вторым по 30 рублей серебром в месяц»*⁶⁸.

В Ученом комитете Министерства эти суммы были значительно выше.

В этот-то Ученый комитет и должен был перейти, получив отставку в Лесном институте, профессор Д.Н. Кайгородов. В обязанности его по согласованию с А.С. Ермоловым должны были оказаться руководство Фенологической комиссией и экспертиза поступающих в Ученый комитет книг по природоведению, число которых возрастало с каждым годом.

Однако обстоятельства осложнились в связи с уходом в отставку А.С. Ермолова. Неприятности, связанные с юбилеем Лесного института, вновь обострились в связи с конфликтом с Вольным экономическим обществом, которое А.С. Ермолов, как министр, курировал. Он резко воспротивился активизации всякого рода «просветительской» деятельности Общества, которое вместо решения научных, технических проблем и распространения знаний стало заниматься модной тогда политикой. Искусство руководства, как известно, состоит в умении находить пути и способы предотвращения конфликтных ситуаций. Ермолов не сумел их найти. Тем не менее, снять с должности за такие, казалось бы, незначительные проступки старого уважаемого министра было бы слишком откровенной несправедливостью.

В правительственной канцелярии нашли другой способ: Министерство земледелия и государственных имуществ закрыли и вместо него в 1905 году учредили Главное управление землеустройства и земледелия, Ермолов оказался министром без портфеля. На нижестоящую должность главноуправляющего министру идти не подобало. Пришлось подать в отставку. Все это произошло как раз в то время, когда оформлялась просьба Д.Н. Кайгородова о его собственной отставке. Она и пришла, как положено, через означенное число дней. Канцелярия Его Величества Императора, кстати, руководимая известным композитором С.И. Танеевым, работала точно. В указе было сказано об отставке профессора Д.Н. Кайгородова; *«согласно прошению» с мундиром, чинами Корпуса лесничих, присвоенными с 17 октября 1905 года».*

В тот день исполнилось ровно 30 лет его профессорской деятельности в Лесном институте.

Отставка Д.Н. Кайгородова практически совпала с отставкой А.С. Ермолова.

На должность главноуправляющего Главного управления землеустройства и земледелия пришел П.Х. Шванебах, а через несколько месяцев – Н.И. Кутлер. Затем им стал А.П. Никольский. И все это в течение года! Оставаться в отставке, ожидая четвертого главноуправляющего, Д.Н. Кайгородов уже не стал и в марте 1906 года подал прошение на имя А.П. Никольского, очередного главноуправляющего:

«Глубокоуважаемый Александр Петрович!

Простите великодушно, что позволяю себе отнять у Вас несколько минут времени для прочтения следующих строк.

17-го прошлого октября исполнилось 30 лет моего профессорствования в Лесном институте и я решил уйти в отставку. Мною давно уже было решено передать, по выслуге 30 лет, свою кафедру молодой и свежей силе, но в «чистую» я не предполагал выходить, будучи обнадежен в свое время А.С. Ермоловым, в то время еще Министром, относительно зачисления меня по окончании профессорской службы в Ученый комитет (теперь Главное управление землеустройства и земледелия). Однако, когда наступило 17 октября А.С. Ермолов уже не был Министром, назначенного же на его место Главноуправляющего, человека мне совершенно не знакомого я не решился беспокоить в тогдашнее смутное время, и очутился в отставке. Между тем человек я еще вполне работоспособный, нельзя сказать, чтобы очень уже старый (59 лет), и, думается, мог бы быть не бесполезным (как полагал А.С. Ермолов) в Ученом комитете, при разборке поступающих на рассмотрение Комитета учебных пособий и популярных книг по естествознанию, поступает же таких книг в Комитет, насколько мне известно, не малое количество.

Так вот, я и позволил себе довести о выше изложенном до Вашего сведения, при покорнейшей просьбе - если Вы найдете возможным и желательным - иметь меня в виду в качестве кандидата при ближайшей вакансии, могущей оказаться при Учебном комитете Главного управления землеустройства и земледелия.

При пожелании Вам доброго здравия и такого же успеха на новом высоком посту, каким Вы пользовались на прежней своей деятельности остаюсь глубоко Вас уважающий и искренне преданный.

Д. Кайгородов».

Никольский предложение Кайгородова принял самым доброжелательным образом. В письме от 15 марта он пишет, что воспользуется с «искренним удовольствием предложением Д.Н. Кайгородова, если к тому не послужит препятствием временная невозможность назначения жалования, из-за отсутствия вакансий». Все, что он мог сделать в то время, так это прибегнуть к выдаче некоторых доплатных сумм к получаемой Кайгородовым пенсии.

Надо сказать, что в письме своем Кайгородов по части своей «уважительности» по отношению к Никольскому не лукавил. Это был известнейший финансист и администратор конца XIX и начала XX столетия, с которым Кайгородов встречался в издательстве газеты «Новое время», где Никольский, как и Кайгородов, много публиковался.

Большую часть службы А.П. Никольский до прихода его в Главное управление землеустройства и земледелия провел в должности управляющего сберегательными кассами Государственного банка Министерства финансов. Лишь в 1892 году он состоял директором от Министерства финансов в правлении Общества привисленских железных дорог с сохранением должности чиновника особых поручений в Департаменте железнодорожных дел Министерства финансов. Начиная с 1892 года Никольский - постоянный участник высоких правительственных комиссий: в 1892 году - по мелкому народному кредиту, в 1902 году - по рассмотрению записки Департамента окладных сборов «Об улучшении крестьянского землепользования» и деятельности Поземельного банка, в 1904 году - по рассмотрению трудов местных сельскохозяйственных комитетов крестьянского правопорядка и землепользования, в 1905 году - по рассмотрению закона о мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения, в 1906 году - по рассмотрению перечня мер по устройству быта крестьян. Собственно участие Никольского в работе всех этих комиссий и определило назначение его в конце февраля 1906 да на должность ис-

полняющего обязанности главноуправляющего Главного управления землеустройства и земледелия. Однако пробыл он в ней всего 2 месяца.

В апреле его произвели в тайные советники и утвердили присутствующим Правительственного сената, а затем наместником императора на Кавказе. Утверждать Д.Н. Кайгородова в должности члена Ученого комитета пришлось уже даже не его преемнику А.С. Стишинскому, прослужившему в Главном управлении всего 4 месяца, а князю Б. А. Васильчикову, назначенному главноуправляющим в том же 1906 году. За два года после выхода Д.Н. Кайгородова в отставку это был уже пятый главноуправляющий. Всего же Дмитрию Никифоровичу пришлось иметь дело в течение своей жизни с 15 министрами, управляющими министерством и его главноуправляющими. Каждый из них вспоминал о Д.Н. Кайгородове с искренним уважением, отдавая тем самым должное ему самому и русскому лесу.

Председателем Ученого комитета Главного управления землеустройства и земледелия, как в те годы уже именовалось бывшее министерство, назначен был известный ученый - князь Б.Б. Голицин. По штатам, утвержденным Сенатом, в состав Ученого комитета входило 8 штатных членов со средним жалованием 3 тысячи рублей в год и 7 членов без содержания. В составе Ученого комитета значились известнейшие ученые страны: Сольский, Броунов, Бородин, Глазенап, Порчинский, Шульц, Виноградский, Феоктистов, Коссович, Сурин, Калантарь, Регель, Лискун, Клосс, Блашке. Членом его, но без содержания, 30 октября 1906 года утвержден и Д.Н. Кайгородов *«в качестве специалиста по естествознанию и сельскому хозяйству, без присвоения ему штатного содержания и определения класса должности»*.

Условия почетные, но материально ничем не подкрепленные. Тем не менее, Д.Н. Кайгородов вскоре был единогласно избран ученым секретарем Ученого комитета и в этом качестве с присущей ему добросовестностью и энергией принялся за работу.

Предвоенные годы

Демократия рассчитана на общество высокодуховных, образованных людей. В противном случае между демократией и вседозволенностью очень маленький зазор.

К.А. Тимирязев

Жизнь полна парадоксов. В последнем предвоенном году уже совсем штатский, несколько лет проживший неторопливой гражданской жизнью, Нестер Никифорович Кайгородов получает полный генеральский чин. О чем и уведомлен был письмом от 24 сентября 1913 года главноуправляющего Императорской канцелярии. *«По Высочайшему повелению, всеподданнейшее ваше прошение о производстве Вас в чин генерала от артиллерии с отставлением Вас в отставку препровождается Военному министру»*⁶⁹.

Основания для такой награды имелись. В армии Нестер Никифорович отслужил в общем итоге сорок пять лет. Начал службу с подпоручика в обычном артиллерийском полку, затем с присущей ему энергией служил на Охтинском пороховом заводе. В Севастопольской береговой артиллерии в 1890 году Нестер Никифорович был уже полковником, в 1893 году его назначили начальником крепостной артиллерии в Свеаборге, а в 1900 году произвели в генерал-майоры и направили в Выборг на должность коменданта. В 1904 году Нестер Никифорович возвращается в Свеаборг, но уже комендантом крепости. В 1910 году выходит в отставку.

Заехав на побывку в гости к брату Ивану в Гродно, Нестер Никифорович окончательно поселяется в Петербурге неподалеку от Дмитрия Никифоровича в Лесном на Старопарголовском проспекте, 37. Походив без дела несколько недель, Нестер Никифорович начинает искать работу и сразу же ее находит. Там же, в Лесном, его избирают председателем Общества пособия ученикам Лесновских женских гимназий принца Ольденбургского. Должность больше представительская, чем рабочая, но генеральские эполеты при ней оказались очень кстати, когда приходилось ездить по заводчикам и купцам с подписными листами на пожертвования в пользу подшефных учениц. Чем выше генеральский чин, тем весомее оказывались пожертвования.

Нестер Никифорович поэтому и воспользовался законным своим правом на получение очередного воинского звания, хотя и «с оставлением в отставке». Материально Нестеру Никифоровичу новое звание ничего не прибавляло. Но для пользы попечительского общества и это годилось. Полезным оказался новый чин и потом, когда он принял на себя еще и должность председателя Лесновского земского попечительства по призрению семей, призванных на действительную военную службу.

Братья Кайгородовы Слева направо: Дмитрий, Нестер, Михаил, Иван

Дмитрия Никифоровича сначала даже несколько удивило неожиданное повышение брата по службе, но когда в соседнем с «теремком» Коммерческом училище, куда братья зашли на минуту по какому-то неотложному делу, директор вытянулся во фронт и напрочь отказался садиться в присутствии столь высокой особы, Дмитрий Никифорович в очередной раз убедился, сколь велик в России авторитет мундира. Страна хотя и получила конституцию, но по-прежнему оставалась монархией со всеми атрибутами авторитарной власти. Имела Россия к тому времени и парламент - Государственную Думу, но пока это был скорее клапан для выпуска скопившегося пара недовольства, чем орган всенародной власти. Страна лишь обрела европейскую свободу. Широко пользовались ей, пожалуй лишь самые левые партии. Большевики уже выпускали 17 газет!

Кроме них, в стране существовало еще с десяток умеренно оппозиционных политических партий, действительно искавших рациональные пути перестройки государственного управления, но резоны и призывы их тонули в трескучих революционных лозунгах «левых». Россия оставалась крестьянской малограмотной страной. Блестящий мундир и лозунг «Долой» для простого народа оказались хотя и антиподами, но понятными, в отличие от разумных логичных предложений умеренных либералов и демократов, рассчитывавших на мирное «врастание» в социализм через крестьянскую общину и полагавших, что до европейского капитализма России еще дожить надо, свой рабочий класс создать. Тогда!... Тогда и без революционной борьбы дело пойдет. Не дураки же в правительстве и императорском доме. Сколько проектов реформ скопилось в министерских портфелях. Только бы ораторствовали поменьше. Побольше законотворствовали и...

«Plus bonae mores valent, quam bonae leges» - «хорошие нравы лучше хороших законов», - думал Дмитрий Никифорович. - Это в первую очередь. Народ грамоте надо учить! Только и на это уйдет время. На исправление нравов и привычку к демократии - тоже. Не опоздать бы!»

Дмитрий Никифорович, как и другие просвещенные россияне, понимал, что реальные условия российской действительности еще очень противоречивы. В российском обществе соседствуют и находятся в противоречии остатки сословной элиты, представители крупного, в том числе иностранного, капитала, фабричные, еще не успевшие разобраться в существо общественной жизни, различной состоятельности крестьянство и интеллигенция, в большинстве своем разночинная, агрессивная, без сложившихся нравственных традиций и политического опыта.

- Время, время нужно, чтобы все утряслось и стало на место. «Experimentia est optima rerum magistra» - «опыт - лучший учитель», - рассуждал Дмитрий Никифорович. - Ну и что из того, что пока в стране недостает материальных средств для решения всех назревших, в том числе и социальных, проблем, которые оказались в стране. Тем не менее, народ уже не голодает. В урожайные годы экспорт русской пшеницы составляет чуть не 40 процентов мирового. В недороды падает, но не ниже 11-12 процентов. Земля разделена между владельцами пока еще бестолково, но ее достаточно: в расчете на душу каждого россиянина - по 1,12 десятин пашни и столько же леса, 0,56 десятин лугов, пастбищ и еще столько же неудобий, которые при добром усердии всегда можно обратить в хорошую землю. Это только в европейских губерниях! А за Уралом! С начала столетия там ежегодно прибавляется до миллиона десятин пахотной земли.

Какая другая страна в Европе имеет такой земельный достаток и перспективу для его расширения. За 20 предвоенных лет (1894-1914) население России в европейской ее части увеличилось на 40 процентов, урожай хлебов - на 78 процентов, добыча каменного угля - на 300 процентов, нефти - на 65 процентов, золотой запас в Государственном банке добавился на 146 процентов, число обучающихся в средних учебных заведениях увеличилось на 227 процентов, в университетах - на 180 процентов. Слепые или очень недобрые люди не хотят замечать всего того положительного, что произошло в России за последние годы.

- Пройдет еще 5-10 лет, - продолжал про себя рассуждать Дмитрий Никифорович, - и обретут реальную силу декларированные российские свободы, а общественное мнение - объективную непредвзятость и рассудительность. Перед истинной демократией смирятся крикуны.

- Только успеем ли, - беспокоился Дмитриеи Никифорович. - Сделано много, но не все в стране так хорошо, как надо. Сколько спекулянтов всех племен, наречий, наций под видом частных спекуляции творят в стране форменный разбой. Все эти Нобели, Броили, Гужоны. А в лесу они что творят? Лесные экспортеры вкладывают деньги в российскую лесную промышленность при условии не менее 20-30 процентов прибыли. На это уходит самый крупный лес, которого уже никогда не будет. В 1913 году статистика подтвердила только 60,6 миллиона кубометров заготовленного леса. Это с миллиона российских лесных десятин! Купчики наши, предприниматели, от сторублевых ассигнаций прикуривают, зеркала по кабакам бьют, а за станками за границу едут. Лесная промышленность оснащена в основном чужой техникой. По дереву и металлу в стране работает менее 70 процентов российских станков. В деревообрабатывающей российской промышленности занято 553 тысячи человек, а в безлесной Германии - 600 тысяч. По сведениям Министерства торговли, в 1912 году работало только 424 завода, которые занимались более-менее сложной деревообработкой, включая паркетное производство, столярное, бондарное и т. д. Остальные 1,5 тысячи - лесопильные. Производство пиломатериалов в России едва дотянуло до 11,9 миллиона кубометров. До сих пор пилим вручную, на козлах. Из ручной распиловки отдаем на экспорт около 3 миллионов кубометров. Стоимость наших пиломатериалов в 1901 году составляла 62 процентов от общей стоимости лесной продукции, а в 1913 - 58 процентов. Выпуск бумаги, стыдно сказать, 197 тысяч тонн. Только селедку в лавках завернуть и Императорскую канцелярию обеспечить. Вся Европа и Америка затоварились фанерой, а мы сделали всего 130 тысяч квадратных метров.

До сих пор отапливаемся дровами и в заводские котлы бросаем одни дрова. В 1912 году в Санкт-Петербург ежегодно завозилось 3 4 миллиона кубометров дров. Москва расходовала дров 1,7 миллиона кубометров. Даже Киев, у которого Донбас под боком и лесу в губернии почти не осталось, кидает в печки полмиллиона кубов дров. Не приведи бог - война и доставка угля в Санкт-Петербург сократится. Придется треть заводов закрывать или переводить их промышленные топливные и энергетические установки на поленья! Резонно как-то сказал простой псковский мужичок, что в лесах мы только жнем, чторосло, а собранное кое-как молотим и вместе с соломой и зерно бросаем. Как же мы в своей серости опаздываем от соседей! Все это видит народ. Социал-революционеры хорошо помогают, что простой мужик не заметил. Слушал наемдни Керенского. Как гладко говорит, хотя по всему видно - человек пустой, беспринципный, бесхарактерный, бездарный. Для всех хочет быть своим. Только что выйдет из того и сейчас видно. Не обернулись бы нам с Нестером при таких Керенских слезами наши генеральские чины. Как это поют на сходках: «кто был никем, тот станет всем».

После выхода в отставку с профессорской должности Д.Н. Кайгородов почти постоянно занят в Ученом комитете. Он официально возглавил его фенологическую сеть. Работа по сбору и обработке фенологических наблюдений практически полностью легла на Кайгородова, его неизменную помощницу жену и членов семьи. Фенология в стране стала полноправной отраслью науки. Кайгородовым вводится специальная фенологическая терминология. «Фронт прилета» - это его термин. Укреплялась сеть наблюдателей на местах, проводились научные собрания, обсуждения наиболее интересных исследований. Фенологическая литература до Кайгородова насчитывала всего 200 работ, при нем опубликовано их более 900.

Трудился Дмитрий Никифорович много. Ездил по губерниям, общался со своими корреспондентами, участвовал во всевозможных комиссиях, читал лекции. Едва урывал время на книги, но... годы эти были самыми счастливыми в его жизни. Почти вся семья Кайгородовых собралась вместе.

Сын Дмитрия Никифоровича - Анатолий по окончании художественного училища барона Штиглица и заграничных стажировок окончательно поселится в Петербурге. Живопись так и останется его любимым делом, но в 1908 году он поступит на государственную службу в канцелярию Совета министров. Службу начнет удачно и уже скоро получит надворного советника (что соответствовало армейскому чину полковника). В отделе по делам законодательств, где станет служить Анатолий, работа интересная и нужная.

*Семья Д. Н. Кайгородова в начале XX столетия.
Справа налево: Дмитрий Никифорович, сын Анатолий,
жена Валентина Романовна, дочь Тамара*

В доме отца в Лесном, у Золотого пруда, бывать будет часто, но квартиру снимет ближе к центру города на Большой Объездной улице.

Дочь Дмитрия Никифоровича Тамара с тремя детьми и мужем поселится у родителей. Однако мужа Тамары, полковника Петра Петровича Маресьева, служившего преподавателем Николаевского инженерного училища и Инженерной академии, в 1912 году переведут с повышением в Ревель. Вместе с ним уедет в Ревель и Тамара с детьми. Валентина Романовна очень огорчалась, но Дмитрий Никифорович ее успокаивал: «До Ревеля — всего 150 верст! Рукой подать! Россия. Три часа и дома». Действительно, Тамара, как и Анатолий, будут частыми гостями в отцовском доме у Золотого пруда в Лесном.

Выйдет в отставку и поселится в Петербурге в Новой Деревне брат Дмитрия Никифоровича Кайгородова, Иван Никифорович - генерал-майор, прослуживший много лет преподавателем математики и физики в Гродненской женской гимназии. С началом войны он вернется в Гродно. Уедет вместе с ним и его жена Елена Давыдовна.

Сын Ивана - Алексей Иванович Кайгородов (1881-1951) останется в Петрограде. До 1908 года он, как и отец, будет учительствовать в 1-м и 2-м кадетских корпусах, в женской гимназии Стависской, в гимназии его императорского высочества принца Евгения Максимовича Ольденбургского. С 1912 года станет кандидатом естествознания и вплотную займется наукой. А в том же году его уже произведут в помощники ученого секретаря Главной физической обсерватории, получит Алексей и очередной чин - надворного советника. Преподавательскую же работу не оставит станет учительствовать в гимназии, реальном училище Штемберга, а затем преподавать математику в женской гимназии принца Е.М. Ольденбургского.

Младшего из братьев, Михаила Никифоровича Кайгородова, выпускника Михайловского артиллерийского училища, известного как автора-составителя сборника тактических задач для офицеров, после нескольких лет службы в академии и разных российских гарнизонах переведут в Петербург на должность начальника штаба 37-й пехотной дивизии, а в 1912 году в Финляндию на должность командира 26-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса. В канун войны Михаил Никифорович в чине генерал-лейтенанта тоже выйдет в отставку и поселится по соседству с Дмитрием Никифоровичем на Старопарголовском проспекте.

Не останутся незамеченными и труды Дмитрия Никифоровича в Ученом комитете. В 1914 году Кайгородов по представлению главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина получит один из высших чинов Российской империи - чин тайного советника.

В декабре 1916 года тайный советник Д.Н. Кайгородов в связи с 50-летием своей государственной службы представлен к последней своей награде - ордену Св. Анны 1-й степени. Получит он ее в январе 1917 года в самый канун Февральской революции. С удовлетворением и в то же время с недобрим предчувствием прочтет Дмитрий Никифорович последний в его жизни «Указ Капитулу Орден»: *«Во внимание к особым трудам и заслугам, оказанным членом Ученого комитета Министерства Земледелия тайным советником Дмитрием Кайгородовым, всемилостивейше пожаловали мы его кавалером Империи Ордена Нашего Святыя Анны первой степени. Вследствии чего Повелеваем Капитулу выдать сему кавалеру орденские знаки и грамоту на оные».*

Это был восьмой орден Д.Н. Кайгородова. До этого он был награжден орденами Св. Владимира трех степеней, Анны двух степеней, орденом Св. Станислава, медалью в память Александра III, знаками в ознаменование 100-летия Лесного департамента и Лесного института.

Только новый орден и новый ЧИН недолго радовали Дмитрия Никифоровича. Все чаще слышалось слово «революция». Она пришла в феврале 1917 года.

Временное правительство пыталось ваять в свои руки ослабевшую государственную власть. Теперь уже в стране страшились не столько смены правительственной власти, а безвластия, произвола революционной тирании.

В июле 1917 года рабочие, матросы выступили за единовластие Советов. Обстреляны, потеряли 400 человек. Это у большевиков была хорошая репетиция перед основным наступлением на временную власть.

Начались бесконечные ночные бдения Временного правительства на заседаниях в Зимнем дворце, разъезды министров по заводам, воинским частям. Митинги, уговоры солдат, рабочих, крестьян, что пора угомониться и взяться, наконец, за дело. Иначе завтра еще одну, уже дикую, революцию совершат другие, иными орудиями и для иной цели. Предложить же что-либо более осязаемое, понятное для простого малограмотного народа эмиссары правительства не могли. Разве что обещания уставшим солдатам предстоящей великой победы над германцами. Инициативу все основательнее брали представители левых партий с их понятными лозунгами: свобода, равенство, братство, мир, земля крестьянам, заводы и фабрики рабочим.

Была еще надежда на созыв Учредительного собрания, представители которого мудро распорядятся властью в стране, рассчитывали на неумолимую логику событий, на народный разум, в результате которого революционные преобразования в стране пойдут мирным путем, на основе общественного согласия, теми же законными реформами, какими по почину центральной власти полстолетия назад совершилось освобождение крестьян. Все оказалось тщетным. Февральская революция явилась лишь переходным этапом к новой революции, которая и разразилась в октябре того же 1917 года.

Революция

Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме

Евангелие от Иоанна

Хозяйственное положение страны в первые годы революции было чрезвычайно тяжелым. Большой упадок переживала промышленность, разрушен был железнодорожный транспорт, в состоянии крайнего разорения находилось сельское хозяйство. Население терпело большую нужду и лишения, так как не хватало хлеба, промышленных изделий, топлива и других предметов первой необходимости. Объем лесозаготовок в 1918-1919 годах сократился втрое - до 22,3 миллиона кубометров. Города голодали и замерзали.

Петроград сразу как-то потерял столичный блеск, но еще сохранял какую-то царственную грусть. Особенно это стало заметно после переезда в 1918 году в Москву правительства. Часть интеллигенции выехала вслед за своими «наркоматами», другая - за границу, рассчитывая переждать там смутное время.

Многие покидали страну со слезами на глазах. Среди них оказались не только люди богатые, которым с их иностранными вкладами везде хорошо. Покидали страну выдающиеся деятели науки, техники, культуры, жившие от жалования до жалования. Кто-то уезжал добровольно, а кого-то выслали. Новой власти не нужны были носители прежней идеологии. Так было всегда. Дмитрий Никифорович помнил, как еще в древности завоеватели в первую очередь уничтожали чуждых им жрецов и философов. Без них было проще держать в повиновении простой народ.

В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал, что после завоевания политической власти и подавления буржуазии главной задачей партии и правительства становится управление хозяйством. Хозяйственно-организаторская работа должна составить главное содержание социалистического государства. Оно, в соответствии с концепцией централизованного административного управления, призвано осуществлять руководство планомерным развитием экономики в масштабах всей страны. Государство определяет направления, пропорции и темпы развития экономики, технической политики, подготовки кадров и т.д.

Практика показала, что очень немногие старые специалисты пригодились новой власти. Однако немало интеллигентов в первые годы советской власти еще на что-то надеялись. Бессменный секретарь Академии наук с 1904 по 1929 год Сергей Федорович Ольденбург на годовом собрании академии 29 декабря 1918 года говорил: *«Нужно прямо сказать, что часть интеллигенции пошла навстречу советской власти, часть ее саботировала, а часть выжидала. Многие склонны падать духом и не понимают тех великих переворотов, которые совершаются во всех странах, у всех народов, перевороты глубоко болезненные и мучительные, но не менее замечательные»*. Напомним, что Сергей Федорович был близкий знакомый Д.Н. Кайгородова. Тоже был не из разночинцев, а сыном генерал-майора. Академиком стал еще до революции, был профессором Санкт-Петербургского университета, при Временном правительстве вроде бы в «гору» пошел - стал в правительстве Керенского министром просвещения, был членом ЦК кадетской партии.

Расслоение наблюдалось как в обществе, так и в семьях. У Фредериков большая часть семьи, включая самого Владимира Борисовича, министра двора, уехала сразу же за границу, а Всеволод Константинович Фредерике - двоюродный его брат, известный химик, металлург - остался. Трудился и жил он, как всегда, честно. Расстреляли его лет через двадцать, обвинив в троцкистско-зиновьевском заговоре. До расстрела он успел еще побывать в архангельской ссылке и построить нефтеперегонный завод в Коми.

Среди российской интеллигенции было немало убежденных революционеров и непримиримых противников старого режима. Недостатки и пороки старой власти были налицо, а лозунги новой, много обещавшей социал-демократической (большевицкой) партии, гуманны. Интеллигенция относилась к ним хотя и с осторожным, но оптимизмом, а либеральная часть явно поддерживала. Климент Аркадьевич Тимирязев после революции работает в Государственном ученом совете, в Социалистической (потом Коммунистической) академии в качестве ее члена, в Государственном издательстве, в Московском совете, в который избран в 1920 году рабочими вагонных мастерских Московско-Курской железной дороги. Куда только не избирали милейшего и честнейшего Климента Аркадьевича! Даже в председатели Ассоциации натуралистов и самоучек. Он и трудился везде не на страх, а на совесть. Незадолго до смерти 27 апреля 1920 году в приветственном своем письме Московскому совету К.А. Тимирязев напишет: *«Все мы стар и млад, труженики мышц и труженики мысли - должны сомкнуться в.. общую армию труда. . Процветание и счастье народа... создаются только производительным трудом. Работать, работать, работать»*.

Поэт В.Я. Брюсов не только безоговорочно принял революцию, но и вступил в большевистскую партию, стал активным организатором в новом правительстве. Продолжал работать в России поэт Андрей Белый. После его смерти в 1934 году газета «Правда» опубликовала некролог, в котором писала: *«Являясь крупным представителем буржуазной литературы, Андрей Белый искренне стремился усвоить идеи социалистического строительства»*. Восторженно встретил революцию А. Блок. *«Все будет хорошо, - писал он, - Россия будет великой»*. Хотя при этом с горечью добавлял. *«Но так долго ждать и как трудно дожидаться»*. Блок оказался бесконечно прав. До сих пор ждем!

Кто-то из литераторов, оставшихся в России, искал новые пути в литературе, убежденно считая, что первая задача - переход от общепринятых в поэзии тем любви, природы, личной драмы к воплощению непосредственной политической жизни, истории страны. Только уходом от привычного можно создать новое искусство. Но были из оставшихся борзописцев и такие, которые пользовались новой властью для сведения счетов с прежними своими личными соперниками. Как-то случайно оказавшись в артистическом кафе на Невском, Д.Н. Кайгородов услышал из-за соседнего столика:

- *Что такое Мережковский?*

- *Во всяком случае, не Франс.*

- *Что такое Гиппиус?*

- *Бездарная завистливая поэтесса.*

- *А кто такой Есенин?*

- *Альфонс и пьяница, бездарность подкулацкая.*

Дмитрий Никифорович не допил свой морковный чай и вышел из кафе.

Нет, не все категорически отрицательно относились к новой власти и мечтали уехать за границу. Даже крупные предприниматели надеялись поладить с большевиками. Среди них старинный знакомый и доброжелатель Дмитрия Никифоровича И.Д. Сытин. Он даже письмо Ленину написал с предложением о сотрудничестве: *«Я ничего не имею против национализации, - писал он, - по которой у меня отнято 17 книжных магазинов, 5 больших книжных складов, две больших типографии в Москве, одну в Петрограде и 1600 пудов бумаги, на весь принадлежащий «Товариществу» 14 миллионов рублей капитал. У меня хватит средств, чтобы просуществовать до смерти. Но я не могу жить без работы. Если у Вас найдется для меня какая-нибудь, дайте мне ее»*.

И.Д. Сытину дали работу счетовода в одной из бывших его контор, но через год выгнали и оттуда.

В бедственном, но совсем не безнадежном положении после революции оказались бывшие мелкопоместные землевладельцы, а их в России насчитывалось более ста тысяч. Значительная их часть, причислявшихся к завидному классу помещиков, в действительности являлась трудящейся частью населения. Земли у помещиков осталось половина того, что было до реформы (120 тысяч десятин). Крестьяне треть своего семейного бюджета пополняли за счет отхожих промыслов (лесозаготовок, строительного «шабашничества» и других работ). Многим так называемым помещикам и до революции в страдную пору приходилось не только с утра до вечера хлопотать по хозяйству, но и самим братья за вожжи и плуг. Мелкопоместные землевладельцы были в лучшем случае управляющими своих земель с весьма скудной оплатой собственного тяжелого труда.

Семьдесят процентов помещиков к началу революции практически разорились и перестали вести товарное сельское хозяйство. Землю свою они сдавали крестьянам в аренду за весьма умеренную плату. Основную же часть дохода имели от частной и государственной службы. Потеряв ее после революции, натерпевшись от голодной городской жизни и революционных кошмаров, некоторые из них решили переждать революционную перестройку в деревне, организовав там что-то вроде коммун или родственных колхозов. Дело у них пошло, поскольку начинали хозяйствовать они не с пустого места, людьми были грамотными и по большей части трудолюбивыми.

Решая декретом от 26 октября 1917 года земельный вопрос в пользу крестьян, новая власть тем не менее не ущемляла окончательно интересы мелких землевладельцев, поскольку намерена была до поры до времени оставить их в нейтралитете и не возбуждать против себя десятки тысяч голодных вынужденных безработных из числа мелких землевладельцев. Им дали возможность вернуться в свои деревни. С учетом этого, декретом от 19 февраля 1918 года и циркуляром Народного комиссариата земледелия от 16 сентября 1918 года №13 местным властям разрешалось *«оставлять на местах тех бывших помещиков, кои своей деятельностью не проявляли контрреволюционных выступлений, но при условии ограничения их землепользований трудовыми нормами и обязательством вести хозяйство без наемного труда»*⁷⁰.

«Трудовых поместий» в старых дворянских усадьбах образовалось несколько тысяч: в Смоленской губернии - 500, в Воронежской - 188, Орловской - 200, Псковской - 209, Московской - 576 и т. д. Разрушить и разграбить усадьбы при живых хозяевах было непросто. Бывшие помещики мирно пахали, сеяли, кто-то из членов их семей шел в учителя, агрономы, переквалифицировался в новых совслужащих местных органов управления. От «классовых битв» октябрьским декретом новая власть их изолировала. В период гражданской войны для нее это было важно. Правда, не надолго.

В 1918-1920 годы в период военного коммунизма хлеб и фураж стали изыматься в деревнях в обязательном порядке по продрозверстке силами рабочих и военных отрядов. Изымали под личным контролем В. И. Ленина, который писал: *«Надо организовать великий «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий «крестовый поход» против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба».*

У бывших землевладельцев этого хлеба и фуража оказалось больше других, а если было и меньше, то на них соседи все равно показывали в первую очередь.

Не лучше складывалась жизнь городской интеллигенции. Голод, холод, грабежи, разруха. Из брошенных домов и квартир растаскивают мебель и все, что осталось от гардеробов бывших хозяев. В Лесном по вечерам стрельба. Хлеб выдавали по карточкам и талонам. Но это все же дома. Есть надежда, что со временем все поправится. За границей, пишут, тоже не легко: денег нет, работы нет. Уехавшие из России офицеры, учителя, агрономы, лесничие, инженеры, предприниматели берутся за лопаты, одевают фартуки простых рабочих и официантов. Далеко не все, кто успел уехать, смогли приспособиться к европейскому укладу жизни и подумывают о возвращении, как только жизнь наладится, а может быть придет старая власть.

У Д.Н. Кайгородова все капиталы - в стенах его дома на берегу Золотого пруда. Бросить все и уехать?! Оставить нажитое, на что ушла жизнь?! Мыкаться на старости по чужим углам! Бросить 25 тысяч фенологических документов, собранных за 50 лет! Кому его фенологические исследования, кроме России, нужны? Пропадет труд не только его, но еще тысяч таких же, как он, энтузиастов.

- *Слава Богу, дети не видят всего этого кошмара,* - подумал Дмитрий Никифорович. - *Зять, Петр Петрович Маресьев, с дочерью Тamarой и внуками — Кирой, Таней и Петром в Ревеле. С Петра Петровича эстонские власти уже успели снять его полковничьи погоны и он перебивается случайными заработками.*

Автопортрет Д. Н. Кайгородов в рабочем кабинете своего дома

Зато Тамаре удалось найти учеников английского и французского языка. Пока перебиваются, благо своя квартира в Ревеле. Петр Петрович вроде бы хочет попытать счастья в Париже, поискать там работу. Строитель он опытный, возможно, и найдет. Добрался до Ревеля из голодного Петрограда сын - Анатолий (1878 - после 1944). Эмигрантов, тем более русских, и в Эстонии не очень жалуют. Анатолию в этом отношении должно быть полегче, поскольку по матери он курляндский дворянин. И училище Анатолий кончил у Штиглица, в котором занимались по преимуществу прибалтийские немцы, латыши, эстонцы. Многие из них - его друзья. Тамара пишет, что Анатолий собирается открыть собственную школу живописи. У него это получится! Да и не мог Анатолий в любом случае оставаться дома. Рано или поздно напомнили бы ему о царской службе в Совете министров.

- Господи, Ревель стал заграницей. Прежде три часа на местном паровичке и ты в Ревеле, - усмехнулся Дмитрий Никифорович.

Опустел дом старого профессора. Живут в нем в холоде и голоде два старых человека - Дмитрий Никифорович и Валентина Романовна Кайгородовы. Слава Богу, в марте 1918 года выхлопотал Дмитрий Никифорович на дом у Золотого пруда охранную грамоту за подписью Народного комиссара просвещения А.В. Луначарского, в которой говорилось: «Настоящее удостоверяет, что находящийся в Лесном районе по Институтскому № 21 дом-особняк принадлежит заслуженному профессору Дмитрию Никифоровичу Кайгородову, как содержащий ценную библиотеку естественно-историческую коллекцию, материалы Центрального бюро фенологической сети, мастерскую художника А. Кайгородова, а также другие предметы, представляющие научную или художественную ценность, находится под покровительством Рабоче-Крестьянского Правительства и никакой реквизиции не подлежит. Все революционные власти приглашаются оказывать всяческое содействие его охране»⁷¹.

Революционной ломке экономических отношений всегда сопутствует хозяйственная разруха и ухудшение материального положения большей части населения. Промышленность и сельское хозяйство России, и без того ослабленные трехлетней войной с немцами, после революции 1917 года пришли в окончательный упадок. Валовой сбор зерна упал с 5 миллиардов пудов до 3,5. Один за другим останавливались заводы. Из-за нехватки топлива и подвижного состава перестали ходить поезда. Денежная система страны и до революции уже потеряла свою надежность, а после революции рухнула окончательно. Фунт муки, стоивший до войны 4 копейки, в 1921 году оценивался в 3,5 тысячи рублей. Мясо в цене повысилось с 15 копеек за фунт до 8 тысяч рублей, а сахар - с 16 копеек до 38 тысяч рублей. За копеечный коробок спичек надо было отдать 685 рублей⁷². К 1922 году деньги окончательно превратились в бумагу. Вошло в обиход то, что в 1990-х годах стало именоваться «бартером»-товарообменом: ты мне - пальто, я тебе - хлеб. Если без первого какое-то время еще обойтись можно, то без второго уже никак. Интеллигенция, особенно та ее часть, которая занималась исключительно умственным трудом, скоро оказалась и без того и без другого.

Тот, кто не уехал из России по политическим соображениям сразу после революции, стал задумываться об этом, когда опустели прилавки магазинов и начался голод.

Уехал на юг талантливый, но больной профессор Г.Ф. Морозов. Сначала приютил его у себя в Киеве Г.Н. Высоцкий. Дмитрий Никифорович хорошо помнил Георгия Николаевича: высокий, красивый, худощавый блондин. Подвижный, впечатлительный, как-то по-своему изящный. Никто и не догадывался о его недуге - глухоте, которым Георгий Николаевич все больше страдал после болезни. Высоцкий производил впечатление человека исключительно одаренного. Да он, собственно, и был таковым: талантливый исследователь, умелый экспериментатор, недурственный поэт. Когда большевики взяли власть и на Украине, Высоцкий с Морозовым подались в единственно свободный от большевистской власти Крым. В Таврическом университете тогда собрался цвет русской науки: филолог Н.К. Гудзий, историк Б.Д. Греков, физики А.Ф. Иоффе, И.Е. Тамм, биолог А. А. Любищев и др. Морозов и Высоцкий оказались среди них.

Плохо было русской интеллигенции, покинувшей в те страшные послереволюционные годы родину. Не позавидуешь и тем, кто остался. Ради куска хлеба они брались за любую работу. Известнейший юрист академик Анатолий Федорович Кони на пороге своего восьмидесятилетия с больными ногами пешком ходил по Петербургу читать лекции революционным солдатам и матросам в надежде покормиться из солдатского котла и принести домой пару сухарей. Об этом писал профессор А. Пинкевич из Петрограда, добавляя при этом, что А.Ф. Кони *«спокойно и безропотно переносит жизненные затруднения и лишения, жалея только о том, что не может краткий остаток своих дней посвятить исключительно научной и литературной работе»*.

Положение ученых было кошмарное. Выдающиеся ученые и писатели страны мерзли в нетопленных квартирах, умирали от недоедания и болезней, а некоторые, отчаявшись, добровольно уходили из жизни. Все шло к тому, что страна лишится интеллектуального потенциала еще до того, как подрастет новая рабфаковская интеллигенция. Экономическое возрождение требовало невероятных усилий. Для управления хозяйством не хватало специалистов. Когда еще подрастут комиссары в кожаных куртках. Пока надежда на старых спецов. Их тоже надо кормить.

Вот тогда-то и появилось письмо А.М. Горького с обращением к властям о необходимости создания в стране Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ).

В декабре 1921 года такая комиссия была организована. Одним из руководителей ее был видный революционер М.Я. Лапиров-Скобло. Кстати, его брат, С.Я. Лапиров-Скобло, - ученик Д.Н. Кайгородова, известный впоследствии своими работами по лесному товаро- и древесиноведению.

Московская центральная комиссия (ЦКУБУ) объединила комиссии местные - губернские, городские, работавшие под руководством партийных и правительственных работников. Ими были составлены списки на 7 тысяч выдающихся ученых, нуждающихся в продовольственной и «вещевой» поддержке. Размер ее определялся разрядом, к которому относился ученый. Излишков в продовольственном пайке не было: 40 фунтов муки, 20 - мяса, 20 - крупы, 4 - масла, три четверти - табаку, спички, соль. Не забыли и об оскудевшем гардеробе ученых. На год ученому полагалось пальто, костюм, ботинки, носки, портянки, простынь и 6 пар нижнего белья.

Д.Н. Кайгородов по-прежнему занимается в Сельскохозяйственном ученом комитете фенологической сетью.

Еще до революции при Министерстве земледелия предполагалось создать Институт опытной агрономии, но революция отодвинула эти планы. Как указывалось во «*Временном положении о Сельскохозяйственном ученом комитете*», создаваемые при отделах комитета условия и «интеллектуальные правила» должны были исполнять те намерения, которые предполагались для Института опытной агрономии. После 1922 года Сельскохозяйственный ученый комитет НКЗ РСФСР коренным образом реорганизуется и получает название Государственного института опытной агрономии. Размещался он по прежнему адресу в помещении бывшего Министерства земледелия. По наследству от Министерства институту досталась прекрасная (на 300 тысяч экземпляров) библиотека, а главное - лучшие столичные кадры специалистов. В институте функционировало 10 отделов: ботаники и селекции, прикладной энтомологии, микологии и фитопатологии, зоологии, лесной отдел. Отделом прикладной ботаники заведовал Н.И. Вавилов. Лесной отдел состоял из 12 отделений, возглавляемых известными учеными: лесоводства (М.Е. Ткаченко), лесной таксации (Н.В. Третьяков), лесной технологии (В.А. Петровский), лесной экономики (П.П. Серебряков), дендрологии (В.Н. Сукачев), физиологии (Л.А. Иванов), почвоведения (К.К. Гедройц), гидрологии (В.Н. Оболенский), лесной гидрологии (С.А. Яковлев), лесной мелиорации (А.В. Фомичев), защиты леса (М.Н. Римский-Корсаков), охотоведения (Г. Г. Доппельмайер) На Дмитрия Никифоровича Кайгородова возложили обязанности заведующего зоофенологической сетью лесного отдела института.

Просуществует отдел до апреля 1926 года, толком так и не успев ничего сделать. В 1926 году на базе его организуется Центральная лесная опытная станция с центром в Москве и филиалом в Ленинграде. Филиал в 1930 году преобразуют в Ленинградский лесопромышленный научно-исследовательский институт, в 1932 году - в Центральный научно-исследовательский институт лесоводства, а затем - в Центральный научно-исследовательский институт лесного хозяйства. Для размещения его отдадут кайгородовский дом. Но это будет уже после смерти Д.Н. Кайгородова, его жены Валентины Романовны и ареста их дочери Тамары.

В Институте опытной агрономии Кайгородов трудится с присущей ему настойчивостью и обстоятельностью. Об этом можно судить по тем двум дипломам, которые уже после его смерти в октябре 1924 года препровождены были дирекцией Главного выставочного комитета 1-й Сельскохозяйственной и кустарной выставки его жене, Валентине Романовне⁷⁴.

Очень много внимания уделяет Дмитрий Никифорович природоохранной деятельности.

Организационная структура по изучению природных производительных сил в России начала складываться задолго до революции. К основоположникам природоведения относят Ломоносова, Палласа, Миллера Крашенинникова, Лепехина, Берга. В конце XIX столетия энтузиастами охраны природы в России были ботаник И.П. Бородин, зоолог Г. А. Кожевников, биогеограф А.П. Семенов-Тянь-Шанский. После 1915 года благодаря А.С. Ермолову в стране получило развитие заповедное дело. Возглавили его В.Л. Комаров и В.Н. Сукачев.

Организационно природоведение входило в систему российской Академии наук. До революции Академия наук находилась в составе Министерства просвещения. Численность ее была невелика: до 1912 года числилось всего 153 человека. Работа проводилась главным образом учеными-энтузиастами, такими как Д.Н. Кайгородов. Незадолго до 1917 года при Академии наук была создана Комиссия по изучению производительных сил под руководством В.И. Вернадского. Большое внимание изучению сырьевых возможностей страны уделяли земства и их учреждения на местах. В губерниях насчитывалось 187 краеведческих организаций. После революции все они были ликвидированы, но необходимость продолжения природоведческой работы была столь очевидной, что уже в декабре 1921 года собирается Первая Всероссийская конференция по краеведению. Делегаты ее просили Академию наук вновь принять на себя руководство вопросами краеведения. Для этой цели при Академии создается Центральное бюро по краеведению. Его председателем избрали С.Ф. Ольденбурга.

Центральное бюро краеведения имело свой печатный орган «Известия ЦБК». В работе оно ориентировалось на Постановление ВЦИК и СНК от 5 октября 1925 года и на инструкцию, опубликованную в Ежегоднике НКП (№36, 1926). В дальнейшем, уже после смерти Д.Н. Кайгородова, в 1929 году при Центральном бюро краеведения будет образована Комиссия по охране природы. Сначала в Ленинграде, а спустя год - в Москве. На Комиссию возлагались задачи по содействию местным краеведческим организациям в работе по охране природы.

Центральное бюро краеведения развернуло бурную деятельность. Под его покровительством создаются музеи, институты, общественные организации, учреждается свой печатный орган «Известия Центрального бюро краеведения» журнал «Краевед».

С первых дней своей организации Центральное бюро краеведения большое внимание уделяет выпуску краеведческой литературы, популяризации знаний о природе и культурных ценностях страны. Открываются музеи в помещичьих усадьбах, в церквях, создаются общества по изучению своего края. Выходят местные газеты и журналы по краеведению. Возникают краеведческие общества и при кладбищах в целях сохранения уникальных памятников. Некоторое время удавалось с помощью краеведов сдерживать стремление властей во чтобы то ни стало покончить с «проклятым прошлым», не допустить превращения кладбищ в танцевальные площадки. Восстанавливаются дореволюционные краеведческие организации и ежегодно к ним прибавляется от 50 до 200 новых. К 1924 году в стране функционировало 493 губернских, 519 уездных и 288 местных краеведческих организаций. Создаются новые заповедники. Комитет по заповедникам при ВЦИК возглавил влиятельный партийный деятель П.Г. Смидович. Под руководством Центрального бюро краеведения открываются музеи в помещичьих усадьбах и монастырях. Д.Н. Кайгородов стал одним из активнейших помощников С.Ф. Ольденбурга в организации краеведческой и природоохранной работы. Он видел в этом деле возможность сохранения культурного наследия и природных богатств страны.

Продолжают восстанавливаться прерванные войною и революцией фенологические наблюдения. В феврале 1918 года Д.Н. Кайгородов рассылает по стране воззвание о невозможности прерывать фенологические наблюдения: *«В виду приближения весеннего времени, обращаюсь с усердной просьбой ко всем наблюдателям природы, а также лесничим и охотникам - не отказать прислать по нижеследующему адресу свои наблюдения над периодическими явлениями природы, а именно: время (число, месяц) прилета того или другого вида птиц, чередование и массовый прилет, появление тех или других насекомых и прочих представителей животного мира, не наблюдавшихся в зимнее время, начала зеленения и зацветания тех или иных растений, начала тетеревиных и глухариных токов, вскрытия рек (с названием рек), первой грозы (гром, зарница), начало первых полевых работ (пахота, посев) и другие явления.*

Сообщение можно послать как современное (по мере хода явления), так и общее (недельно, месячно). Каждое сообщение обязательно сопровождайте подробным адресом и четкой подписью наблюдателя с указанием места наблюдения (губерния, уезд и селение). Анонимные сообщения, как не заслуживающие доверия, не принимаются. Школьные наблюдатели (коллективные, ученические) присылают объединенные в общую ведомость, а не каждый в отдельности.

Наблюдения, сделанные в разных губерниях, не соединяются в одном листе. Сообщения надлежит располагать в их последовательности (хронологическом порядке). Адрес: Петроград, Лесной институт. Д. Н. Кайгородову»⁷⁵.

Фенологическая сеть к этому времени насчитывала 520 пунктов, 620 наблюдателей. Потом ей присвоят имя Д.Н. Кайгородова. Она будет расширяться и после его смерти, появятся новые наблюдательные и корреспондентские пункты общим числом более 1800. Это будет лучшая фенологическая сеть в мире.

Ежегодно Кайгородову даже в годы гражданской войны поступало до тысячи сообщений. Корреспонденты на все свои письма получили ответы и необходимый инструктаж общим числом около двух тысяч. Большую часть этой работы выполнял он сам и его верный помощник - жена Валентина Романовна.

Гражданская война

Едва ли случалось в мире какое-либо великое бедствие, возникало какое-либо ложное учение, которое в начале своем не имело хорошего повода, благой мысли.

Восемь лет империалистической, а затем гражданской войны превратили страну в «валы обломков». Промышленное производство и сельское хозяйство в сравнении с 1913 годом уменьшилось соответственно в 7 и 2 раза, половина паровозов и четверть вагонного парка были непригодны к работе. В 1921 году в Поволжье разразился голод, в стране свирепствовал тиф. Осложнялось положение и рядом других обстоятельств: частичным распылением пролетариата, уходившем из города в деревню, внутрипартийными дискуссиями, недружественным внешним окружением.

Самой острой оставалась проблема крестьянства, которого в стране учитывалось три четверти населения. По своей идеологии оно весьма противоречиво. Период радостной эйфории по поводу «вся земля крестьянам» прошел быстро.

В 1920 - начале 1921 года начались мятежи в Тамбовской, Саранской, Самарской губерниях, в ряде районов Сибири. На Украине активизировались банды националистов, в Средней Азии - басмачей. В феврале 1920 года вспыхнуло восстание в Кронштадте.

Партия своевременно сориентировалась и в 1921 году уже приступили к принятой на X съезде партии «новой экономической политике». Продразверстку заменили продналогом, выплатив который, крестьянин мог вести излишки на рынок. Экономика сама стала работать на порядок.

Гражданская война подходила к концу. Вместе с центральной властью укреплялась и власть на местах. Само же правительство уже с весны 1918 года работало в Москве. Однако управление наукой частично оставалось в Петрограде, поскольку на новом месте разместить научные учреждения не представлялось возможным.

Реформы, проводившиеся Временным и советским правительствами в первые годы власти последнего, мало что изменили в управлении лесной наукой.

Управлять практически было нечем. Лесная наука и до революции находилась на раннем этапе своего развития. Да и русская земледельческая наука в целом была еще сравнительно молода. Первые четыре опытных поля, заложенные для изучения влияния агрономических мероприятий на урожайность, появились в стране в 1867 году благодаря Вольному экономическому обществу. Однако просуществовали они лишь три года. На одном из этих полей в Симбирской губернии работал К.А. Тимирязев. В 70-х годах дело сдвинулось с мертвой точки и в начале столетия Россия уже могла заявить, что ее земледельческая наука имеет будущее.

Что же касается руководства лесным хозяйством, в целом, и лесной наукой, в частности, то в первые годы после Октябрьской революции лесное хозяйство входило в систему Наркомата земледелия. Заведование опытным делом в стране в то время возлагалось на Опытный отдел Наркомзема, действовавшим на основании Положения о центральных и местных органах управления сельскохозяйственным опытным делом РСФСР, которое было утверждено коллегией Наркомзема 25 апреля 1921 года. В непосредственное распоряжение этого отдела входило также рыбоводство, лесоводство, мелиоративное дело. Созывался Опытный отдел два раза в год в качестве совещательного органа. Это был Всероссийский совет по сельскохозяйственному опытному делу. На нем заслушивались отчеты областных управлений по вопросам научных исследований. Опытный отдел Наркомзема совместно с Бюро, избранным Всероссийским съездом по опытному делу, созывал съезды. Проходили они ежегодно, а чрезвычайные - по мере надобности, в областях имелись полномочные представительства Опытного отдела в виде управлений с численностью работников в них 3-10 человек. Состояли они из руководителей областных опытных учреждений.

Но это все были чиновники («совслужащие»). Практической же наукой в стране стал заниматься Лесной отдел Государственного института опытной агрономии, который в своей работе опирался на 14 опытных лесничеств. Кроме того, в стране имелись еще 40 опытных хозяйств при 8 высших учебных заведениях и 22 техникумах. Некоторые институты имели несколько учебно-опытных лесничеств. При Ленинградском лесном институте - Лисинское, Охтинское, Парголово, Лемболовское. В Северном районе (Архангельская область) институту подчинялось Шелковское лесничество. В Центральном районе - Погоно-Островское, Измайловское, Мытищинское, Порецкое. В Брянской области за институтом были закреплены в качестве учебной базы леса Хинельского лесничества, а в Волжском районе - Баково-Варнавинский лесной массив из 5 лесничеств.

Так что было на кого опереться и с кем поддерживать деловые связи. Однако сотрудники Лесного отдела института рассчитывали главным образом на свои силы, поскольку в годы гражданской войны не очень-то разъездишься.

*Занятия со студентами в зале Охотничьего дома в поселке Лисино
(начало 20-х годов XX века)*

Д.Н. Кайгородов в Сельскохозяйственном ученом комитете при Лесном отделе занимался фенологической сетью, рецензировал те редкие книги по природоведению, которые, как ни странно, и тогда издавались, а главное, вел обширную переписку и старался восстановить связь со своими корреспондентами на местах..

Лесной департамент Министерства земледелия после Февральской революции также изменился мало. Вице-директор департамента Н.Д. Суходский призывал даже сослуживцев не прекращать работу, напоминая им о Родине и пользе, приносимой ими русскому народу. Так лесоводы в большинстве своем и поступали.

В 1917 году в Лесном институте созывается Всероссийский съезд лесоводов. Председательствовал на съезде будущий управляющий лесами Республики Наркомата земледелия Н.И. Фалеев. Решение о национализации лесов было единодушно поддержано. Оно, по существу, определило передачу государству лесной ренты, ранее изымавшейся в частновладельческих лесных дачах их владельцев.

Была надежда, что значительная часть ее вернется в лесное хозяйство для расширенного воспроизводства лесных ресурсов. Национализация лесов создавала условия для государственного регулирования лесопотребления, а также и возможность вести лесное хозяйство на основе сохранения постоянства пользования лесом и учетом всего многообразия полезностей леса, в том числе почвозащитных, водоохраных и др.

С переездом советского правительства в Москву из Лесного департамента на новое место жительства отправилась четвертая часть сотрудников. В Москве лесники будут стараться проявлять полное понимание новых требований руководства Наркомата. Съезд московских лесоводов в начале 1918 года постановит: «... *Вступить в сотрудничество с представителями нового правительства. Мотивировка: мы, лесоводы, должны отстаивать лес, не отходить от него до последней крайности, вести себя, как капитан на корабле.*»

Основной задачей лесного хозяйства съезд определил удовлетворение «насуточной потребности всех граждан республики в лесных материалах, в побочных пользованиях и в различных продуктах, получаемых из древесины и иных производных леса» Вторая часть этой задачи состояла в получении лесного дохода и оздоровлении финансов страны. Ну, как было не возрадоваться сердцу истинного лесоведа от такой перспективы!

В некоторых губерниях новая власть с пониманием встретила готовность лесоводов к сотрудничеству. Знающие дело специалисты лесного хозяйства были назначены на ответственные должности. Так, бывший тайный советник, начальник Управления государственных имуществ А.А. Вернадский на I губернском съезде рабочих и крестьянских депутатов единогласно был утвержден в прежней своей должности и вошел в Олонецкий губисполком. Известный ученый, профессор Лесного института Константин Каэтонович Гедройц был избран в Петроградский совет.

И все же в отличие от лесной науки, которая после революции мало что утратила в управлении своими делами, практическое лесное хозяйство оказалось в очень затруднительном положении. Прежде всего это коснулось вопросов, связанных с национализацией всех лесов. Не национализированных частных была половина. Государство за них практически не несло ответственности. Потребовалось принять меры по ликвидации этого недостатка. Если учесть, что частные леса находились в густо населенных губерниях, то это было сделать очень непросто, на что, кстати, в свое время указывал профессор М.М. Орлов. Практически потребовалось не удвоить, а устроить в стране количество лесничеств и лесной охраны.

Не было на это ни средств, ни специалистов. Кроме того, подоспел очень революционный и демократичный новый Закон о лесах 1918 года. В нем декларировался одобренный съездом лесоводов тезис об удовлетворении *«насущной потребности всех граждан республики в лесных материалах, в побочных пользованиях и в различных продуктах»*.

Кто не ленивый, сразу же поехал в лес! Решение новой власти «трудовой народ» воспринял «по-коммунистически»: «каждому по потребности». Лесоводы, ссылаясь на царем утвержденные правила и ограниченность доступных для эксплуатации лесов, пытаются ввести эти «насущные потребности» в расчетные квоты и привычные научные требования. Врагов они себе нажили сразу же! Начали распространяться слухи о том, что лесники, как бывшие служки помещиков-лесовладельцев и монархического строя, нарочно не дают рубить лес там, где разрешают представители «трудового народа», что лесоводы умышленно запрещают «закабаленному крестьянству» пасти скот в лесу и создают неоправданно строгие правила пользования лесами в провокационных целях для подрыва рабоче-крестьянской власти. В конце концов распоряжаться в лесу стали местные «комбеды», причем так, как им заблагорассудится.

Революция, устранив прежние порядки, которые царское правительство определяло по отношению к лесу, тем самым делало своеобразный подарок деревне в обмен на поддержку ею новой власти. Начался открытый грабеж лучших лесов страны. Лесное хозяйство первых лет революции фактически было принесено в жертву революционному лозунгу, которым поспешили воспользоваться далеко не самые «сознательные жители деревни и города». Никогда в истории лесного хозяйства в лесах России не было такого грубого произвола, как в первые годы советской власти. При национализации лесов было утеряно немало документации на прежде протаксированные и устроенные лесные дачи. По различным данным, за 1918-1922 годы вырублено 40 миллионов кубических саженьей деревьев, что в сравнении со средним допустимым отпуском в 10-11 миллионов определяло четырехкратный переруб. В центральных районах вдоль дорог почти все, что можно, было вырублено. Во время своей поездки по южным российским районам В.И. Вернадский напишет: *«Леса, которые поражали мощью и напором жизни, почти исчезли (неподалеку от Старосельской на Днепре). Вырублен и по правилам и без правил. Молодой лес на вырубках частью принят, а частью нет. Вырублен лес крестьянами - признак повального воровства, распродажи, после революции уже неудержимой. Короче говоря, картина - как после разгрома. Лес уничтожен на 100-150 лет вперед, задолго до его спелости»⁷⁵*.

Лесоводы попытались возражать, но скоро убедились в тщетности своих намерений. В газетах же появляются статьи следующего содержания *«Циркуляры и распоряжения превратили лесного специалиста в мертвого формального исполнителя. Лесовод никогда не стоял на позициях защиты крестьян. Лесовод, приняв революцию буржуазную, отошел от революции социальной. Лесные работники не слились с народом, не встали в ряды бойцов за уничтожение проклятого наследия царизма. Лесные специалисты разделены гранью: на одной стороне - недоверие подозрительность, на другой - недоумение и растерянность».*

Ну как было не снять с должности, не выгнать такого специалиста из лесничества. Так и поступили в большинстве уездов. Повсеместно начались «чистки» лесных специалистов, и «чистили» так усердно, что многие лесоводы, не выдержав травли и самоуправства со стороны местного населения, бросали все и уезжали в город. В Ярославской губернии из 32 дипломированных лесничих не оказалось после гражданской войны ни одного ученого лесовода. В 1918 году, подготавливая дела к сдаче, простудился и умер старый добрый товарищ Дмитрия Никифоровича, бывший вице-директор Лесного департамента Н.Д. Суходский, искренне призывавший лесоводов не оставлять лесничеств и добросовестно служить лесу и при новой власти. Его коллега - известный знаток дубрав, вице-инспектор Корпуса лесничих А.П. Молчанов, спасаясь от голода и холода, уехал из Петрограда и умер в деревушке под Липецком. Умер в нетопленной своей комнате замечательный ученый-охотовед А.А. Силантьев и профессор частного лесоводства, умница В. Д. Огиевский. Талантливый популяризатор природы и леса, автор почти 7 тысяч заметок о нем, Василий Иеремеевич Гомилевский не выдержал свалившихся на него потрясений, заболел психически и покончил с собой. Застрелился лисинский лесничий Д.М. Кравчинский. Покончил с собою его помощник. Скончалась от потрясения жена Дмитрия Михайловича. Да разве всех сочтешь!

По данным «Известий» Лесного института за 1917 год, в его штатном расписании значились следующие кафедры и возглавлявшие их заведующие: общего лесоводства - Г.Ф. Морозов; частного лесоводства В.Д. Огиевский; лесоустройства и лесной таксации - М.М. Орлов; лесной технологии Н.А. Филиппов; лесоуправления и лесных законов - Э.Э. Керн; высшей математики А.П. Фан дер Флит; геодезии - И.И. Померанцев; ботаники Л.А. Иванов; физики и метеорологии Г.А. Любославский; химии - Е.В. Бирон; зоологии - Н.А. Холодковский; почвоведения - П.С. Коссович; строительного искусства - Э.Г. Перримонд; минералогии и геологии - С.А. Яковлев; политической экономии и статистики - Л.В. Ходский; богословия — М.П. Альбов; плодоводства - А.С. Докторович-Гребницкий. Французский язык преподавал Р. Ю. Лемерсье, немецкий язык - М.Ф. Зауэрбрей.

После 1922 года остались в лесном институте лишь трое: М.М. Орлов, Л.А. Иванов и С.А. Яковлев.

Особенно же потрясла Дмитрия Никифоровича смерть его последних, «царских», учеников: Иоанна, Константина и Игоря - сыновей великого князя Константина Константиновича, которым он отдал так много душевной теплоты и которых любил, как сыновей.

Смерть княжичей никак не укладывалась в голову Дмитрия Никифоровича. Поистине гордостью России был сам великий князь Константин Константинович, служил он честно и добросовестно. Все знали о его исключительном трудолюбии, доброте и душевной отзывчивости. На службу князь вступил в 12 лет и плавал на кораблях практически матросом, был гардемаринном, прапорщиком. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов уже командовал ротой. Был награжден за храбрость в 19 лет Георгиевским крестом IV степени. Известный поэт, композитор. Отец Олега, героя, простого русского офицера, погибшего во время Первой мировой войны и награжденного за храбрость орденом Георгия IV степени. Кстати, очень талантливого юноши, унаследовавшего от отца и деда литературный дар, выпускника Александровского лицея, пламенного почитателя А.С. Пушкина и собирателя его автографов. Олег погибнет вскоре после начала войны. К постели смертельно раненого сына Константин Константинович успеет за час до его смерти. Орден, награду сына от военного министерства, он возьмет из шкатулки орденов отца генерал-адмирала Константина Николаевича и закрепит его на мундире умирающего. Несколькими неделями раньше погибнет в бою муж дочери, князь Багратион - Мухранский. Могли бы учесть заслуги человека, так много сделавшего для России и принесшего ради нее так много жертв! Нет. Отпустили лишь одного - больного чахоткой сына Гавриила. А.М. Горький упросил Н.К. Крупскую, к которой он привез семейного врача «Константиновичей» И.И. Манухина. В своем письме пролетарский писатель уговаривал вождя мирового пролетариата отпустить тяжело и опасно больного князя, поскольку не следует «фабриковать» из буржуев мучеников революции, наоборот, полезнее для дела продемонстрировать в очередной раз благородство и романтику революции.

Гавриил выжил, но детей у него не было. Не осталось потомства и от Иоанна, жену которого Елену Петровну, королеву Сербскую, последовавшую за мужем на Урал, все же бросить в шахту вместе с мужем остереглись из опасения осложнений в международных отношениях.

Троих же молодых, здоровых юношей, едва успевших надеть офицерские мундиры, чтобы ехать на фронт, троих сыновей Константина Константиновича — Иоанна, Константина и Игоря арестовали и вместе с их двоюродным братом князем Палеем, двоюродным дядей великим князем Сергеем Михайловичем и сестрой императрицы Александры Федоровны игуменьей Елизаветой Федоровной живьем сбросили в колодец 60-метровой шахты в 11 верстах от Алапаевска.

Вели себя перед смертью «княжичи» достойно. Игуменья Марфо-Мариинской обители Елизавета Федоровна, вдова убитого еще в 1905 году бомбой московского губернатора Сергея Александровича, отдавшая все свое состояние на нужды благотворительности и принявшая монашеский постриг, успокаивала смертников молитвами и словами: «Несчастные, они не знают, что делают». Молодые люди пожимали плечами и говорили: «Мы ни в чем не виноваты».

Мертвым в колодец шахты падал, ударяясь по распоркам перегороженного колодца, только великий князь Сергей Михайлович, ухватившийся перед падением за одного из своих убийц. Его застрелили наверху. На остальных, живьем сброшенных в колодец шахты, кидали гранаты, бревна, камни. Да, видимо, наспех, неумело. Оставленная у шахты охрана несколько дней слышала доносившиеся снизу стоны и молитвы. В конце концов убийцы взяли у местного фельдшера кусок серы, зажгли его и бросили в шахту, плотно закрыв вход в нее. Замученные умерли от удушья.

Убиты были во время гражданской войны и два брата Константина Константиновича - Николай и Дмитрий.

Несчастливым оказался брак дочери Веры, вышедшей замуж за герцога Вильгельма Евгения Виртенбергского, умершего через три года после свадьбы.

И все это творилось руками людей, близких по крови! Все теми же русскими людьми, о которых с такой гордостью писал поэт «К. Р.»:

*С верою твердой слепую
Честно живи ты свой век,
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек.*

В 1919-м у Васильевской куртины Петропавловской крепости начались массовые расстрелы заложников. В их числе оказались ближайшие родственники Иоанна Константиновича. В гробницы, где покоился прах еда, бабушки и еще 10 «Романовичей» проникли мародеры и осквернили захоронения.

Сам Петропавловский собор превратили в объект экскурсий, место поругания покойных и революционной пропаганды. Продали реликвии ризницы собора и даже прах Александры Георгиевны, урожденной греческой королевны. Греки выкупили его за валюту и похоронили дома.

«Поистине, не наступили в России еще времена, когда безнаказанно было служить своему отечеству».

Нетрудно представить себе, с какой сердечной болью узнавал об этих и злодействах Дмитрий Никифорович. Члены семьи великого князя Константина Константиновича были для него людьми дорогими и близкими. Молодым «княжичам» Дмитрий Никифорович первый открывал красоту мира и доброту людей. Перед смертью, говорят, перед глазами человека проходит вся его жизнь. Прошел, конечно же, и он, их старый учитель. Сколько же в глазах их было боли. Ото всего этого слезы наворачивались на глаза Дмитрия Никифоровича.

- Господи, прости изуверов, они сами не знали, что делали, - думал старый профессор.

С кем же собирается новая власть обустривать новую Россию, если она так безжалостно относится к достойным своим людям?

Инженерная прослойка

Удивляешься иногда, зачем человек защищает такие странные, неразумные положения: религиозные, политические, научные. Поищи и ты найдешь, что он защищает свое положение.

Л.Н. Толстой

Инженерных кадров в дореволюционной России не хватало. На огромную страну со 160-миллионным населением - 82 тысячи инженеров! Очень скромно! По мнению ученых, для управления даже обычным производством необходимо 1-2 процента специалистов с высшим образованием от числа работающих на предприятии. На производствах со сложными процессами доля их возрастает до 20-40 процентов. Сделаем скидку на тогдашний технический уровень. Все равно очень мало. В лесном ведомстве дела были чуть получше - Корпус лесничих (специалистов) в 5 тысяч человек на 39 тысяч работающих для того времени, казалось бы, совсем неплохо. Если же учесть, что в России лесов насчитывалось около полумиллиарда десятин и половина Корпуса лесничих сидела в столице да по губернским городам, то причин для широкого оптимизма у российских лесников также не было. Нередко лесничими оказывались домашние учителя, землемеры: *«Мне теперь еще известен один лес, - писал известный в то время лесовод К.Ф. Тюрмер в 1876 году, - величиною в 14000 десятин, которыми управляет врач, имеющий в то же время в своем ведении и больницу».*

Казенные лесничества далеко не всегда оказывались укомплектованными дипломированными учеными лесоводами. Должности их занимали лесные кондуктора. В стране же еще и частных лесов было почти столько же. За ними чаще всего присматривали случайные люди.

Особенно остро стала ощущаться нехватка лесных специалистов перед началом Первой мировой войны. 120 ученых лесоводов, ежегодно оканчивающих Императорский Лесной и Ново-Александровский сельскохозяйственный и лесной институты, не удовлетворяли потребностей даже казенного лесоуправления. После же того, как по лесному управлению утвердили новые штаты в соответствии с законом от 25 июня 1912 года и добавили по лесничествам, таксаторским и овражно-песчаным партиям, переселенческим управлениям, казенным лесозаводам и другим лесным учреждениям, со специалистами стало совсем напряженно.

Какие то меры принимались. Санкт-Петербургский Лесной институт чуть увеличил число поступающих, Ново-Александровский сельскохозяйственный институт последовал его примеру. К существовавшим 38 низшим школам добавились еще 4 в Туркестане, каждая из которых выпускала по 10-12 лесных кондукторов. Открылись лесные отделения в Московском и Воронежском сельскохозяйственных институтах, внесен в Государственную Думу проект закона об открытии такого же лесного отделения в Омске. При Санкт-Петербургском лесном институте учреждены в 1915 году 8-месячные курсы для лесничих. Вот пожалуй и все!

Началась война. Бронь на лесничих не распространялась. Многие из них ушли на фронт. Самый же большой урон лесному ведомству нанесла революция. В предыдущей главе мы рассказывали, с какой враждебностью встретил «революционный народ» лесных специалистов, пытавших не допустить произвола в своих хозяйствах.

Многие из лесных специалистов, не дожидаясь ареста или увольнения, уходили сами. В лесном ведомстве Белоруссии, например, при потребности в 325 человек, лесных специалистов к 1925 году со специальным образованием значилось 7, а в Казахстане - 12 лесоводов. Не лучше обстояло дело и в других регионах России. В промышленности многие заводы работали вообще без инженеров. пришлось правительству обращаться к местным властям с письмом, в котором запрещалось снимать с работы лесных специалистов, поскольку заменить их другими невозможно. Однако время было упущено. Да и не очень-то «власти» слушали. Приходилось довольствоваться оставшимися специалистами и желающими «поруководить». За 1918-1921 годы выдвинуто было на руководящие технические должности в промышленности свыше 3,5 тысяч рабочих и более 2 тысяч крестьян. Оказались выдвиженцы и на лесных должностях. Само правительство также состояло, за редким исключением, из людей в лучшем случае со средним образованием. Дефицит знаний у подчиненных они просто не замечали.

Работы же предстояло много: восстановить транспорт, фабрики, заводы, ... начать электрификацию. А где взять для всего этого специалистов? Одних революционных лозунгов для продвижения дела недостаточно. Нужны знания, люди, уверенно способные ими воспользоваться на практике.

В правительстве это понимали и с первых же лет советской власти приступили к ликвидации неграмотности, организации новых учебных заведений. В августе 1918 года открылся Политехнический институт в Иваново-Вознесенске, в сентябре 1919 года - Горная академия в Москве. Создаются новые медицинские, сельскохозяйственные, лесные учебные заведения. К 1920 году в стране уже работало 55 педагогических вузов, то есть в 2,5 раза больше, чем имелось до революции. По инициативе на местах возникают различные практические институты: Вольшевский, Тверской, Вятский, Сарапульский. Примером такого института - техникума повышенного типа был Ветлужский практический институт.

В типах лесных учебных заведений наблюдалась большая пестрота. Среди них оказались высшие и средние учебные заведения и учебные заведения, организованные по образцу лесных профессиональных училищ и практических институтов. В итоге среди лесных учебных заведений зарегистрировалось 9 вузов, 21 техникум и 12 лесных школ. Подавляющее число их находилось в европейской части страны.

Особых претензий к учебным заведениям по части их программ, да и качества самого учебного процесса в первые годы не выдвигалось, за исключением требований политических. Здесь воля нового правительства была непреклонной. Она излагалась уже в самом первом декрете по строительству советской высшей школы «О правилах приема в высшие учебные заведения», подписанном В.И. Лениным 2 августа 1918 года. *Правилами был предусмотрен прием в высшие учебные заведения всех граждан обоего пола, достигших 16 лет, и в первую очередь лиц из пролетариата и беднейшего крестьянства. Обучение в институтах стало бесплатным. Для нуждающихся студентов была установлена государственная стипендия. Вступительные, переводные и государственные экзамены отменялись. Подчеркивалось, что отмена экзаменов носит временный характер и вызвана необходимостью устранения всех препятствий к занятиям для трудящихся. Суть политики правительства в отношении подготовки специалистов обстоятельно и откровенно определилась на III Всероссийском съезде Советов. На нем разъяснялось, что проблема подготовки квалифицированных кадров для послереволюционной России - одна из жизненно важных задач. Правящий класс утверждает, отмечалось на съезде, что рабочие «органически» лишены способности к созидательной деятельности, особенно в управлении государством. Делегаты съезда и сам В.И. Ленин утверждали, что задача эта вполне посильна большевикам. Более того, советская власть будет выдвигать на руководящие должности людей, освободившихся до конца от старых буржуазных предрассудков. С этими должностями вполне может управиться простой рабочий и крестьянин, если научится и возьмется управлять!*

Организационной задачей и будет задача выделения из народных масс руководителей и организаторов. Эта гигантская работа стоит теперь на очереди дня.

Новой власти очень нужны были специалисты, но такие, которые стояли бы на марксистских позициях. Далеко не все специалисты старой формации этим требованиям отвечали. Дореволюционные высшие учебные заведения, несмотря даже на революционное инакомыслие части студенчества, были все же оплотом «буржуазным». В, казалось бы, демократичном Лесном институте прослойка «выходцев из народа» была совсем не народной. В 1917 году студенты Лесного института по происхождению составляли: из дворян - 11, духовного звания - 3, купцов - 9, почетных граждан - 21, мещан - 31 и крестьян - 25. Вроде бы, число студентов из крестьян и мещан составляло 56 процентов, но они были выходцами не из бедных, а из зажиточных семей, уже обремененных «старорежимной» идеологией. Среди «революционного лесного студенчества», как потом оказалось, преобладали «кадеты» и «эсеры», скатившиеся после окончания революции в «болото» «врагов рабочего класса» и «кулацких пособников». Отношение же к кулакам Ленин определял со свойственной ему решительностью: *«Кулак бешено ненавидит советскую власть и готов передуть, перерезать сотни тысяч рабочих. Если бы кулакам удалось победить, мы прекрасно знаем, что они беспощадно перебили бы сотни тысяч рабочих.*

Кулаки - бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят кулака.

Миру не бывать: кулака помирить с рабочими нельзя никогда.

И поэтому бой против кулаков мы называем последним решительным боем...

Кулаки - самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры.

Беспощадная война против этих кулаков!

Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правым эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам!»⁷⁶.

Справедливо пишут о низкой грамотности народа до революции. Тем не менее, тог-дашние высшие учебные заведения не могли принять всех выпускников средних учебных заведений, подававших заявление с просьбой о зачислении в институты и университеты. В Лесной институт в 1914 году было подано 1419 прошений о приеме, а мест имелось всего 225. Две трети студентов Лесного института - это выпускники реальных училищ и 17 процентов - гимназий.

После революции тоже можно было бы набрать достаточное количество подготовленных абитуриентов из числа гимназистов, реалистов, выпускников коммерческих, духовных и офицерских училищ для укомплектования студенческих групп высших учебных заведений. Только это никак не входило в планы большевистской партии и советского правительства.

А.В. Луначарский в своих воспоминаниях писал по этому поводу: *«Согласовать большевистскую власть с чиновниками министерства народного просвещения оказалось невозможным. Решено было отправиться на приступ мрачного дома, откуда расходилась паутина высоких царских чиновников-пауков, великих, по выражению Щедрина, мастеров народного затемнения. Решено было - что же поделаешь! - выгнать оттуда все чиновничьи сонмы... и постараться потом постепенно заполнять образовавшуюся пустоту нашей медленно растущей и, увы, далеко не совершенной коллекцией «квалифицированных сил»⁷⁷.*

Основа «нашей квалифицированной силы» закладывалась уже при наборе абитуриентов для зачисления в высшие учебные заведения. Главным критерием пригодности для поступления стала политическая благонадежность. *«Единственной мерой для коренной реформы высшей школы, - утверждалось в решении Комиссариата просвещения, - могло быть только максимально быстрое обновление студенческого состава высшей школы введением туда рабочих, крестьян и красногвардейцев, прошедших предварительный курс по подготовке в высшую школу, и, с другой стороны, постепенная, медленная смена состава руководящей головки высшей школы».*

Впервые же эта мысль была опубликована 2 августа 1918 года в декрете, согласно которому *«каждое лицо, достигшее 16 лет, имело право вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или вообще какой-либо школы».* Членам приемных комиссий институтов при этом категорически запрещалось испрашивать от поступающих какие-либо документы, кроме удостоверения личности и справки о возрасте. Вместо приемных экзаменов, на которых при царском режиме «заваливалась» добрая половина гимназистов и реалистов, с поступавшими в институт проводилось лишь вежливое товарищеское собеседование, в процессе которого уточнялось социальное происхождение абитуриента, серьезность его намерений постигать вершины науки и... правильность понимания «текущего момента».

Институтские профессора в ожидании появления в своих аудиториях студентов, зачисленных в храмы науки по такому принципу, хватались за голову и пробовали высказывать сомнения по поводу перспективы столь революционного подхода к подбору их питомцев.

Глядя на них, смутился кто-то и из будущих студентов. Но высшее партийное начальство их успокоило:

- Не обращайтесь внимания. У них, у всех стариков, рутины и старых традиций еще сегодня много. Молодые специалисты не должны поддаваться мнимому авторитету старых в этом отношении.

В сентябре же 1918 года бюро Московской комиссии студентов внесло Комиссии коллегии Наркомпроса под председательством А.В. Луначарского предложение об организации при высших учебных заведениях рабочих факультетов для приема на них пролетарской молодежи. Первый рабочий факультет учредили 2 февраля 1919 года при бывшем Коммерческом (имени Карла Маркса, а теперь Плехановском) институте. На торжественном его открытии присутствовали А.В. Луначарский, М.Н. Покровский. Трогательное приветствие прислал сам К.А. Тимирязев.

Приход в институты рабфаковцев должен был в корне изменить социальную среду высших учебных заведений. Как писалось в документах тех лет, *«советская власть получила пролетарское студенчество, пролетарский командный состав, своих инженеров среди буржуазной, спаянной между собою инженерной касты».*

Приобщиться к учебе на первом рабфаке пожелало несколько тысяч человек. Правда, среди них оказалось немало второгодников и молодых людей, исключенных из обычных школ, мелькали среди «рабочих студентов» и пытавшиеся укрыться от армии дезертиры и вообще сомнительные личности, бывшие не в ладах не только с прежней полицией, но и с новой милицией. Пришлось провести чистку и потребовать от поступающих рекомендации от фабкома или комячейки, утверждающей, что они принадлежат к классу рабочих и крестьян, не эксплуатируют чужого труда и стоят на платформе советской власти. Предполагалось, что поступившие на рабфак имеют хотя бы 3-классное образование. В конечном итоге, на рабфаке осталась хоть и малограмотная, но действительно «рабоче-крестьянская» молодежь в возрасте от 18 до 30 лет. Учиться ей предстояло на дневных отделениях 3 года, на вечерних 4 года. На время учебы рабфаковцам установили студенческую стипендию в размере прожиточного минимума - 17-23 рубля. На обучение каждого государство ассигновало 27 рублей (включая стипендии). Вспомним, что зарплата лесничего в те годы была намного меньше.

Сначала на рабфаках предполагалось изучать адаптировано все предметы, входившие в программу высшей школы, но затем они стали своего рода подготовительными курсами институтов с техническим, биологическим, экономическим и педагогическим уклонами. Начинать учебу на них приходилось с русского языка и чистописания. Затем следовали, в уплотненном и сокращенном объеме, арифметика, история, география и все прочие предметы, изучавшиеся в средней общеобразовательной школе.

В 1920 году в стране работало 20 рабфаков, а к 1930-му их будет уже 500 с числом учащихся более 150 тысяч человек. В 1932 году число рабфаковцев возросло до 350 тысяч. Работал свой рабфак и при Лесном институте. Рабфаки имелись не только при институтах, но и при крупных заводах, фабриках, совхозах. Аудитории многих институтов почти целиком заполнялись их выпускниками. Просуществовали рабфаки до 1941 года. Потом их сменили школы рабочей молодежи. За годы 1-й пятилетки благодаря рабфакам удалось подготовить 170,7 тысячи специалистов с высшим образованием. Только в 1929-1931 годах в Лесной институт принято на учебу 103 парттысячника и профтысячника, то есть абитуриентов, направленных на учебу по соответствующим путевкам.

Нельзя не отметить, что начало советской власти - это все же эпоха начала всеобщей грамотности в стране. Если в 1897 году на 1 тысячу человек населения России (в европейской части страны, на северном Кавказе и Западной Сибири) было 223 грамотных, то к 1920 году эта цифра возросла до 319. Второго августа 1921 года был издан декрет СНК *«О массовом распространении среди крестьянского населения сельскохозяйственных знаний и улучшение ведения сельского хозяйства»*. В 1922 году обучалось 463,3 тысячи человек, а в 1925-м - 1383,3. На Украине число обучающихся возросло в 25 раз, в Грузии - в 17, Казахстане - в 5, в Узбекистане и Киргизии - в 3 раза. Население училось в школах, техникумах, институтах, в различных кружках. Новая власть хорошо использовала врожденное стремление россиян к учебе! В 1926-1927 годах в сельских клубах проведено 251500 лекций, докладов, бесед на сельскохозяйственные темы. На них участвовало 7 199 900 человек. По данным Всесоюзной переписи населения, уже в 1939 году количество грамотных в возрасте от 9 до 49 лет достигало 80,1 процента.

Рабочие факультеты позволили поступить в учебные заведения всем, кто хотел учиться, в том числе и беднейшим слоям, для которых прежде получение образования было сопряжено с огромными трудностями. Рабочие же факультеты коренным образом изменили облик специалиста. К управлению производством, в школы, на государственную службу пришли молодые и не очень молодые люди из народа, стремившиеся реализовать открывшиеся перед ними возможности.

Еще раньше постановлением Наркомата просвещения от 18 ноября 1918 года была изменена структура управления высшей школой: заведование студенческими делами было возложено на Советы студенческих представителей, которые входили в общий Совет института. Работали указанные советы исключительно по партийным директивам, в том числе и в приемных комиссиях.

Большое внимание уделялось перестройке гуманитарного образования. Юридические, историко-филологические факультеты по причине реакционности университетских профессоров не отвечали требованиям новой власти. В 1919 году эти факультеты упразднили. Подготовка кадров для марксизма-ленинизма возлагалась на Социалистическую академию общественных наук (с 1924 года - Коммунистическая академия).

Для подготовки партийных кадров были созданы совпартшколы на местах и центральная партийно-советская школа в Москве - Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. За три года (1918-1920) он подготовил 3 тысячи партийных работников.

В июле 1920 года СНК принял постановление «О высших технических учебных заведениях», которое внесло коренные изменения в систему высшего технического образования.

В 1920 году в Лесном институте выделилось 4 отделения: лесохозяйственное, лесомелиоративное, лесотехнологическое и торфяное.

Списочная численность Лесного института в 1918 году сократилась, по сравнению с дореволюционным, вдвое и составила 343 человека. В январе 1919 года она составляла всего 136 человек, фактически же училось всего 50. В основном это были «академисты», не пожелавшие ввязываться в революционные дела. В 1920 году в институте училось, вернее, присутствовало, всего 65 студентов. Это были остатки дореволюционного студенчества, входившие в академическую корпорацию «Знание». Корпорация весьма настороженно относилась к новой власти. Чтобы хоть как-то выжить и закончить институт, студенты-«академисты» организовались в Совет студенческих представительств, который правдами и неправдами доставал продукты и поддерживал какой ни есть порядок в институте.

После окончания гражданской войны на смену эпохе военного коммунизма пришла новая экономическая политика - НЭП. В 1921 году в институт стали возвращаться с фронта бывшие студенты, а в 1922 году уже подросли и первые ряды рабфаковцев. Комячейка была преобразована в первичную партийную организацию под руководством бывшего секретаря Выборгского райкома партии Чечиковского.

В состав комсомольской организации записалось 150 человек. Секретарем парт-организации в 1923 году был избран МГ. Панасевич. Первые годы секретарей избирали из старшекурсников и менялись они практически ежегодно. Однако чистки среди студентов шли с настойчивой регулярностью. Биографии, поведение, высказывания студентов и преподавателей перепроверялись самым обстоятельным образом⁷⁸.

Совещание по делам образования, созванное в Наркомпросе в 1923 году, несколько упорядочило работу лесных учебных заведений. Еще в октябре 1922 года к 6 вузам и 21 техникуму передали в качестве учебной базы лучшие лесные дачи.

Численность студентов в Лесном институте в 1922 году достигнет довоенной - 790 человек, но это уже иные студенты. Из 293 принятых на первый курс учащихся 43 рабфаковца, 134 льготника, командированные с предприятий по партийным характеристикам, и только 48 человек - выпускники средних школ, сдававшие вступительные экзамены.

Преподавательский состав института к 1923 году увеличился до 303 человек. Из года в год в институте возрастало число студентов, факультетов и специализаций: в 1913 институт готовил ученых лесоводов одной широкопрофильной профессии, а в 1924-м число специализаций увеличится до четырех. Для скорейшей ликвидации дефицита в специалистах программа обучения в Лесном институте в первые годы после революции сократилась до трех лет. Из-за недостатка дипломированных инженеров все выпускники отправлялись на производство с дипломами, даже те, кто имел существенные пробелы в знаниях. Не сдавших экзамены выпускников именовали «зауряд-лесоведами». Бывших кондукторов Лисинской низшей лесной школы стали гордо именовать «техниками». Это поднимало их престиж. Чтобы восполнить пробелы институтской подготовки, при вузе организуются научно-исследовательские учреждения, в которые направляли для стажировки лучших выпускников. Одним из главных учебных курсов становится исторический материализм и развитие общественных форм сознания. По новому институтскому положению, *«лесной специалист должен получать не только техническую подготовку, построенную на прочной научной базе в области наук биологических и физиологических, но и быть идейным вдохновителем масс, организатором хозяйства и общественности, получившим солидную экономическую и политическую подготовку и развитие»*.

Профессорско-преподавательский персонал Лесного института помолодел. Из старых профессоров остались единицы: кто-то уехал в эмиграцию, кто-то не пережил революционной разрухи и умер.

Оказался в эмиграции и бывший директор института А.П. Фан дер Флит. Вместо его выбрали бывшего старшего физика Главной геофизической лаборатории, ученика академика М.А. Рыкачева - В. Н. Оболенского (1877-1942), занявшего в 1915 году после смерти Г.А. Любославского кафедру физики и метеорологии Лесного института. Это был хотя и молодой, но талантливый ученый, внесший немалый вклад в развитие российской метеорологии. Его работы по инициированию осадков из тумана и облаков впоследствии стали основой для разработки методов искусственного вызывания дождя для тушения лесных пожаров.

Владимир Николаевич Оболенский был человеком деятельным. За новое дело он взялся энергично. В Лесном институте при его участии и при научном руководстве профессора Г.Г. Доппельмайера создается экскурсионная станция, принявшая на себя просветительскую деятельность среди населения. Почти 800 экскурсантов за 4 месяца побывают в 1920 году в институтском парке, кафедральных музеях института, прослушают лекции лучших институтских профессоров. В числе экскурсоводов будет и Д.Н. Кайгородов. Среди его учеников окажутся революционные матросы, красноармейцы. Терпеливо, доступно помогал им Дмитрий Никифорович *«своим зрением увидеть то, чего сами они увидеть не могли, и услышать в природе то, что не дано услышать простому уху»*.

В том же 1920 году в связи с новой программой в Лесном институте создается научно-исследовательский институт опытного дела и колонизации лесов Севера. В январе 1920 года Д.Н. Кайгородов получает приглашение от В.Н. Оболенского принять участие в работе созданного института. Он принимает приглашение и незамедлительно представляет проект первоочередных работ.

1. Организация северных фенологических наблюдений в целях исследования (в природе Севера) периодических явлений, вообще и в жизни промысловых охотничьих зверей и птиц, а также полезной и вредной для леса и колонизации лесов фауны, в частности.
2. Исследование орнитофауны Севера России в связи с вопросом пользы и вреда, приносимым птицами в хозяйстве местной природы и человека.
3. Исследования путей перелета промысловых охотничьих птиц.
4. Опыт изысканий в сельскохозяйственном направлении для колонизаторских поселений.

Нет, не чурался Дмитрий Никифорович после революции никакой работы! Институт Севера тогда не сложился, но предложения Д.Н. Кайгородова в дальнейшем были использованы в работе лесного отдела Института опытной агрономии.

Директорствовал в Лесном институте В.Н. Оболенский недолго. В 1921 году после смерти М.А. Рыкачева он возвращается в Главную физическую обсерваторию, которой будет руководить до 1923 года. Впоследствии в 1932 году, по его инициативе будет организован Институт экспериментальной метеорологии в Ленинграде. Он станет заведовать кафедрами в Лесотехнической академии и в университете. Вместо В.Н. Оболенского на должность директора избрали Г.Г. Доппельмайера, но ненадолго. В 1923 году встал вопрос о новом директоре. Больше всего сторонников было у одного из самых заслуженных институтских профессоров М.М. Орлова но по рекомендации партийной организации предпочтение было отдано большевику Ф.Н. Донгенфельду. Д.Н. Кайгородов помнил его еще студентом. Донгенфельд, Вольтер, А.И. Шульц и М. Красный были главными заводилами студенческих сходок. Донгенфельда в 1910 году из института исключили и арестовали. Потом он вдруг оказался в числе крупных специалистов по диалектическому материализму и марксистской экономике. Его товарищ – А.И. Шульц будет управлять лесами в Москве, его помощником станет М. Красный. Затем Шульц сменит Донгенфельда на посту директора института. В 1937 году его расстреляют.

Лесной институт, так же как и другие высшие учебные заведения страны, стал готовить уже не «интеллигенцию» в прежнем ее понимании, не тружеников ума, а в первую очередь идейных проводников задач партии, ее опору, призванную смягчать негативные явления в жизни государства и производственные трудности.

Советская власть получила пролетарский командный состав, своих инженеров. Нет ничего удивительного в том, что из этой «прослойки» так часто появлялись соглашатели, наушники, конъюнктурщики и подхалимы.

Непосредственно в аудиториях в эти годы Д.Н. Кайгорова встретить можно было нечасто. Большую часть своего времени он проводит на экскурсиях и обработке огромного фенологического материала, скопившегося в его научных архивах.

Нечаянная грустная радость

*Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат*

И. Бунин

Время, отведенное на работу, на работу и уходит. Где-то гремели бои, вспыхивали и подавлялись мятежи, а крестьяне по-прежнему пахали, металлурги засыпали в плавильные печи уголь и руду, чиновники в наркоматах писали руководящие письма и циркуляры. Ученые же продолжали думать о своих, как им казалось, наиважнейших нерешенных проблемах. В августе 1920 года Сельскохозяйственный ученый комитет вспомнил о кайгородовской фенологической сети. Заслушал на заседании совета ее руководителя профессора Д.Н. Кайгородова и удивился: сеть-то не распалась, более того, сохранила большую часть своих корреспондентов. У профессора Д.Н. Кайгородова почти закончена карта перелета птиц европейской части страны. Это ли не подтверждение того, что жива российская наука и при большевиках! Белым пятном светилась лишь отколовшаяся от России Прибалтика. Сельскохозяйственный ученый комитет решил восполнить этот пробел и командировать Дмитрия Никифоровича в Эстонию. Там наблюдательная сеть погуще, научные силы, благодаря Тартускому университету, поавторитетнее и командировка обойдется дешевле, поскольку в Ревеле живут сын и дочь Кайгородова.

13 августа 1920 года Сельскохозяйственный ученый комитет выписал Д.Н. Кайгородову мандат на заграничную поездку и отправил его дооформляться в Наркомзем. Там предложение рассмотрели, отклонили и подшили в дело.

Дмитрий Никифорович, впрочем, на другое и не рассчитывал. Время было не то. К вопросу о его командировке вернулись в сентябре 1922 года. Коллегия Наркомзема решила, что поездка Д.Н. Кайгородова для научных исследований своевременна и полезна⁸⁰.

Через месяц письмо и мандат за подписью В. Ковалевского и И. Пятницкого дошли до комитета. В них удостоверялось, что *«предъявитель сего Почетный член Государственного института опытной агрономии, заведующий зоофенологической сетью Лесного отдела проф. Д.Н. Кайгородов согласно Постановлению коллегии*

Наркомзема (протокол от 15 сентября 1922 г. № 196) командирруется Наркомземом на 6 месяцев в Эстонию для научных исследований движения и расселения птиц в Европейской России по линии их возвращения из Южной Европы и Африки вдоль эстонского побережья Финского залива и для установления связи с птиценаблюдательными станциями морского побережья Эстонии.

Вследствие вышеизложенного проф. Д.Н. Кайгородов, едуци с женою Валентиной Романовной Кайгородовой, нуждается во внеочередном получении железнодорожных билетов, как при выезде из Петрограда, так и при обратном следовании к месту службы в Петрограде, что и удостоверяется Государственным институтом опытной агрономии за надлежащими подписями, с приложением печати».

На разъезды и заграничное проживание Д.Н. Кайгородову выделили 500 золотых рублей. Деньги для разоренного войнами и революцией государства значительные. Но и польза предполагалась реальная: во время командировки по Прибалтике Д.Н. Кайгородов восстановит прерванные фенологические исследования по перелету птиц и наладит научные контакты с Эстонией - страной, связанной научными контактами с Западной Европой.

Документы подоспели к золотой свадьбе Дмитрия Никифоровича и Валентины Романовны. Благодаря мандату билет Дмитрию Никифоровичу выдали сразу, собрались же к отъезду они с Валентиной Романовной и того быстрее. На вокзал супругов провожал ученик Дмитрия Никифоровича - Георгии Георгиевич Доппельмайер.

- *Коли возвращусь, то какой сувенир Вам, коллега, из Ревеля привезти?* - полюбопытствовал Дмитрий Никифорович на прощание.

- *Коли уж непременно возвратитесь, - смеясь отвечивал тот, - то бутылочку тамошнего ликеру. Очень, говорят, от простуды помогает.*

До Ревеля ехали на «паровичке» не три часа, как предполагал Дмитрий Никифорович, а восемь и в двух поездах: на нашем ширококолейном до границы, далее на эстонской узкоколейке до Ревеля.

Как ни противился Дмитрий Никифорович, багаж у Валентины Романовны занял шесть мест. И вроде бы ничего лишнего - гостинцы внуку, внучкам, детям, да и для себя из гардероба самое необходимое, чтобы не ударить лицом в грязь в «новой загранице». Ехали на полгода, а может быть... Зато и намучились при таможенном досмотре под Ямбургом. Сначала профессорские свертки рассматривали трое красноармейцев в длиннополых шинелях и смешных фуражках под старинный русский шлем.

Ничего подозрительного не обнаружили. Затем пришли еще двое, в кожаных тужурках. Полистали книги, взятые Дмитрием Никифоровичем в подарок эстонским коллегам.

Убедившись в дозволенности поклажи, таможенники взяли под козырек и ушли. Пришли эстонцы в коротких теплых полупальто. Те вообще ничего не смотрели, полистали паспорта и махнули рукой в сторону стоявших неподалеку крохотных, почти игрушечных вагончиков узкоколейки.

- Тере, милости просим, пожалуйста в Эстонию.

В вагончике оказалось на удивление удобно и тепло. Ехали не спеша. Останавливались на каждой версте на таких же маленьких, игрушечных аккуратных станциях, а то и у помостов с молочными флягами.

После почерневших скособоченных российских изб эстонские крашенные постройки казались почти праздничными.

На вокзале Кайгородовых встречала толпа: родственники, знакомые, какие-то чиновники из муниципалитета и профессор Иогансон, уполномоченный от Тартуского университета для постоянной работы с Дмитрием Никифоровичем во время его командировки.

Ревель был по обыкновению безукоризненно чист и тих. Проезжая по извилистым горбатым узким его улочкам, Дмитрий Никифорович ощущал чувства нереальности происходящего. Казалось, будто попали они в какое-то книжное сказочное королевство. Тесно прижатые друг к другу дома с мансардами и остроконечными крышами, вывески с витиеватыми готическими надписями на золоченых досках, кофейни со сладко пахнущими свежеспеченными булочками, - все это казалось бутафорским, театральным, а оттого еще более сказочным.

Квартира Тамары - на окраине города, если вообще можно применить слово «окраина» к городу в квадратную версту. Квартира небольшая, в три окна, смотрящих на узкую, мощенную булыжником улицу.

Как-то сразу вспомнился просторный родной дом у Золотого пруда в Лесном, с его обширной гостиной, в которой разместилась бы вся Тамарина квартира, свой кабинет с добротным кожаным диваном и стеллажами книг в кожаных переплетах, светлая, оклеенная веселыми французскими обоями комната Валентины Романовны.

Войдя уже в который раз в крохотную спальню с маленьким окошком во двор, Валентина Романовна вздохнула.

- Зато здесь всегда тихо и не слышно этого ужасного шума от проезжающих мимо окон возниц, - виновато заметила Тамара.

В семье у дочери оказалось не все так хорошо, как она писала. Петр Петрович, не найдя в маленьком Ревеле подходящей работы, уехал искать счастья во Франции. Заверял, что впоследствии, как устроится, выпишет туда и семью. Да, видно, и во Франции не очень ждали приезжих. Неутешительные письма от Петра Петровича сначала приходили часто, потом реже, и вот уже полгода от него вообще нет никаких известий. От знакомых, обосновавшихся в Париже, Тамара Дмитриевна узнавала, что Петр Петрович жив, здоров, но, кажется, уже не один. Только разве можно было его в том упрекнуть? Красивый мужчина средних лет! Дети его выросли: Кира выходит замуж, Татьяна на выданье, Петр уже большой мальчик. А Тамара? Мало ли женщин остается одинокими после сорока!

Валентина Романовна незаметно бросила внимательный взгляд на дочь. Тамаре уже за сорок. Выглядит на пятьдесят. Женщины с тяжелой судьбой старятся скорее мужчин. Лицо у Тамары серое, складки губ опустились, глаза тусклые, руки красные, неухоженные, по уголкам губ прорезались скорбные морщинки, на ногах под толстыми трикотажными чулками жгутами обозначились вены.

- *Старость и у Тамары не за горами. Француженкам она уже не соперница*, - с тоскою подумала Валентина Романовна, но весело улыбнувшись, обняла дочь. Чмокнула в щечку и сказала:

- *Ты у меня, Томочка, все такая же красавица.*

Следующий день был особенно праздничным. Зная о предстоящем приезде родителей, Тамара и Анатолий пригласили гостей, знакомых еще по Петербургу, на золотую родительскую свадьбу.

Крохотная тамарина квартира едва вместила приглашенных. Гости шумно приветствовали юбиляров, расспрашивали о петербургской жизни, о том, когда же окончательно развалится эта проклятая новая советская власть и они вернутся в Петербург? Правда ли, что в городе в революцию ели людей? Где собираются окончательно поселиться Кайгородовы? Когда кончится виза? Советовали из Эстонии не уезжать - определиться поближе к детям в Ревеле. Жизнь в Прибалтике дешевле, чем в Европе.

- *Мы еще не решили, мы еще подумаем*, - опережая мужа, сказала Валентина Романовна.

По приезде, еще на вокзале Дмитрий Никифорович условился с Иогансоном, что недельку побудет с семьей, «попразднует» встречу, а затем они примутся за птичьи дела.

Только недели на «праздники» Дмитрию Никифоровичу не понадобилось. Тамара уже на следующее утро после золотой их свадьбы пошла давать оговоренные контрактом уроки у состоятельных эстонцев.

Жили они в разных концах города, так что домой Тамара возвратилась измученная уже к вечеру. Молодежь днем в школах, потом у нее свои дела, Гости одни в пустой квартире.

К обеду следующего дня Дмитрий Никифорович с Валентиной Романовной условились прийти на обед к Анатолию. Вроде бы и жил он недалеко, в Верхнем городе, но прежде чем к нему добраться, понадобилось трижды спускаться и подниматься по крутым ревельским улочкам. Валентина Романовна дважды останавливалась, и к Анатолию добрались они уже совсем измученные.

На другой день Дмитрий Никифорович позвонил Иогансону и начал просматривать дневники регистрации птичьих перелетов. Домой старался возвращаться к тамариному приходу. Валентина Романовна вязала длинные чулки с шарфами, погружаясь во все более и более безрадостные мысли. Ей, хозяйке, прожившей в вечных хлопотах по дому, в гостях было явно не по себе.

За три месяца Дмитрий Никифорович собрал все необходимые сведения по перелету птиц. Заключительную беседу о командировке наметили в Тарту, в университете. Заседание эстонцы оформили торжественно. Как на европейских саймитах! Перед каждым из присутствующих табличка со званием, должностью, фамилией владельца. В вазонах букеты. Прозвучал гонг и председательствующий открыл заседание. Говорил торжественно, по-эстонски, переводил его Иогансон. Говорил о том, что маленькая дружественная Эстония имеет добрые деловые связи со многими иностранными государствами, включая Россию. Многие выпускники университета прославили родной город и те страны, где они трудились, в том числе и Россию. Эстония и впредь будет помогать своему соседу, России.

После председателя с приветствиями выступали еще несколько человек и опять по-эстонски. Вместе с тем, Дмитрий Никифорович знал, что большинство из присутствующих прекрасно владеет русским, видел среди них и своих бывших учеников по Лесному институту, а по тому, с какой охотой и быстротой они листают привезенные им русские книги и журналы, не сомневался, что русский язык они не забыли.

В конце заседания слово предоставили Дмитрию Никифоровичу. Он поблагодарил присутствующих за гостеприимство, а Иогансона - за большую помощь во время их ознакомительных поездок. Сказал, что знания не имеют границ и в такой же мере будет рад, если научные труды русских ученых окажутся достоянием эстонских.

Завершилась встреча в университетском кафе, где на немецкий манер был устроен стол с пивом. Бросив на него взгляд, Дмитрий Никифорович без труда высчитал, что на присутствующего приходится бутылка пива и бутерброд.

Остальное, по тамошнему обычаю, заказывают за свой счет сами присутствующие. Заказывали приглашенные немного еще по бутылке пива и полпорции рыбы. Сидящий напротив Дмитрия Никифоровича Иогансон заказал рюмку водки и порцию немецких колбасок. Лица присутствующих оживились, послышались какие-то реплики. Дмитрий Никифорович посмотрел недоуменно, как бы вопрошая, о чем речь? Сидевший неподалеку эстонец, успевший опорожнить уже третью бутылку пива, смеясь, сказал на плохом русском языке:

- Это они смеются, что Иогансон, поездив с рашен гостем, научился очень пить водка, корошо кушать и наверное теперь мало и плохо будет работать.

- Успокойте их, коллега, русский гость вообще не пьет. У него неважные почки.

- Да это они так. Шутят, - как бы оправдываясь, смущенно поспешил прекратить некорректный разговор Иогансон.

- Хорошо они здесь о нас, россиянах, думают, - с грустью подумал Дмитрий Никифорович.

Впрочем, неприязнь к русским в Эстонии он чувствовал и прежде. Лавочники, угадав в покупателе русского, намеренно подходили к другому клиенту либо вообще уходили. Проходящие мимо русских молодцы намеренно громко говорили гадости о приезжих.

Прощаясь с Иогансоном, Дмитрий Никифорович доверительно поинтересовался, не найдется ли поблизости от Ревеля работы для пожилого, но еще полного сил профессора. Тот обещал переговорить с университетским руководством и ревельскими знакомыми.

Собственно, на встрече в университете и закончилась деловая часть поездки Дмитрия Никифоровича. До отъезда было еще два месяца. Надо было только дождаться прилета первых птичьих стай, чтобы самому убедиться в их численности.

Заняться было нечем. Эстонцам до него нет дела. У петербургских знакомых свои дела. Для бесцельных визитов восьмой десяток - не тот возраст. Так что прогулявшись до взморья, сидели они с Валентиной Романовной дома и ждали прихода дочери и внуков. Сходил несколько раз к Анатолию в открытую им художественную школу. Дела у сына шли хорошо. Дмитрий Никифорович и сам попробовал было взять кусок глины и сделать из нее вазон. Анатолий посмотрел и с явным раздражением заметил:

- Неважно. Да и не профессорское это дело. Займись тем, что умеешь. Не показывай плохого примера молодежи.

Наступила весна. На улице сыро. Самое время для простуды. Проходя мимо небольшого магазинчика, Дмитрий Никифорович увидел тот самый знаменитый ревельский ликер, о котором поминал Доппельмайер.

- *Надо купить, непременно надо купить, а то забуду.*

Увидев ликер в руках мужа, Валентина Романовна улыбнулась:

- *Ты как всегда правильно решил. Надо собираться домой. Погостили, надо и честь знать.* - И, помолчав, добавила:

- *Тамаре в Петрограде тоже было бы не хуже. Только придется ей подождать, пока скажут свое слово Татьяна и Петр.*

За неделю до окончания визы пришел Анатолий.

- *Отец, звонил Иогансон. Тебе нашлось местечко смотрителя на наблюдательной станции в 20 километрах от Ревеля. При станции небольшой домик, где мама сможет выращивать свои любимые цветы. Мы надеемся, что ты примешь это предложение и не вернешься в Петроград?*

- *Спасибо, сынок. Должен тебя огорчить. Мы с мамой возвращаемся домой. Нас там ждут, мы там нужны. Не можем же мы бросить дом у Золотого пруда и тех, кто помогал нам в эти ужасные годы революции. Все наладится. Россия была и останется великой страной. Накануне последних лет осядет и заживут люди в России не хуже, чем в Эстонии. Нормальная жизнь в Петрограде уже начинается. Приступили к новой экономической политике. С 1922 года начата денежная реформа: бумажные деньги заменили твердой валютой - червонцем. Мы, кстати, за ними к вам и приехали.. Хотя «много рашен очень пьют водка и мала работают», - закончил Дмитрий Никифорович, смеясь, с эстонским акцентом.*

- *Вспомните, сколько вам лет! У вас здесь дети! Оставайтесь в Ревеле!* - уговаривали Кайгородовых петербургские знакомые.

- *В гостях хорошо, а дома лучше,* - отвечал Дмитрий Никифорович. - *Помаленьку все наладится. Думаю, что не мне надобно думать о том, чтобы остаться в Ревеле, а кой-кому из вас о возвращении на родину.*

Перед отъездом Дмитрий Никифорович загрустил:

- *Ну вот, хорошо, что свиделись. Удастся ли еще! Не знаю. Ко мне все чаще приходит мысль о том, что хорошо бы поскорее соединиться с Христом.*

До встречи с Ним Дмитрию Никифоровичу оставалось меньше года.

В конце пути

Время - честный человек. Оно и покажет, кто тебе друг, а кто враг.

Бомарше

Домой из Ревеля Кайгородовы вернулись весной. Первыми их приветствовала своим гортанным «куа» квакуша на берегу Золотого пруда. У Дмитрия Никифоровича на глаза навернулась слеза. Наконец-то дома!

Многим не верилось, что Кайгородовы возвратятся в Россию. Целый день не умолкал телефон желающих удостовериться, что они вернулись. Поздравлениям не было конца. Вечером сосед, присматривавший в отсутствие хозяев за домом, принес мешок писем, скопившихся за это время.

- Вот, Линочка, нам работа на ближайший месяц, а то мы с тобою совсем в гостях разленились.

На утро позвонили из бюро по живой природе и поинтересовались о времени очередных экскурсий Дмитрия Никифоровича и просили согласовать график на ближайший месяц.

— Начало экскурсий? Завтра и начнем! Время? Как всегда, в 10 утра и по прежнему адресу Лесной, Институтский 21, дом у Золотого пруда.

Жизнь пошла своим чередом, экскурсии, лекции, заседания, работа над книгой. Однако в августе Дмитрий Никифорович занемог. За завтраком Валентина Романовна, укоризненно посмотрев на мужа, сказала:

- Надо вызвать доктора. Не нравится мне твое лицо. Посмотри в зеркало - у тебя отеки.

- Пройдет, - беспечно сказал Дмитрий Никифорович

- Вспомни, сколько тебе лет, - не сдавалась Валентина Романовна.

Через пару дней действительно все прошло, но не надолго. Опять отеки, но уже и на ногах, да такие, что не одеть ботинки. Дошел до институтского доктора. Тот прописал лекарств и велел из дому не выходить, держаться поближе к теплу и беречь поясницу. Через неделю почувствовал себя лучше. Опять экскурсии, опять поездки в город.

Кончилось лето. Прошла золотая сентябрьская пора, которую так любят петербуржцы.

«В багрец и золото одетые леса» торопливо сбрасывали пожухлые листья. Заспешили к дальнему перелету птицы. Грачи вместе с галками покружились над Золотым прудом и заспешили к югу. Еще раньше улетели стрижи, ласточки и иволги. Покинули лес кукушки. Улетали поодиночке сначала кукушки старые, следом за ними молодые. Прощались с родными местами скворцы, собравшись на дереве у дома. Сидели степенно и будто размышляя, а надо ли вообще прилетать в этот неприветливый край весной? Тихо, незаметно улетели мухоловки, камышовки, славки, пеночки-веснички, белые трясогузки. Дмитрий Никифорович знал, что сначала в путь отправятся птицы насекомоядные, затем зерноядные, а потом уже и водоплавающие. Тем не менее, аккуратно, как и в прежние годы, все отмечал в своих небольших книжках.

Осень в Питере недолгая в тот год она длилась до середины октября, а затем сразу перешла в зиму. Выпал первый снег, на лужах заблестели льдинки. В ноябре уже и Золотой пруд замерз. На смену улетевшим птицам с первыми холодами прилетели из более северных мест красногрудые снегири, чечетки, пестрые щеглы. Расселись в овражке за домом на сухих пожухлых кустиках репейника и начали о чем-то удивленно посвистывать.

*Валентина Романовна Кайгородова за работой в гостиной своего дома.
Картина кисти Д. Н. Кайгородова*

Зима выдалась холодная. А может, она такой показалась Дмитрию Никифоровичу и Валентине Романовне после ревельской теплой тамариной квартиры. В большом их доме у Золотого пруда просторно, но тепло держать в ней непросто. Довоенные запасы дров кончились еще в 1920 году. В 1921-м случае удалось выменять воз дров у парголовских мужиков на почти новый костюм сына и меховую куцевейку Валентины Романовны. Дрова эти удалось растянуть на два года, переселившись в небольшую кухаркину комнату при кухне

По ордеру нынешним летом дали дров четверть сажени. Это десятая часть того, что требуется. Как ни старался Дмитрий Никифорович пополнить свои топливные запасы, все равно получилось мало. Разломали стеллажи в кладовке. Успел Дмитрий Никифорович расколотить и несколько ящиков с бочкой, в которой в добрые времена запасливая Валентина Романовна хранила свои соленья, варенья, сушения, душистый мед и янтарное, пахнувшее свежим молоком масло. Поленица чуть приросла, но ненамного. Бочонки поменьше Валентина Романовна ломать категорически запретила, поскольку все еще верила, что придут хорошие времена и припасы класть будет некуда.

- Береги, береги свои закрома, - шутил Дмитрий Никифорович. - Только не больно усердствуй, едоков у тебя, кроме меня, никого не осталось. Тараканы и те разбежались. Последний, прихрамывая, поутру шел к Егорову. Он теперь заседает в каком-то совете представителем от трудящихся гужевого транспорта.

- Хорошие времена для нас с тобою кончаются, - подумал Дмитрий Никифорович, но ничего не сказал, - *Проживем.*

Между тем, основания для огорчений и опасений у Дмитрия Никифоровича были. Со слов приезжающих из провинции лесничих, а еще больше из писем своих корреспондентов-фенологов Дмитрий Никифорович узнавал, что добра, несмотря на обнадеживший многих НЭП, ждать не приходится. Надежды на то, что все образуется и станет если не лучше, то хотя бы так, как было перед войною, таяли изо дня в день. Небольшие послабления, которые получили после октябрьской революции представители бывшего среднего класса, с окончанием гражданской войны новое правительство начало урезать по мере усиления своей власти. «Затаившихся классовых врагов», к которым советская власть относилась в первую очередь малоземельных помещиков, успевших прижиться в деревне на крестьянском положении, начали усиленно «чистить». Особенно после 1923 года. Среди представителей местной власти встречались, конечно, и люди совестливые. Они не могли не видеть той пользы, которую принесли грамотные приезжие из бывших мелкопоместных помещиков.

Само воспитание, гордыня не позволяло им лениться и быть хуже всех. Слышал Дмитрий Никифорович, что заступились-таки местные мужики за прежнего своего барина, писателя М.М. Пришвина, спасавшегося из голодного Петрограда в родном своем Хрущеве под Ельцом. Волостной совет стал «горой» и не позволил забрать бывшего своего помещика в ЧК, заявив уездному начальству: *«Что проживание его (М.М. Пришвина) в нашем селе является желательным, ввиду того что Михаил Михайлович Пришвин - известный писатель, деятель, работающий в деле народного образования, может быть нам очень полезен для просвещения народа».*

Мало ли было среди бывших помещиков-земледельцев людей полезных «для просвещения народа». Понимали многие из них в агрономии и ремеслах, а кое-кто вполне мог учительствовать или бухгалтерствовать в новых советах и коммунах. Были среди приезжих и малосильные старые люди, трудившиеся в меру сил на огороде и пасшие скотину у прежних своих арендаторов.

Среди вынужденных переселенцев у Дмитрия Никифоровича неожиданно появилось немало помощников по фенологическим наблюдениям. От нечего делать, видно, и врожденной тяги к творчеству они зорче других вглядывались в природу и слали Д.Н. Кайгородову свои подробные заметки, а иногда с приписками на житейские темы.

Больше пользы, чем вреда, было от всех этих «бывших», волею судьбы оказавшихся в деревнях. Могло бы быть еще больше, если бы отнеслись к ним по-христиански. Петроградский обком сообщал, например, что из 258 бывших владельцев усадеб, ставших совхозами, многие умерли, расстреляны, скрылись неизвестно куда или уехали за границу живут только в 42-х поместьях. Они объединились с родственниками в трудовые артели и могут представлять даже «показательный характер». Многие же из бывших владельцев - придавленные жизнью инвалиды, доживающие свой век. Хотя и из них кое-кто приспособился к трудовой жизни. И только 2-3 (из 258!) бывших владельца играют отрицательную роль. Так что нет вопроса! Чистку во многих губерниях можно было бы и закончить, предоставив возможность «бывшим представителям правящего строя» спокойно и естественно уйти в мир иной.

Однако Москву подобная «классовая слепота» не устраивала. На места шли указания о полной ликвидации кулачества и тем более - бывших помещиков. Наиболее упорных изводили хозяйственными и политическими придирками, запускали к ним в хозяйства «красного петуха», донимали пасквильными письмами, откровенно клеветали на них.

Так, из Пскова докладывали Наркомзему, что «*брат бывшего товарища министра внутренних дел В.В. Ковалевского и брат бывшего премьер-министра Штурмера, княгиня Гагарина, жена контр-адмирала Петрова, бывшие помещики Потапов и Калитин грубы с крестьянами, а бывший полковник Нащекин пьет. Помещик же Даден принят на службу лесничим*». Противников того, что «*бывшие помещики проникают на сельскохозяйственные предприятия, как-то в совхозы, на опытные поля, на конезаводы и пролезают в государственный аппарат УЗУ, Губзу, НКЗема*», было особенно много. Зависть брала тех, кто сам хотел ухватить при новой власти должность, а вот в грамоте силен не был. Крайне негативно относились к приему «бывших» в систему народного образования. Из Новгородской губернии с возмущением писали, что «*помещица Чукина пошла в учительницы, помещик Иванов тоже, помещик Лунд оказался школьным работником в Крестовской школе*».

«Бывшие» были не нужны, более того, неприятны своей грамотностью, интеллигентностью, даже непривычным внешним видом, умением держаться на людях достойно. На фоне «бывших» приехавшие в родные деревни «фабричные» уже не казались такими модными бывальными «фертами», а местные «авторитеты» - умными и почитаемыми простонародьем людьми. Сельские и волостные начальники не знали, как при «бывших» говорить, и смотрелись уж совсем непрезентабельно. Все незнакомое настораживает и пугает. «Бывшие» были из этой категории явлений. Завистливо страдала крестьянская душа и по поводу еще не «экспроприированного» - не разграбленного имущества вдруг «приехавших барин».

Нет на Руси болезни страшнее зависти! Сколько она бунтов, революций произвела, сколько мерзостей после себя оставила и оставляет!

Наркомзем, как бы оправдываясь перед РКП (б) и «революционным народом» за доставленные неудобства, писал: «*Мы совершили большую ошибку, издав циркуляр НКЗ от 16 сентября 1918 года, в котором позволили «бывшим» приехать в деревню и заняться крестьянством*». В 1924 году выходит секретный циркуляр ЦКК РКП (б) от 4 марта за подписью секретаря Н. Янсона, в котором предлагается немедленно приступить «к устранению имеющих место злоупотреблений с охранными грамотами и устранению прежних владельцев от фактического пользования и управления своими бывшими именьями»⁸¹.

Участь «трудовых усадеб» бывших малоземельных помещиков и их коммун была решена их ликвидировали в пользу «трудового крестьянства», а проще говоря, растащили, разграбили, сожгли. И не пришлые, не приезжие, а соседи, те самые, что еще вчера приходили одолжиться щепоткою соли, посетовать на трудности в жизни или поделиться малой семейной радостью.

Особенно до тех, кто горластее, посмелее, как теперь говорят, «социально поактивнее». Они тогда оказались в числе первых «борцов за всенародную собственность», затем в бригадирах, председателях, комиссарах, разного рода заседателях и начальниках. Начальники повыше начнут сживать друг друга в междоусобных своих расправах, доносить друг на друга, сами себя сажать по концлагерям, расстреливать, а пройдут годы и их сытые дети и внуки, обделенные властью, начнут клясть *«проклятое время произвола и беззакония»*.

Печальные мысли омрачали голодную и холодную старость Дмитрия Никифоровича и Валентины Романовны. Голод и холод в это время были уже не самой большой бедой. От них можно было спрятаться у чугунки-буржуйки, прислоненной к дверце кухонной плиты. Полешко дров и старый, не очень нужный журнал раскаляли ее докрасна и на полчаса кухня становилась по-довоенному уютной и теплой. Да и распаренный в мятном кипятке солдатский сухарь из «золотого пайка» Дмитрия Никифоровича смирял неприхотливый стариковский аппетит. Голодными не жили.

Страшнее была тоска одиночества и предчувствие пока еще не осознанной до конца беды, которая их ждет. Забравшись под тяжелые, собранные со всего дома одеяла старики вздыхали о тех, кого уже не было или были далеко от дома. Спокойнее было за оказавшегося в Ревеле Анатолия. В Ревеле он обжился, свое дело завел, дети хорошие растут. Тамару же жалко. Трудно ей приходится. В Питере даже при нынешних порядках было бы проще.

О детях вспоминать Дмитрий Никифорович ходил в церковь, зачастую оставаясь там на всю ночь. Молился сначала за всех своих и чужих.

*Господи, благослови молитву мою,
прими молитву мою за тех, кто не знает Тебя,
и избавь их от неверия.*

Затем подходил к иконе распятого Христа и ставил пять свечей: за упокой души рабов Божиих Евгения, Михаила, Иоанна, Игоря и Константина.

Молился самозабвенно, опустившись на колени и подолгу припадая лицом и грудью к холодным церковным плитам. После долгой молитвы на душе становилось легче.

Возвращаясь из церкви домой, опять вспоминал детей и внуков. Особенно часто покойного Евгения.

Евгений был первенец, постарше Анатолия на пять лет, но росли они вместе. До 3-5-ти лет Толю нянчила выписанная из Псковской губернии Катя Иванова.

*Д.Н. Кайгородов с
сыном
Евгением
(конец 70-х XIX века)*

Потом она уехала в деревню, и Толя остался под приглядом Валентины Романовны и постоянным покровительством Евгения. Тот души в брате не чаял, ходил за ним по пятам. Толя рос мальчиком здоровым, крупным. Недоношенные рубашки, костюмчики, сапожки Евгения годились ему уже через 2-3 года. Впрочем, доставалось Анатолию от братова гардероба немного. Одежда на том и другом «горела». Успевай покупать. Играли, несмотря на разницу в возрасте, вместе. Толя хоть и меньшей, а свое не упустит: докричит, доплачет, доспорит. Пригодилась его настойчивость теперь в жизни.

Потом начались музыкальные увлечения братьев. Пришлось пригласить учительницу - Ольгу Ивановну Гартунг, даму требовательную и строгую. Пока Женю не определили в кадетский корпус, с уроков она уходила явно перетрудившаяся, но довольная усердием старательных своих учеников.

Без Евгения Толя скучал. Из корпуса того отпускали по воскресеньям и Толя загодя уже дежурил на Кушелевке - станции Финляндской железной дороги неподалеку от дома в ожидании брата.

Умер Евгений неожиданно в 1889 году, когда ему еще и шестнадцати лет не было. Дмитрий Никифорович с каким-то тупым отчаянием вспоминал день похорон. В гробу сын лежал в парадном своем кадетском мундире. Он и при жизни был высок, а после смерти в гробу вытянулся и казался совсем взрослым.

- *Неправда! Неправда! Не может этого быть! Это какой-то страшный сон* – думал тогда Дмитрий Никифорович - *Сейчас вот Женя встанет, конфузливо, как всегда при неуместной шутке, улыбнется и заспешит в корпус.*

Смерть брата так потрясла Анатолия, что родители испугались и за меньшего сына.

Время лечит горе, хотя и не совсем. Молитва и вера помогают.

После смерти Евгения Анатолий сразу повзрослел. Увлекся рисованием и с 1891 года стал брать уроки живописи. Посмотрев его акварели, выпускница Академии художеств А.А. Жарова предложила сама заняться с Анатолием. Толя подавал явные успехи, однако учиться все же пошел на юридический факультет в Петербургский университет. Но и рисование не бросал. Окончив университет в 1902 году, поступил в Художественное училище барона Штиглица, а затем поехал в Мюнхен, учиться у венгерского мастера Холоши. Участвовал в выставках. Только прокормиться кистью может далеко не каждый художник. Начало века для русских художников было золотое, но, увы, не самое сытное. Конкуренция расчищала путь самым даровитым, самым удачливым. Анатолий оказался тогда не в их числе.

Печальные мысли своего горя у Дмитрия Никифоровича переносились и на чужое. Впрочем, какое же оно чужое. Это горе тоже его. Дмитрию Никифоровичу вспоминался первый его императорский ученик - великий князь Михаил Александрович. О нем Дмитрий Никифорович вспоминал всегда, когда думал о Евгении. Может от того, что были они почти сверстниками и очень уж похожи в мальчишеской своей долговязости, угловатости и любопытстве.

Михаил Александрович вспоминался Дмитрию Никифоровичу таким, каким он видел его в последний раз высоким (184 см), с тонким, продолговатым, почти юношеским лицом. Казался князь моложе своих лет и в отличие от отца своего - Его Величества Александра Александровича - олицетворением какой-то изысканной интеллигентности и аристократической хрупкости. Вместе с тем, хрупкость эта была внешней. Она не мешала Михаилу Александровичу быть замечательным атлетом и, как отец, гнуть пальцами монеты или бесстрашно скакать на норовистой лошади. В общении Михаил Александрович был приветлив, всегда с неизменной улыбкой на устах и готовый веселой шуткой погасить неловкость в осложнившимся разговоре.

По семейной традиции, с окончанием домашней учебы Михаила Александровича определили в военное училище. В 1894 году он закончил Михайловское артиллерийское, где когда-то учился и Д.Н. Кайгородов.

В гвардейскую конную батарею Михаила Александровича выпустили чине поручика. По правилам императорской семьи, ему сразу же определили обязанности шефа 129 бессарабского полка и придали всякие иные представительские «шефства». Дмитрий Никифорович с Эдуардом Эдуардовичем Керном умудрились великого князя записать и в шефы Лесного общества, что принесло последнему денежное вспомоществование из личных доходов Михаила Александровича по 1,5 тысячи рублей ежегодно на издание книг по лесному хозяйству. Дмитрий Никифорович и сейчас помнит уведомление Императорской канцелярии по этому поводу *«Его Императорскому Высочеству Михаилу Александровичу, августейшему покровителю Лесного общества в Санкт-Петербурге было угодно приказать отпустить ежегодно из собственных средств по одной тысяче пятисот рублей на издание при «Лесном журнале» общества трудов русских ученых по научным исследованиям русского леса»*.

Высокое общественное положение никак не отражалось на характере Михаила Александровича. Жил он скромно, большей частью в Гатчине. С приближенными всегда любезен, с подчиненными деликатен.

Увлечением его стали появившиеся аэропланы.

Популярность великого князя в стране была столь велика, что даже Распутин ее боялся. Впрочем, все это мало заботило Михаила Александровича, и на дворцовые интриги он не обращал внимания.

Великим князьям по службе, если они ею не манкировали и проявляли хоть какую-то к ней способность, обычно сопутствовал успех. По указу о правах и обязанностях лиц, принадлежащих к императорской фамилии, подписанному еще Павлом I в апреле 1797 года, сам титул великого князя уже воспринимался как высочайшая должность, Владелец этого титула обязан был беспрекословно и достойно служить императору и отечеству Михаил Александрович закон этот исполнял добросовестно, служил честно, но при том напрочь лишен был какого-либо высокомерия или властолюбия.

О простоте и доступности князя можно судить по случаю, который рассказывал первый русский авиатор Иван Михайлович Заикин. После одного из его демонстрационных полетов Михаил Александрович пригласил летчика на завтрак. Подали мясо. Неискушенный в придворном этикете Заикин не знал, как приступить к блюду. Наконец, махнув рукой на условности, взял кусок мяса за косточку и под ехидные улыбки прислуги принялся есть его руками. Великий князь, строго глянув в сторону приближенных, как ни в чем не бывало с приветливой улыбкой последовал примеру гостя.

Михаил Александрович был третьим сыном покойного императора Александра III. После смерти второго сына - Георгия Александровича и до рождения племянника Алексея с 1899 года Михаил Александрович находился в старшинстве императорского дома после императора Николая II. В случае его смерти корона переходила к Михаилу Александровичу. Он являлся в те годы «наследником престола». Титул этот в 1904 году перешел к родившемуся племяннику – Алексею. У Михаила Александровича появился новый титул - «правитель государства». Однако на императорские перспективы Михаил Александрович смотрел равнодушно.

Казалось, больше его заботила авиация. Да так, наверное, и было на самом деле. Михаил Александрович постоянно находился среди авиаторов. Они просили князя возглавить первое в стране их общество. Своего любимца, не очень грамотного, но зато прекрасно управлявшего самолетом и подготовившего немало классных учеников, летчика И.М. Заикина Михаил Александрович произвел в офицеры, причем, как обычно, с шуткой *«По твоей комплекции и по умению летать быть бы тебе полковником, да нет на складе подходящего мундира. Начнем с капитана»*.

Вокруг Михаила Александровича всегда толпились почитатели и друзья. Различий в происхождении, чинах или состоятельности он не делал. Для великого князя все равны - был бы человек интересный и порядочный. Он и в личной жизни был такой же. Влюбился в женщину совсем не царских кровей. Избранницей Михаила Александровича оказалась дочь С.Н. Шереметьевского, адвоката, кстати, уже не первым браком бывшая замужем. Второй ее муж, капитан Вульферт, служил в лейб-гвардии кирасирском полку. Ничуть не сомневаясь в получении категорического отказа на свой брак от старшего брата императора Николая II, великий князь обвенчался с Натальей Сергеевной Шереметьевской без всякого на то разрешения в 1912 году в сербской церкви. На медовые месяцы остался в Вене.

Брак оказался даже не морганатическим, а скандальным. Супруга великого князя о спокойствии семьи мало заботилась. С газетных полос не сходили статьи о шумных скандалах в княжеском доме. Михаил Александрович был стороной скорее потерпевшей, но «положение обяывает» - скандалы бросали тень на весь императорский дом. Старшему брату было от чего приходиться в негодование. Он лишил Михаила Александровича титула «правителя государства» и запретил въезд в Россию. Узнав о «страшных» указах брата, Михаил Александрович горестно вздохнул и поехал с женою в оперу.

Дмитрий Никифорович улыбнулся.

- Такой вот был этот великий князь мой первый и любимый ученик, император на 10 часов, как злорадствовали по его поводу во Временном правительстве в феврале 1917 года.

Для Дмитрия Никифоровича несостоявшийся, может быть не к добру для России, император Михаил II останется всегда любопытным долговязым мальчонкой, непоседой, взлетающим в мгновение ока на деревья в парке, а потом виновато просящим извинения у перепуганного учителя. Изгнание Михаила Александровича из России за самовольную женитьбу длилось недолго. На семейном кругу императорского дома Михаила Александровича простили Шереметьевской дали титул графини Брасовой, по названию имения Михаила, и смирились с их неравным браком. Тем более, что графиня уже ждала сына. Не появляться же ему на свет незаконнорожденным!

Россия между тем, уже была на пороге Первой мировой войны. Михаил Александрович принял под командование «дикую дивизию». В сражениях, как и в жизни, был смел и умен. За ратные дела получил Георгия IV степени. Затем командовал 2-м кавалерийским корпусом и опять же не уронил своего великокняжеского достоинства. Симпатии к нему у офицеров и солдат росли.

Михаил Александрович и надвигающуюся революцию встретил философски спокойно, как неизбежное зло. Даже брата Николая успокаивал *«Забыв все прошлое, прошу тебя пойти по новому пути, указанном народом в эти тревожные дни, когда мы, русские, так страдаем. Я шлю тебе от всего сердца совет, диктуемый жизнью и моментом времени, как любящий брат и преданный русский человек. Михаил»*.

Обстоятельства вынудили императора отказаться от престола. Преемника более достойного, чем Михаил Александрович, он не видел. В письме к нему после отречения от престола Николай II писал *«События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники»*⁸²

Принимать трон Михаил Александрович отказался, посоветовав Временному правительству созвать Учредительное собрание, которое и определит, кому править Россией.

После того как «революционная свобода» окончательно растранижила остатки продовольствия и снаряжения, в столице начались волнения и поиски виноватых. Подоспела еще одна революция.

Опасаясь, чтобы новая власть не стала искать виноватых теперь уже в бывшем императорском доме, Михаил Александрович в ноябре 1917 года умудрился добраться до управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича с просьбой узаконить его общественное положение. Тот на бланке написал, что *«бывший великий князь Михаил Романов имеет право на свободное проживание, как рядовой гражданин республики»*. Не прошло и полгода, как свободное проживание Михаила Александровича закончилось. В марте 1918 года на заседании Совнаркома приняли решение *«О высылке бывшего Великого князя Михаила Александровича в Пермскую губернию»* Вместе с ним отправились в ссылку его секретарь Брайн (Николай Николаевич) Джонсон, камердинер Челышев и шофер Борунов.

В Перми, куда привезли Михаила Александровича с его спутниками, сначала тоже вроде бы было сносно. Поселились они сначала в гостинице при бывшем Дворянском собрании, а затем в гостинице купца Королева. Жили тихо. Как вспоминают современники, каждое утро и вечер высокий стройный блондин с военной выправкой в сером свободном плаще, в фуражке военного образца и начищенных сапогах шагал в направлении местной ЧК на отметку. Рядом шел маленький полный улыбчивый иностранец, секретарь князя Джонсон. Никакой охраны, никаких сопровождающих. Кто-то из доброжелателей советовал-таки Михаилу Александровичу спрятаться где-нибудь подальше, пока не поздно. В ответ на что тот с неизменной своей беспечной улыбкой заметил. *«Куда же я такой большой спрячусь. Меня сразу обнаружат. Потом я ничего плохого народу в России не сделал. От кого мне прятаться?»*

Оказывается, было от кого. На митингах в Мотовилихе и пермском горсовете все чаще стали раздаваться призывы арестовать великого князя. *«Если органы власти не посадят М. Романова под замок, рабочие сами с ним разделаются»*, - вынес резолюцию митинг на Мотовилиховском заводе.

И разделались! Была ли эта личная инициатива местных революционеров или итог заранее тайно спланированной в Москве акции - время покажет.

В ночь с 17 на 18 июня пятеро вооруженных подняли Михаила Александровича и Джонсона с постели и силой увезли из города. В нескольких верстах от Мотовилихи их застрелили, останки бросили на обочине, а утром закопали. Вещи арестованных убийцы разделили между собой. В тот же день опубликовали сообщения, что великий князь и его секретарь бежали. Камердинера и шофера расстреляли, как сообщников.

Местная газета «Русская армия» писала, что великому князю все же удалось бежать из пермской гостиницы, в которой он находился под большевистским домашним арестом. Вроде бы и до Дальнего Востока великий князь добрался, где собирает войско, чтобы освободить брата из томского заключения.

Надеялся и Дмитрий Никифорович, что дошли его молитвы до Господа - жив Михаил Александрович. Во здравие ставил свечи перед алтарем. Только все это была ложь, распускавшаяся теми, кому она выгодна, и распространявшаяся еще не разуверившимися в доброте человеческой людьми, такими как Дмитрий Никифорович.

В то время как Д.Н. Кайгородов творил молитвы за своего ученика и его кузенов «Константиновичей», тех и других уже не было в живых.

Обезображенные останки Михаила Александровича и Н.Н. Джонсона из земли уже выкопали и сожгли в доменной печи. «Бегство» убитого и спрятанного Михаила Александровича было лишь сигналом для убийства по той же схеме других находящихся под арестом Романовых.

- Миша, Миша. Вечная тебе память. Царствие тебе, великомученику, небесное!

Дмитрий Никифорович вздохнул Мысли его опять перенеслись к Анатолию. Анатолий Дмитриевич и юристом оказался неплохим. Дмитрий Никифорович гордился его успехами по юридической части в комиссии по законодательству Совета министров, где Анатолий имел уже высший оклад помощника начальника отдела и чин коллежского советника. Для начинающего чиновника это была уже верная удача и надежная дорога к карьере. Конечно, это не то, о чем мечтал Анатолий, почувствовав силу в своей кисти. Искусство - его призвание Оттого он так и доволен своей ревельской школой. Она ему во сто крат милее чиновничьего кабинета. Как бы хорошо не было в Петрограде, из Ревеля Анатолий уже не уедет. У него верный кусок хлеба и две дочурки, о будущем которых нельзя не позаботиться. Помоги ему Бог. Кайгородовы чужим трудом, именьями и капиталами никогда не жили. Достояние их - собственный труд. Мне уже 75-й год, а я, слава Богу, сложа руки не сижу, тружусь. Дай-то Бог пережить лихолетье, свалившееся на Россию Может, сохранится «Теремок» у Золотого пруда с картинами Анатолия и моими книгами, коллекциями. Будет куда приехать и Анатолию в гости, а Тамарочке обогреть нашу старость и достойно встретить свою. Дай-то Бог! Дай-то Бог!

- Отче наш, иже еси на небеси. Да будет царствие Твое. Если случится беда, дай мне силы принять ее с твердостью и превратить в жертву Тебе. Источником добра сделай меня, Господи, для всех, с кем я завтра встречу.

Все проходит

Изучайте жизнь и деятельность лучших людей и тем выработаете в себе идеалы лучшей жизни и деятельности.

Н.И. Вавилов

Кто жил достойно в свое время тот и останется жить во все времена

Гете

Следующий день 11 февраля Дмитрий Никифорович Кайгородов уже не встретил. Умер он ночью от острого приступа нефрита.

Дмитрий Никифорович разделил горькую судьбу многих талантливых людей России. Редко кто из них живет так долго, как мог бы и должен был жить и совершить все то, к чему был призван и для чего родился.

Жизнь и деятельность Д.Н. Кайгородова может стать примером для многих, а еще больше укором для тех, кто вольно или невольно поспешил забыть имя этого замечательного русского человека.

Последнее свое упокоение Д.Н. Кайгородов рассчитывал найти на Георгиевском охтинском кладбище, где были похоронены его родители, сын, племянница и другие родственники. В 1916 году Дмитрий Никифорович приобрел, на случай, даже место на Охтинском кладбище, уплатив за него, согласно квитанции, 360 рублей. Деньги по курсу тех лет немалые. Трудно сказать, почему хоронить Дмитрия Никифоровича тем не менее решили в парке Лесного института! Официально это трактовалось как особая честь место могилы ученого выбрали именно там, где Д.Н. Кайгородов любил отдыхать во время своих экскурсий, а весной специально приходил сюда слушать соловьев.

Возможно! Возможно, это и к лучшему, поскольку места захоронения всех других Кайгородовых на Охтинском кладбище сейчас уже утеряны. Кто знает, может быть, и его могилу постигла бы та же участь. Или брэнное тело его перетаскивали бы с места на место, как это случилось со многими другими именитыми россиянами, про которых и забыть было, вроде бы, неудобно и могилы которых содержать в порядке оказалось хлопотно. Из сослуживцев и современников Дмитрия Никифоровича редко чье место последнего упокоения сейчас обрело достойный вид и найти его можно.

Разве что могилы профессоров И.И. Померанцева, М.М. Орлова, бывших директоров Лесного института Н.С. Шафранова и Э.Э. Керна, прослуживших в родной альма-матер по 40 лет, но после смерти, судя по могильным крестам, окончательно забытых сослуживцами и учениками. Могилы же других известных профессоров вообще не найти.

Хоронили Д.Н. Кайгородова торжественно, с почетом. Иначе было и нельзя. Несмотря на высокие царские чины и награды, Дмитрий Никифорович был известен и почитаем в народе. Он и в эмиграцию не уехал когда для этого был самый подходящий случай.

Смерть больших людей - не поминки, а повод вспомнить о их жизни и делах. Так и случилось после смерти Д.Н. Кайгородова. В одночасье все вспомнили, что из жизни ушел большой ученый, замечательный педагог и популярный писатель, благодаря которому российский лес стал ближе и дороже миллионам россиян. Соболезнования по случаю его смерти печатались во многих газетах и научных журналах. Вот некоторые из них.

«Скончался в текущем феврале профессор Дмитрий Никифорович Кайгородов который являлся одним из известных знатоков природы и редких педагогов, которые появляются в истории науки чрезвычайно редко и остаются надолго в памяти людей, освещая им жизненный путь».

«Дмитрий Никифорович Кайгородов был не только просветителем, но и побудителем любви к природе у самых разных слоев русского общества».

«Дмитрий Никифорович Кайгородов впервые в России создал фенологическую сеть, в которую привлек к непосредственным наблюдениям в природе и школьников и взрослых. Он вложил огромный труд в обработку десятков тысяч сообщений своих корреспондентов. Ему писали ученые и простые крестьяне. Среди полученных сообщений было и письмо, написанное крестьянином из-за отсутствия бумаги на бересте».

Среди многочисленных некрологов, посвященных Д.Н. Кайгородову, встречались и стихотворные эпитафии :

*О том, что создал ты,
как истый друг природы,
Познав твою любовь,
поют весною птицы
О том, что ты ушел,
печалются народы.
На Родине твоей
и всюду за границей
Твой путь ученого был светел,
прямо и долог*

И славны навсегда Твои земные годы.

Пусть немо говорит

зеленый леса полог,

Что нет певца весны и новых лет в природе.

Ты жив в умах людей

первейший наш фенолог.

Бессмертный именем

профессор Кайгородов.

Общественность Института опытной агрономии, Центрального бюро краеведения, Всероссийского географического общества и, конечно же Лесного института приняла активное участие не только в похоронах Д.Н. Кайгородова, но и в намерении многое предпринять для увековечения памяти своего товарища при Центральном бюро краеведения с этой целью создана была комиссия под председательством Д. Святского, С. Безбаха и Н. Смирнова. Комиссия намеревалась соорудить на могиле Д.Н. Кайгородова памятник и издать полное собрание сочинений замечательного писателя и ученого. В Музее северных окраин решено было создать экспозицию о жизни и деятельности Д.Н. Кайгородова и регулярно проводить посвященные Дмитрию Никифоровичу чтения, собрания, лекции, беседы. Фенологической сети страны присвоили имя Д.Н. Кайгородова и поклялись всячески содействовать продолжению начатых им фенологических наблюдений, закончив, в первую очередь, обработку материалов, собранных самим Д.Н. Кайгородовым.

Средств на все эти мемориальные мероприятия, как и на установку памятника и на переиздание книг ученого, конечно, не выделили. Зато постановлением СНК от 29 мая 1929 года разрешили комиссии самой собрать нужные деньги по подписке, на установку памятника Д.Н. Кайгородову - 10 тысяч рублей и на издание его трудов - еще 5 тысяч. Комиссия добросовестно приступила к делу. По всей России разослали подписные листы и портреты Д.Н. Кайгородова. Сумму взносов не устанавливали. Каждый жертвовал, сколько мог. Так как друзья и почитатели Д.Н. Кайгородова чаще были люди простые - крестьяне, рабочие, школьники - взносы большими не были: по 10-15 копеек. На пятак больше подписывались ученые. Удивительно! Нужную сумму почти собрали! Только напрасными были все эти хлопоты. Памятник Дмитрию Никифоровичу так и не соорудили, а книги его не переиздали. На что потратили собранные народные копейки, никто уже и не помнит. Потом они, как нередко случалось в России, девальвировались, золотые копейки - в медь, а золотые червонцы - в пахнувшие типографской краской, постоянно дешевеющие ассигнации. Впрочем, проект памятника Дмитрию Никифоровичу скульптор Л.В. Шервуд сделать успел.

Надгробный памятник ученому должен был изображать Д.Н. Кайгородова во время записи фенологических наблюдений. Эскизом дело и закончилось. Пропал даже фарфоровый барельеф покойного выполненный на личные средства его дочери Тамары Дмитриевны. Сейчас в парке Лесотехнической академии на могиле Д.Н. Кайгородова лежит скальный обломок, но это не памятник, а временный надгробный закладной камень.

*Проект памятника
Д.Н. Кайгородову в парке
Лесотехнической академии
(Автор Л.В. Шервуд)*

Удивительно распорядилась судьба этот скальный обломок - часть бывшего постамента петровского памятника «Царь, спасающий утопающих моряков». Сам царский памятник утопили в Неве в 1917 году. Оставшийся без скульптуры постамент вызывал недоуменные вопросы у прохожих, прогуливавшихся по невиской набережной перед Адмиралтейством Его и пожертвовали Лесному институту для закладного могильного памятника бывшему заслуженному профессору, «отцу русской фенологии» и «великокняжескому учителю» императорского дома. Более подходящего употребления остатку петровского памятника придумать трудно. Он как бы соприкасает судьбу замечательного ученого, писателя, педагога с делами, о которых мечтал Великий Петр.

Памятник Д.Н. Кайгородову, если заглянуть за забор парка Лесотехнической академии, с трудом можно разглядеть в густом чертополохе Запущен он и не ухожен, как и все в бывшем Лесном институте, которому Дмитрий Никифорович отдал 50 лет жизни Впрочем, и о Д. Н. Кайгородове, и о памятнике ему в парке академии мало кто знает не только из студентов, но и служащих.

Собрание сочинений Д.Н. Кайгородова не издавалось. Одна из его книг переиздана в 1939 году, но не «Из царства пернатых», любимая им и об издании которой особенно хлопотала дочь Дмитрия Никифоровича Тамара, а «Беседы о русском лесе». Это было 9-е ее издание, в том числе первое после революции. Выходила в 1967 году в издательстве «Лесная промышленность» еще одна книга Д.Н. Кайгородова - «Родная природа», но в очень скромном, скучном оформлении, с купюрами и небольшим тиражом. Вот и все практические напоминания о литературном наследии одного из крупнейших популяризаторов родной природы в России. Это в стране, где ежегодно выпускалось по 2,5 миллиарда экземпляров книг ежегодно!

Закрылся Музей северных окраин. Судьба кайгородовской экспозиции, если она в музее была, неизвестна.

Лекции, беседы, литературные чтения о Д.Н. Кайгородове проводились, пока собирали деньги на памятник и издания. Затем они становились все реже и реже. У душеприказчика Д.Н. Кайгородова - Лесного института (Лесотехнической академии) и наследника кайгородовского имущества - Санкт-Петербургского научно-исследовательского института лесного хозяйства руки стали доходить только до собственных юбилеев и красных революционных дат.

И все же память о замечательном ученом, инженер-технологе, заложившем в Лесотехнической академии основу лесоинженерного дела, отце русской фенологии и замечательном педагоге Дмитрие Никифоровиче Кайгородове жива. Каждый, кто хотя бы однажды прочитал одну из его книг о природе, по-иному, глубже и внимательнее начинает в нее всматриваться.

Вечная ему память! Большое ему спасибо!

После смерти Д.Н. Кайгородова появились проблемы у его жены и верной помощницы Валентины Романовны, 50 лет делившей с мужем тяготы его труда. Она оказалась в труднейшем материальном положении.

Комиссия по улучшению быта ученых по-прежнему работала (просуществовала до 1937 года). Более того, возможности ее становились каждым годом значительнее. Зарплата пансионариев ЦКУБУ росла как и их число. По ценам твердой валюты 1923 года, она в среднем приближалась к полтора золотым червонцам, а у высшей категории чуть больше. Ее хватало лишь на муку и воблу. Через год продовольственный паек оценивался в 5 золотых рублей. К нему стали добавлять шоколад и икру. У пансионариев появились и новые льготы. Одной из них был отдых в специальных санаториях и домах отдыха. В санаторный паек попадали уже фрукты, копчености, кофе, какао, сыр.

Институт опытной агрономии пытался сохранить льготы для жены покойного хотя бы по так называемому «золотому довольствию» «в размере, какой выдавался ее мужу». Не удалось! После похорон Валентине Романовне выдали единовременное пособие в сумме 150 рублей, И все! С пенсией пришлось подождать еще полгода. Ее определили в сумме 75 рублей в месяц. Жить практически стало не на что. Скоро возникли проблемы и с жильем. На содержимое кайгородовского дома существовала охранная грамота Луначарского, но сам-то дом был национализирован. Жили в нем Кайгородовы на правах пожизненных арендаторов. После смерти Дмитрия Никифоровича соответственно кончились и договорные обязательства.

Валентина Романовна начала хлопотать о денационализации дома и обратилась в Петросовет с соответствующей просьбой. Ее поддержало руководство Лесного института и Академии наук. Дом все же вернули. Осложнялось возвращение на родину дочери - Тамары Дмитриевны. И по этому вопросу пошла с ходатайствами в соответствующие организации руководство Лесного института и Академии наук. Наконец разрешение получено. Тамара Дмитриевна в Ленинград вернулась только с дочерью Татьяной. Остальные ее дети остались в Эстонии. Валентина Романовна оказалась наследницей имущества, принадлежавшего профессору Кайгородову⁸³. Вернувшись на родину, Тамара Дмитриевна поселилась с матерью в отцовском доме. Она приводит в порядок исследовательские труды отца и передает их в Академию наук. Однако заболела старшая дочь Тамары Дмитриевны, бывшая замужем за военным эстонским летчиком Андресеном. Сын Тамары Дмитриевны - Петр возвращаться в Россию тоже отказался. В начале 1925 года Тамара Дмитриевна уезжает с дочерью Татьяной в Ревель.

В 1926 году снова заболевает Валентина Романовна. Передав сына на попечительство брата Анатолия Дмитриевича, Тамара Дмитриевна вновь приезжает на родину.

Устраивается в библиотеку Лесного института, в которую Валентина Романовна перед смертью успела передать огромную книжную коллекцию мужа. Обработкой библиотечных фондов отца и занялась Тамара Дмитриевна. К сожалению, дальнейшая судьба библиотеки неизвестна. В каталогах Лесотехнической академии она отсутствует. Рассредоточилась ли уникальная кайгородовская библиотека среди огромных академических книжных фондов или ее, как это часто бывает с неучтенными дарственными библиотеками, списали и растащили – непонятно. Так же неясна судьба научных коллекций Дмитрия Никифорова и картин Анатолия Дмитриевича. Чего-то эти коллекции стоили, если сам А.В. Луначарский в свое время за них заступился!

В предчувствии смерти Валентина Романовна определяет в июле 1925 года Тамару Дмитриевну Маресьеву своей душеприказчицей Она завещает дочери *«все принадлежащее движимое и недвижимое имущество, находившееся в арендуемом доме Лесного Института по Институтскому 21»*⁸⁴. Чтобы войти в права наследницы, Тамаре Дмитриевне пришлось оформить российское гражданство.

В 1928 году новое горе обрушилось на Тамару Дмитриевну тяжело заболела дочь Кира. Она была вынуждена ехать к ней сначала в Финляндию, а затем везти ее в Ревель. Спасти Киру не удалось. В Ревеле она умирает.

Тамара Дмитриевна вновь возвращается в Ленинград и устраивается на Лахтинскую экскурсионную станцию, разместившуюся в бывшем имении старинного товарища отца Александра Стенбока, а затем в Зоологический музей при Академии наук (Во время революции А. Стенбок служил в белогвардейском корпусе фон дер Гольца. Затем стал шахтером, левым журналистом. После Второй мировой войны оказался видным общественным деятелем). Дочь Тамары Дмитриевны - Татьяна Петровна учится в Ленинграде на подготовительных курсах и работает делопроизводителем при Академии наук.

Содержать дом у Золотого пруда в Лесном наследникам Д.Н. Кайгородова уже не под силу. Сделать его мемориальным - никому в голову не приходит. В 1929 году Тамара Дмитриевна продает его за смехотворную цену - за 25 тысяч рублей (по курсу тех лет - 1000 долларов), сама же с дочерью снимает квартиру на Песочной улице (дом №33 кв. 9)

К этому время НЭП уже кончился, иными стали условия жизни. Надо полагать, Тамара Дмитриевна с сожалением стала вспоминать свою совсем непростую эмигрантскую жизнь. Тем более, что отца и матери, ради которых она вернулась в Россию, уже не было в живых.

Решили с дочерью возвращаться в Ревель. Первой подала заявление на выезд Татьяна, но получила отказ. Знакомые привели знатока по нелегальным переходам границы. За работу он запросил две тысячи рублей. Деньги получил, но под арестом оказался прежде, чем исполнил обещание.

На оставшиеся от продажи дома у Золотого пруда деньги Тамара Дмитриевна стала приобретать валюту. Что-то купила с помощью дальних родственников у обрусевшей англичанки, получившей наследство из Англии. Большая же часть денег перешла к спекулянтам-валютчикам, попросту обобравшим беспомощную женщину. Какую-то часть денег от проданного дома Тамаре Дмитриевне все же удалось отослать сыну через шведское и эстонские консульства в Ревель.

Собственно, на этом и закончилась ленинградская жизнь Тамары Дмитриевны.

В канун нового 1931 года - 25 декабря 1930 года к дому на Песочной подъехала черная зарешеченная машина и увезла Тамару Дмитриевну вместе с дочерью в ГПУ (Главное политическое управление). Обвинение предъявлено было по пяти статьям шпионажу (ст. 58-6), диверсионным актам (58-9), недонесении о контрреволюционных преступлениях (58-12) и выезде за границу или въезде в СССР без разрешения.

В деле, хранящемся в архиве бывшего КГБ, сохранились протоколы опроса Тамары Дмитриевны и ее дочери. Из них следует лишь причастность Тамары Дмитриевны к приобретению и пересылке в Ревель валюты. О шпионаже, контрреволюции и контрреволюционных выступлениях и речи не идет. На вопрос следователя по поводу отношения к советской власти Тамара Дмитриевна отвечает предельно откровенно: *«Да, как человеку верующему, не нравится мне глумление над церковью. Досадно, что в магазинах с трудом можно купить самое необходимое на те деньги, что достаются нелегким трудом. По поводу пятилеток ничего не могу толком сказать, поскольку мало что в этом понимаю, но полагаю, что чрезмерно быстрая коллективизация и механизация могут иметь негативные последствия для страны».*

Судила «тройка» ОГПУ Ленинградского военного округа. Тамару Дмитриевну осудили на 5 лет заключения в лагере. В Архангельской ссылке она пробыла все же меньше положенного. Жила большую часть времени на вольном поселении на Поморской улице 57, кв. 2.

В 1934 году Тамаре Дмитриевне разрешили поселиться в Калуге. 31 июля 1989 года военной прокуратурой Ленинградского военного округа Тамару Дмитриевну полностью реабилитировали.

Дочь Тамары Дмитриевны - Татьяну продержав под следствием месяц, 24 января 1931 года отпустили - очень уж абсурдным были предъявленные к ней обвинения. Она вскоре вышла замуж и из Ленинграда уехала. Училась в Москве живописи. По славам Тамары Дмитриевы, дочь унаследовала художественный талант Кайгородовых и обещала стать хорошей художницей. Как сложилась ее судьба?

Тамара Дмитриевна много сделала для сохранения памяти об отце даже после того, как оказалась в заключении. Ее переписка с руководством Географического общества, в котором оказалась фенологическая сеть страны после смерти Дмитрия Никифоровича, продолжалась несколько лет, но, как видно из этой переписки, была не очень продуктивной. Грустно читать письма этой самоотверженной, где-то несчастной, женщины. В январе 1937 года Тамара Дмитриевна пишет Сергею Александровичу Безбаху - ученому секретарю фенологической сети, что очень хворает, сломала ногу и передвигаться может лишь на костылях. Тем не менее, она пытается продолжать дело отца встречается со школьниками, беседует о природе, учит ребят рисованию. Ее по-прежнему беспокоят дела по установке памятника на могиле отца. Средств на его установку, по-видимому, не хватит, поскольку собранные деньги уже упали в цене, а новые собрать по подписке не удастся. Лучше изыскать их путем переиздания хотя бы одной из отцовских книг. Наиболее реальной к переизданию она считала книгу «Из царства пернатых». В очередном своем письме от 21 ноября 1937 года Тамара Дмитриевна продолжает хлопотать о переиздании книги, просит поговорить с Г.Г. Доппельмайером и П.П. Серебряковым о рецензировании, поскольку со времени ее последнего переиздания (1923) могли произойти в науке какие-то изменения. Зря Тамара Дмитриевна все это писала! Книга так и осталась не переизданной, также как памятник - не установленным.

Слава Богу, сохранился архив Д.Н. Кайгородова, переданный Тамарой Дмитриевной в 1940 году Всероссийскому географическому обществу, которое и помогло нам написать книгу о самом Д. Н. Кайгородове.

Как сложилась жизнь ее сына, Петра Петровича Маресьева, узнать не удалось, а вот о брате - Анатолии Дмитриевиче и его потомках известно больше. Недавно вышла книга дочери Анатолия Дмитриевича, в замужестве Ирины Финдлоу, «Путь к единству» Ирина и ее сестра Настя имели возможность посещать Таллинский государственный колледж и получили неплохое образование. В 1939 году семья Кайгородовых уехала в Германию. Дочери разъехались. Ирина очутилась в Англии в Оксфорде, где и вышла замуж за английского проповедника Джона Финдлоу.

Двое их дочерей, Мария и Анна, стали женами греческих бизнесменов, у них взрослые сыновья и внуки.

Удивительной оказалась генетическая память потомков Д.Н. Кайгородова. Правнучки его - Мария и Анна - частые гости России и особенно Петербурга. Всякий раз увозят они от дома прадеда щепотку русской земли. Сохранили и русский язык. По тому с какой добротой и вниманием светятся их глаза, когда они слушают рассказы об истории своих русских предков, с какой готовностью пытаются приобщиться к русской культуре, русским обычаям и традициям, можно не сомневаться, что несмотря на тяжкие испытания, выпавшие на долю их предков, они по-прежнему гордятся теми каплями русской крови, которая в них течет.

Нет! Не потеряны для нашей страны те русские, которые вынуждены были покинуть родину после революции.

Примечания

Книга первая. Дом у Золотого пруда

1. РГА, ф. 381. оп. 41, д. 27282.
2. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1, ед. 527-598.
3. *Векентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус. - Витебск, 1910.*
4. Там же.
5. Полоцкий кадетский корпус: 75-летие Полоцкого кадетского корпуса (1835-1910), | Б. м, 1910.
6. РГА ВГО. ф. 14, оп. 1, ед. 351.
7. РГА, ф. 478, оп. 35, ед. 448-985, д. 4, ч. 2.
8. Естествознание в школе - 1924. - Вып. 1.
9. Разведчик. - 1898.
10. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1, ед. 352.
11. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1, ед. 180.
12. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1. ед. 353; РГА, ф. 398, оп. 6, д. 12651.
13. Историческое обозрение трудов императорского московского Общества сельского хозяйства со времен его основания до 1846 года. - 1850.
14. *М. Арманд. Петр II. - М., 1995. - С. 392.*
15. Диалог - 1991. - № 7 - С. 22.
16. *Ленин В. И. Поли. собр. соч. - Т. 36. - С. 16.*
17. РГА ВГО, ф. 1, № 5.
18. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1, ед. 25.
19. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 55.
20. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2. Письмо от 5 янв. 1874 г.
21. РГА ВГО. ф. 14, оп. 15.
22. РГА ВГО. ф. 14, оп. 2, ед. 55.
23. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1, ед. 527-598.
24. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 54. Письмо к Нестеру Никифоровичу от 14 марта 1894 г.
25. *Тимирязев К. А. Соч. - С. 321-322. - Т. V*
26. РГА, ф. 387, оп. 4, ед. 43018.
27. РГА, ф. 387, оп. 7, ед. 38286.
28. РГА, ф. 387, оп. 4, ед. 28869.
29. *Кайгородов Д. Н. Конспект лекций лесного искусства. - 1901.*
30. *Керн Э. Э. Лесоуправление. - 1911.*
31. Лесной журнал. - 1903. - № 6. - С. 1513.
32. *Аристов Я. Промышленность Древней Руси. - СПб., 1866.*
33. *Тимирязев К. А. Соч. Т. VIII. - С. 140-141.*
34. *Тимирязев К. А. Соч. Т. V. - С. 37-50.*
35. *Ткаченко М. Е. Общее лесоводство. - 1939. - С. 40, 41.*
36. Научное слово. - 1903. - № 1. - 127 с.
37. *Розанов В. В. Сумерки просвещения//Религия и культура: Сб. ст. - СПб., 1899. С. 30.*
38. РГА, ф. 733, оп. 195, ед-140.
39. *Тимирязев К. А. Избр. соч. Т. 1. - М., 1957. - С. 241-242.*
40. Вестник знаний. - 1935. - 7-12.
41. РГА ВГО, Ф- 14, оп. 2, № 15.

42. Гете И. В. Избр. - М., 1964. - С. 214.
43. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 54 Письмо от 8 июля 1893 г.
44. РГА АН, ф. 310, оп. 1, ед. 28,131
45. *Тимирязев К. А.* Соч. - С. 296-298. - Т. 9.
46. *Розанов В. В.* Сумерки просвещения//Религия и культура: Сб. ст. - СПб., 1899. С. 30.
47. *Писарев Д. Я.* - СПб., 1901. - С. 136. - Соч. Т. IV.
48. *Писарев Д. И.* - СПб., 1894. - С. 317. - Соч. Т. III.
49. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 4.
50. РГА, ф. 468, оп. 14, ед. 362.
51. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2.
52. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1, ед. 366.
53. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 54.
54. Красный архив. - 1922. - №2.
55. *Городецкий С.* Некоторые течения в русской поэзии //Аполлон, - 1913. - № 1.
56. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 30.
57. *Тимирязев К. А.* Наука и демократия: Сб. ст. -М., 1963. - С. 165.
58. Там же. - С. 158.
59. История педагогики. - 1979. - С. 206.
60. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 15.
61. Там же.
62. *Рулье К. Ф.* Избр. биол. произв. - М., 1954. - с. 229.
63. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 3.
64. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 54.
65. Известия Лесного института, - 1939. - Вып. 37.
66. РГА, ф. 387, оп. 1, ед. 602.
67. РГА, ф. 387, оп. 25. Опись журналов Специального комитета по лесной части 1843-1900 гг.
68. *Труды по лесному опытному делу за 1906 г.* - СПб., 1907.
69. РГА, ф. 370, оп. 1, ед. 602.
70. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1, ед. 746.
71. РГА, ф. 478, оп. 15, ед. 17.
72. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1, ед. 794.
73. РГАЭ, ф. 4737, оп. 1, ед. 2.
74. Сельское хозяйство и лесоводство. - 1917. - №3.
75. РГА ВГО, ф. 14, оп. 1, ед. 103.
76. *Аксенов Г. П. В. И. Вернадский.* - Б. м., 1994.
77. Лесной специалист. - 1918. - № 7-8. - С. 8.
78. *Луначарский А. В.* Избр. соч.: Ст. о народном образовании, -М, 1976. - С. 366.
79. РГА, ф. 63970, оп. 1, ед. 3.
80. РГА ВГО, ф. 14, оп. 2, ед. 27.
81. РГА НИИ, ф. 179, оп. 1-2, д. 287.
82. РГА, ф. 478, оп. 15, ед. 17, л. 29.
83. *Блок А* Соч. Т 6. - С. 82.
84. РГА ВГО, ф. 14, оп. 4, ед. 85
85. РГА ВГО, ф. 14, оп. 4, ед. 81.

Список литературы

- Архив АН СССР - Фонды Российского государственного архива, Всероссийского географического общества, архив Санкт-Петербурга.
- Аксенов Г.П. В.И. Вернадский - М., 1994.
- Атлас лесов СССР - М. Изд-во Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1973.
- Белов С.В. Фенология и аэрофотосъемка. - Л.: Гидрометеиздат.
- Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за 100 лет. - М. АН СССР 1946.
- Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. - СПб., 1894. - Т. XIII. - С. 942.
- Булыгин Н.Е. Дендрология. Фенологические наблюдения над лиственной древесиной. - Л. ЛТА, 1976.
- Венгеров С.А. Библиографический указатель русской литературы. - СПб., 1907.
- Гинецинский В.И. Знание как категория педагогики. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Гиряев Д.М. Фенолог, лесовод, публицист // Лесное хозяйство. - 1991. № 12. - С. 29-30.
- Голлербах Э.Ф. В.В. Розанов. - СПб., 1922.
- Гримберг Ф.А. Династия Романовых. - М., 1996.
- Елагин И.Н. Времена года в лесах России. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1994.
- Ельницкий Л.А. Династия Романовых. - Ташкент, 1990.
- Зернов. Русские писатели в эмиграции. - 1921.
- Игнатъев А.Ф., Мартынов А.Н. К 145-летию со дня рождения Д. Н. Кайгородова // Лесной журнал. - 1991. - №3 - С. 131-133.
- Известия ВГО. - 1949. - Т. LXXXI. Вып. 6. К 15-летию смерти Д. Н. Кайгородова // Известия Всесоюзного географического общества. - Л., 1939.
- Кайгородов Д.Н. Земля и люди: Географический календарь. - М., 1959.
- Кайгородов Д. Н. Лесотоварный словарь. - СПб., 1883.
- Котов А.И. Крупнейший фенолог и лесовод. К 50-летию со дня смерти Д.Н. Кайгородова. - М., 1975.
- Лесное хозяйство РСФСР в 1927-1928 гг. - М.: Новая Деревня, 1929.
- Лесное хозяйство. - 1991. - № 12.
- Лесной журнал. - 1882. - Вып. IV. Лесоводственные экскурсии.
- Локтев Я. Я. Известия ВГО. Т. LXXXIII.
- Общественная политическая деятельность Лесотехнической академии им. С.М. Кирова (1803-1883). - Л. Изд-во ЛГУ. 1983.
- Орлов М.М. Очерки по организации опытного дела в России // Труды по лесному опытному делу. - 1989. - Вып. 57.
- Поспелов Е.М. Сезонная ритмика биоценозов. - М.: АН СССР. 1985.
- Природа. - 1950. - №6.
- Ритмы природы Сибири и Дальнего Востока. Вып. 2. Дмитрий Никифорович Кайгородов.
- Смирнов А.В. Д.Н. Кайгородов - летописец родной природы // Советская энциклопедия. 1-е изд. - 1928-1931.
- Суров Ю.Я. Д.Н. Кайгородов - отец русской фенологии. - Томск, 1978.
- Ткаченко М.Е. Д.Н. Кайгородов. - М., 1925.
- Фаас В.В. Результаты бывшего казенного лесного хозяйства. - Пг. Наркомат земледелия, 1919.
- Цейтлин М.А. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. - М. - Л., 1968.
- Шульц Г.Э. Кайгородов Д.Н. // Ботанический журнал. - 1968. - Т. 53. - Вып. 7.

Содержание

Предисловие

5

Книга первая

ДОМ У ЗОЛОТОГО ПРУДА

7

Введение

9

Дом у Золотого пруда

12

Все начинается с детства

22

На государевой службе

33

Охтинский пороховой завод

40

Штабс-капитан Д. Н. Кайгородов

47

Земледельческий институт

59

Лесные знатели из Европы

72

Заграничная командировка

85

Лесной институт

93

Профессор лесной технологии

105

Ученый-лесовод Д. Н. Кайгородов

119

Отец русской фенологии

127

Всенародное дело

136

Вороновские встречи	142
Популяризатор родной природы	149
Во дворце императора	162
Учитель великих князей	168
Литературные «пятницы»	176
Эколог и педагог	183
Последние уроки в княжеском доме	195
Член Ученого комитета	203
Предвоенные годы	214
Революция	222
Гражданская война	235
Инженерная прослойка	244
Нечаянная грустная радость	255
В конце пути	262
Все проходит	275
Примечания	285
Список литературы	287

Рэм Васильевич
БОБРОВ

Дом
у Золотого пруда

Корректор
А.Б. ВОЛКОВ

ЛР № 010257 от 5.12.97 г

Подписано в печать 15.02.01. Формат 60x90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «Академическая». Объем 28,5 печ. л. Тираж 2400 экз. Зак. № 51.

Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт лесного хозяйства
194021, Санкт-Петербург, Институтский пр., 21

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Искусство России»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, к.2